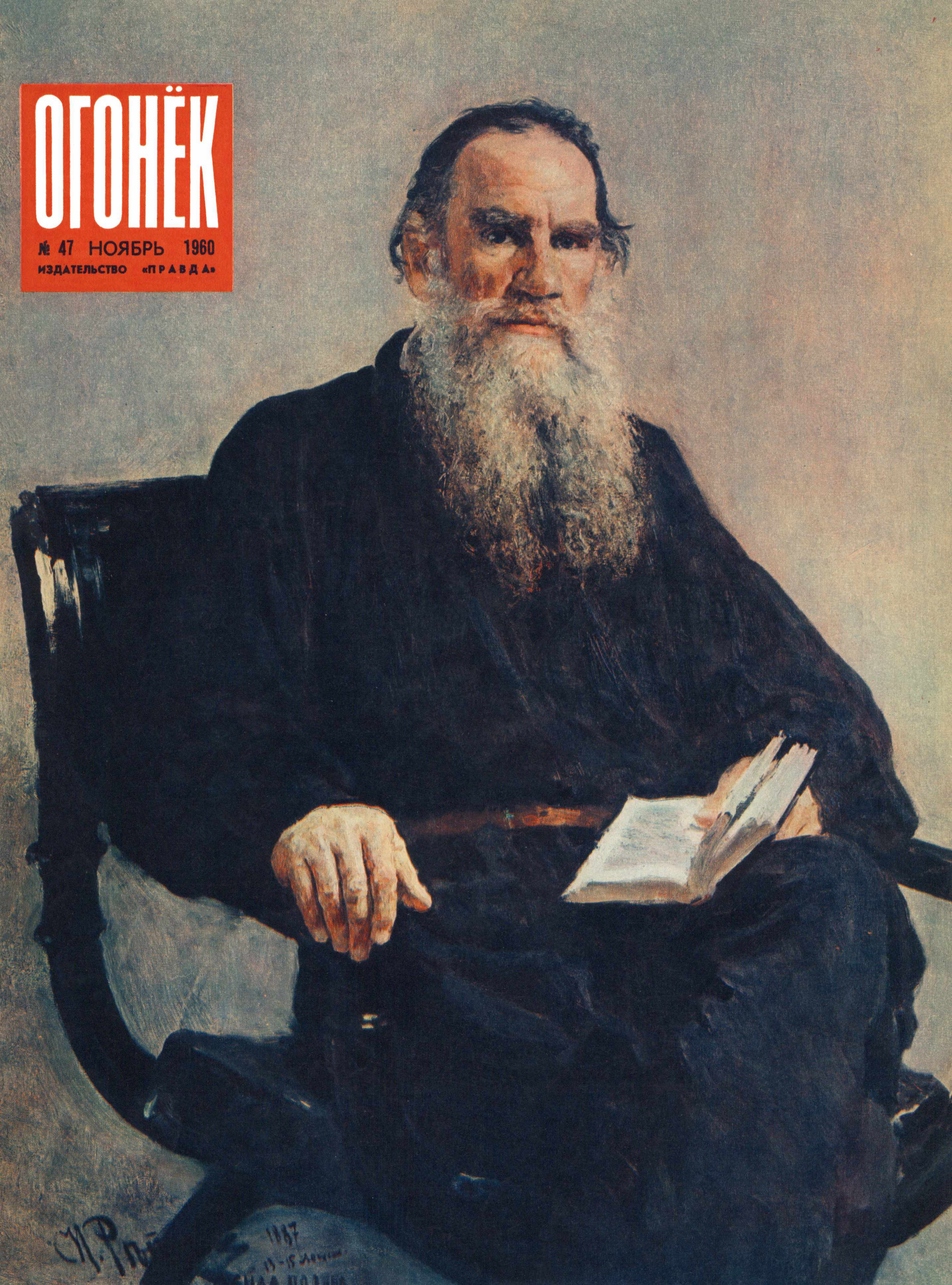

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Два миллиона пудов зерна сдал в закрома Родины совхоз «Краснопресненский» Кустанайской области. Так было в дни уборки на полях совхоза.
Фото Е. Халдея.

В Гегутском овоще-молочном совхозе Кутаисского района, Грузинской ССР.
Фото И. Двали. (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 47 (1744)

20 НОЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

На первой странице обложки: **И. Репин.** Л. Н. ТОЛСТОЙ, 1887.

На последней странице обложки: Ясная Поляна. В парке.
Фото С. Фридлянда.

РАПОРТЫ О ПОБЕДЕ

Хлеба, хлеба... Ни конца, ни края у нашего большого хлебного моря. Оно начинается у зеленых Карпат, и гонят ветры мягкую янтарную волну далеко-далеко на восток — Заволжьем, степями Казахстана; плещется море о седые громады Алтая и катится дальше, до самой прибайкальской тайги.

Кажется, давно ли это начиналось? 1954 год, шумные вокзалы, эшелоны с хлопающими на ветру красными стягами: «Если партия сказала: «Надо!» — комсомол всегда отвечает: «Есть!»

Глубокие снега, тракторы пробиваются через сугробы и тащат, тащат за собой санные поезда, полевые вагончики, целые дома... Кол в снегу, палатки. Потом длиннейшие полосы вспоротой дернины среди ковылей. Первые борозды...

И вот это море. Можно ехать сто и двести километров, и по обе стороны стеной будет стоять пшеница. Начнется страда, летишь в самолете, а по земле, как когда-то первые борозды, из края в край, словно исполинские лучи солнца, лежат валки скошенной пшеницы.

Целина дала возможность не только создать в стране устойчивый хлебный баланс, но и резко расширить в старых житницах посевы кукурузы, свеклы, трав и на этой основе быстро развивать общественное животноводство, увеличивать производство мяса, молока, масла.

Нелегок был нынешний год для тружеников наших нив.

На Ставрополье, на Дону, на Кубани и на юге Украины весной бушевали «черные бури», в некоторых районах засуха выжгла поля. И все-таки хлеба собрано больше, чем в доцелинные годы. И рапортуют об успехах, о досрочном выполнении заданий государства по сельскому хозяйству Российская Федерация и Белоруссия, Азербайджан и Таджикистан, Латвия и Башкирия. А предстоящий пленум ЦК КПСС подведет итоги пути, пройденного нашим сельским хозяйством, и наметит перспективы его будущего развития. И еще шире разольется хлебное море, еще больше одержат побед труженики деревни!

СОТНИ ТЫСЯЧ МОСКВИЧЕЙ в театрах, концертных залах, в цирке, в выставочных залах от всей души, горячо приветствуют искусство братского украинского народа. Богата и разнообразна программа декады литературы и искусства Советской Украины.

Писатели, поэты, актеры, певцы, танцоры, участники художественной самодеятельности побывают в гостях на заводах и в подмосковных колхозах.

На снимке: руководители Коммунистической партии и Советского правительства и зарубежные гости на открытии декады украинской литературы и искусства в Большом театре СССР.

Фото А. Батанова.

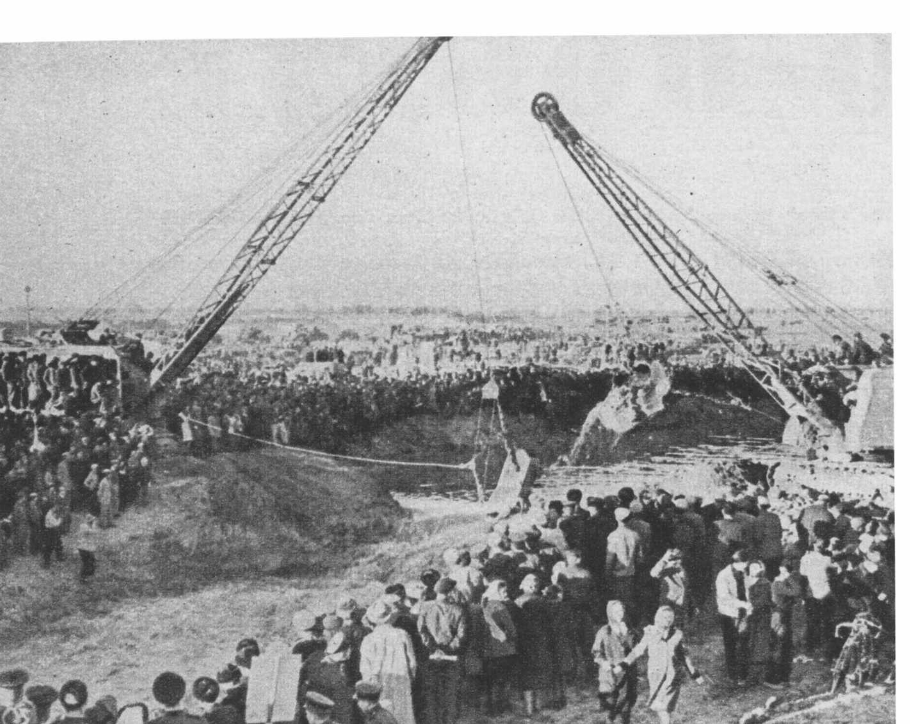

ВОДА ВДОХНУЛА ЖИЗНЬ в знойные пески Туркмении. 540-километровая река пролегла в Кара-Кумах, от Аму-Дарьи до бассейна Теджена, прибавив к плодородным землям республики около ста тысяч гектаров орошаемых полей.

Строительство второй очереди Каракумского канала окончено. Это торжество советской науки, отечественной техники и героического труда туркменского народа.

На снимке: экскаваторы выбирают последние кубометры перемычки.

Фото Г. Мушкамбарова (ТАСС).

В СВОЙ ПЕРВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ РЕЙС вышла новая, четвертая по счету советская китобойная антарктическая флотилия «Юрий Долгорукий».

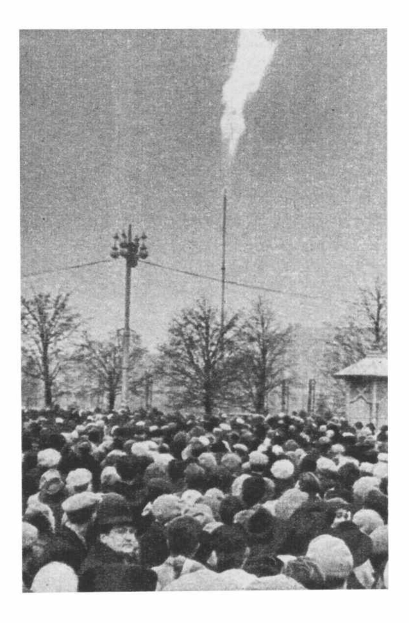
Фото В. Макеенко.

ЕЩЕ ОДНА ВАЖНАЯ НОВОСТРОЙКА семилетки стала действующей — газопровод Дашава — Минск.

За короткий срок проложена газовая магистраль протяженностью 665 километров, соединены предгорья Карпат со столицей Советской Белоруссии.

К концу года газ получат 16,5 тысячи квартир белорусской столицы.

Фото В. Китаса.

ИЗ ДАЛЕКОГО РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО пришла хорошая весть. Снова стали чемпионами мира наши волейболисты и волейболистки.

Для женской сборной команды СССР этот успех — продолжение предшествующих на чемпионатах Европы и мира.

Для наших мужчин — мастеров волейбола — завоеванное мировое первенство — возрождение славы сильнейших. Ни одного матча не проиграли наши мастера в Рио-де-Жанейро.

В ТЕЧЕНИЕ МЕСЯЦА в 22 городах Голландии длилась увлекательная и напряженная спортивная борьба: здесь проходили игры IV большого Олимпийского турнира по стоклеточным шашкам.

И вот 26 туров позади. Они принесли новую блестящую победу советскому спорту: 19-летний москвич Вячеслав Щеголев, пройдя это труднейшее соревнование без единого поражения, завоевал титул чемпиона мира.

В. Щеголев — чемпион мира по шашкам и Сент-Форт (Гаити).

Г. БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Если долго не видишь любимого человека, хорошего друга и встретишь наконец, достаточно посмотреть в его лицо и по каким-то неуловимым и не всегда объяснимым приметам — по выражению глаз, по тому, как протянет руку,— многое поймешь и узнаешь из того, что пережил человек, что перечувствовал он за то время, пока не виделись друзья.

Я люблю Гавану. Она близка мне и дорога, как стала дорога и близка каждому советскому человеку, безразлично, бывал ли он здесь или только читал и слышал об этой стране.

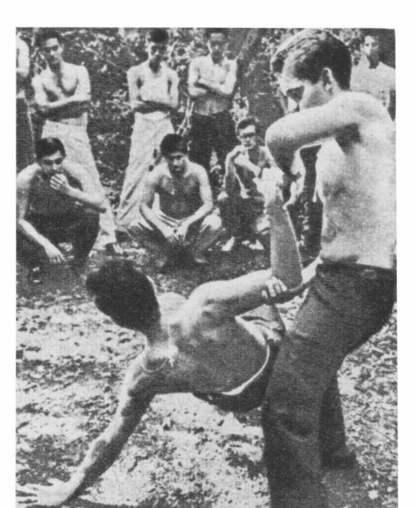
Я не видел Гавану восемь месяцев — небольшой отрезок времени, но в жизни республики, которой не исполнилось еще и двух лет, срок огромный.

И сейчас я внимательно всматриваюсь в лицо друга, в лицо и глаза прекрасного города, стараясь понять, что происходит в его душе.

Этот город начинается огромными гордыми словами. «Куба — свободная территория Америки»,— красными четкими буквами выведено на здании аэропорта. Восемь месяцев тому назад не было еще этих слов. Восемь месяцев назад еще не был спущен американский флаг с крупнейших нефтеобрабатывающих заводов. Тогда еще развевалось полосатое полотнище над многими сахарными заводами. Теперь национализированы последние 166 американских предприятий на территории Кубы, действительно свободной территории Америки.

Этот город начинается веселой музыкой. Каждый приземляющийся в Гаванском аэропорту самолет встречает маленький кубинский оркестр из трех-четырех музыкантов в соломенных шляпах.

ПРОВОКАТОРЫ ГОТОВЯТСЯ...

ЦО ДРУГА

Лицо нашего друга-города, строгое, решительное, суровое, вдруг озаряется удивительно чистой улыбкой. Так улыбаются кубинские дети, так улыбается и наш друг Фидель.

Вечером у парапета Гаванской набережной морские волны перешептываются с влюбленными. Влюбленные не оглядываются на прохожих, они смотрят на море и разговаривают с ним. И море прибивает к их ногам тяжелые мокрые цветы. Эти цветы — подарки волнам в память о Камило Сьенфуэгосе, герое кубинской революции, погибшем в прошлом году. Восемь месяцев назад еще не было этого обычая, он возник теперь.

И только четкая команда «унодос-трес-куатро» вдруг заглушает шепот моря и влюбленных. Это прошел отряд народной милиции. Они разные люди: пожилые и совсем юные, в голубых рубашках, с оружием на плечах.

И в феврале этого года была милиция, но не было оружия. И сейчас, когда на митинге Фидель Кастро спрашивает крестьян и рабочих, поддерживают ли они решение революционного правительства, они в знак одобрения поднимают вверх не мачете, а короткоствольные новенькие автоматы.

Начальника народного ополчения всей Кубы зовут Рохелио Аседо. Ему девятнадцать лет. Его младший брат — начальник учебных учреждений народного ополчения семнадцатилетний Энрике Аседо. Когда во время революционных боев Рохелио и Энрике пробрались в горы, чтобы вступить в отряд Фиделя, Че Гевара сказал: «Отправляйтесь обратно, у нас не детский приют». Но братья все-таки остались в отряде и показали себя далеко не мальчиками в боях с тиранией. В те времена на двоих у них был всего один пистолет.

В милицию, которой командует Рохелио, входят разные люди, разные по возрасту, по профессии, по цвету кожи, по религиозным убеждениям, но единые в решимости защищать свою родину от любых провокаций врагов.

На днях отрядам народной милиции вручили оружие. По существу, ополчение сейчас — это хорошо организованная и хорошо вооруженная армия, о которой даже мало сказать, что она крепко связана с народом. Она сама народ.

Улицы старой Гаваны шумны, говорливы и деловиты, как всегда. Улицы Ведадо — Новой Гаваны — города бело-голубых небоскребов, отелей, затененных деревьями особняков — спокойнее и пустыннее, чем были несколько месяцев тому назад. По требованию госдепартамента Соединенных Штатов уехали американские туристы. С Кубы выехали почти все цивильные американские граждане. Остались только американцы, имеющие специальные интересы, видимо, далеко не цивильного характера. Уезжают с Кубы на американских самолетах те кубинцы, которым нет места в народной революции: владельцы банков, крупных предприятий, сахарных заводов. Крысы бегут, надеясь, что корабль пойдет без них ко дну.

На кубинский корабль наведены пушки крупного калибра. Уже открыло огонь дальнобойное мощное орудие экономической блокады: Соединенные Штаты объявили эмбарго на экспорт товаров в Кубу.

Это серьезный удар по экономике Кубы. Ведь вся она основывалась на продаже сахара Соединенным Штатам и на покупке всех остальных товаров в Соединенных Штатах.

Все, начиная с карандашей, кончая крестьянскими мачете и оборудованием для сахарных заводов, все на Кубе несет на себе зловещее клеймо: «Сделано в США». Но экономический снаряд не достигнет цели, так как есть на свете социалистический лагерь, есть, наконец, такое понятие, как солидарность свободолюбивых народов.

Накануне Октябрьской годовщины в город Сантьяго де Куба, который находится в нескольких десятках километров от американской военно-морской базы, пришел советский танкер «Кострома», один из многих, которые перекачали свою нефть в резервуары кубинского нефтеобрабатывающего завода, бывшей собственности американской компании «Тексако», недавно национализированной кубинцами.

Через два дня в самое большое на Кубе государственное хозяйство «Гранма», которое расположено в нескольких километрах от того места, где высадился четыре года тому назад Фидель Кастро с отрядом из 82 человек, чтобы начать борьбу за освобождение родины, прибывают 40 советских тракторов.

Чувствуя, что экономическими мерами кубинскую революцию удушить не удастся, американский империализм готовится с минуты на минуту открыть огонь из орудий главного калибра, и не в переносном смысле, а в прямом.

В эти дни на территориях Гватемалы и некоторых других государств Карибского бассейна идут последние приготовления к вооруженному вторжению на Кубу. Каждый день поступают сообщения о прибытии в Гватемалу новых самолетов. На американскую базу Гуантанамо подвезли дополнительные контингенты американской морской пехоты. Государственный департамент отозвал с Кубы всех американцев, уехал из Гаваны и посол Соединенных Штатов Филипп Бонсал.

Реакция готовится принять последние меры против кубинской революции — вооруженную агрессию.

Видный чиновник дипломатической службы США Роберт Хилл заявил, что 1 ноября кубинские войска нанесут удар по базе Гуантанамо.

План реакции был таков: объявить миру о том, что кубинские войска якобы напали на американскую базу в Гуантанамо, и под предлогом этого «нападения» начать вторжение на Кубу.

Дело настолько явно двигалось к началу военных действии, и до намеченного срока оставалось так мало времени, что американского командующего базой Гуантанамо адмирала Франка Фенно хватил сердечный удар. Его срочно поместили в местный госпиталь, а затем вывезли в Соединенные Штаты.

Слабонервного адмирала заменил некий Аллен Смит, командующий 10-м военно-морским округом в США со ставкой в Сан-Хуано (Коста-Рика).

Но волна возмущения, вызванная подготовкой американским империализмом агрессии против молодой Кубы, прокатилась по всему земному шару. Снова из Москвы прозвучали предостерегающие слова Н. С. Хрущева.

Реакция не решилась начать вторжение на Кубу в столь «неподходящее время». Вторжение было отложено. Но оно может начаться с минуты на минуту. Для вторжения все готово. Но народ Кубы начеку. Я видел, как вручали в эти дни оружие бойцам крестьянской милиции в провинции Ориенте, в той провинции Кубы, где расположена американская военно-морская база Гуантанамо, где прежде всего ожидается агрессия контрреволюционных сил на Кубе.

Крестьяне в синих форменных рубашках, в широкополых соломенных шляпах взяли в руки оружие, как святыню, как священный меч, который родина вкладывает в их руки для борьбы с врагом.

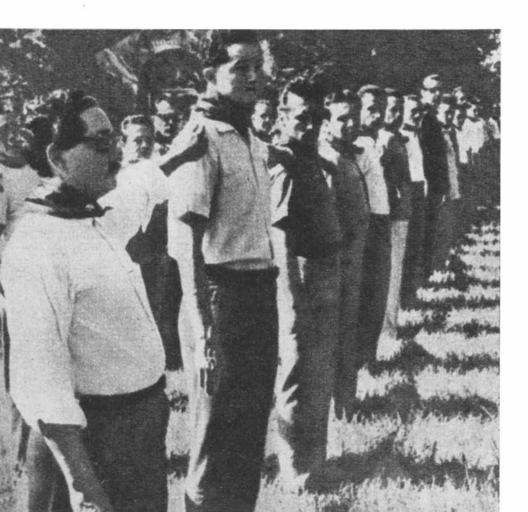
Я всматриваюсь в лицо Кубы, суровое и нежное, спокойное и возбужденное, гневное и улыбчивое. За эти восемь месяцев наш друг возмужал. Он ответил сплочением, единством воли на провокации, взрывы, диверсии, предательства.

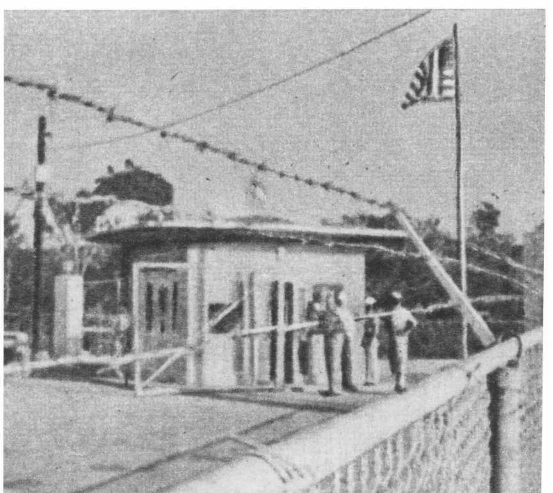
Перед глазами кубинского народа проходит замечательный процесс строительства независимого государства, новой жизни, новой Кубы — свободной территории Америки. И глаза эти улыбаются, улыбаются счастливо и чисто, как улыбаются дети.

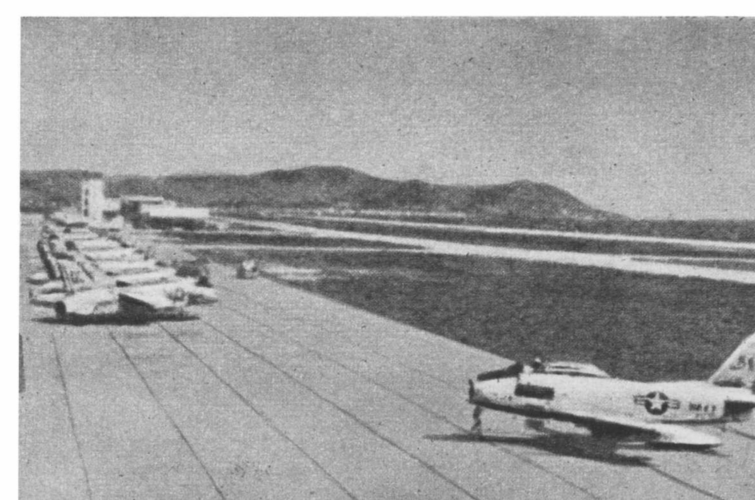
Гавана.

Журнал «Лайф» сообщает, что американский штат Флорида сделался «рассадником антикастровского движения». На американской земле обучаются наемники для борьбы с революционной Кубой. На первом снимке изображено, как тренируются наемники. Второй снимок: враги свободной Кубы, сторонники бывшего тирана Батисты, на военных занятиях во Флориде. Следующие снимки: над небольшим кусочком кубинской земли развевается американский флаг. Это американская база Гуантанамо. Империалисты США планируют использовать ее в своих провокациях против свободной Кубы. На базе Гуантанамо находятся военные самолеты США.

Фото из американских журналов «Лайф» и «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт».

Отличники учебы — курсанты (слева направо): З. С. Горощук, А. А. Саморядов, В. Г. Якушев, Б. А. Малюков.

19 ноября — День артиллерии

ПОВЕЛИТЕЛИ

По жухлой, припудренной снегом траве через кустарник и канавы автотягачи вывозят орудия на огневую позицию. Артиллеристы отцепляют машины, и они уходят в укрытие. Командир батареи капитан Вадим Петрович Захаров вынимает секундомер и командует:

— К бою!

Мигом с орудийных стволов слетают брезентовые чехлы, раздвигаются тяжелые станины лафета...

— Первое орудие готово! Второе готово! —звонко докладывают молодые голоса. Батарея изготовилась к ведению стрельбы с закрытой огневой позиции. Но обстановка на поле боя непрерывно меняется. Справа из-за зубчатой стены леса показались танки противника. Раздается команда, и артиллеристы быстро разворачивают орудия в сторону наступающего врага.

Идет тактическое занятие курсантов Первого ленинградского артиллерийского ордена Ленина краснознаменного училища имени Красного Октября. Это — одно из старейших военных учебных заведений страны.

Офицеры, получившие образование в этом здании, сражались с войсками Наполеона на Бородинском поле, защищали Севастополь в 1854 году, громили гитлеровские полчища на фронтах Великой Отечественной войны, вели огонь по рейхстагу.

— Наше училище,— рассказывает начальник училища генерал-майор артиллерии Михаил Александрович Липовский,— готовит широко образованных офицеров. Программа обучения включает много технических дисциплин.

В классе артиллерийско-стрелковой подготовки. Курсанты обучаются управлять артиллерийским огнем.

ГРОМОВ

По приглашению генерала осматриваем училище. Нас сопровождает подполковник Павел Федорович Черников, который работает здесь с 1941 года. В составе артиллерийского дивизиона, скомплектованного из курсантов, он защищал Ленинград.

— Пройдемте в класс артиллерийско-стрелковой подготовки.

...Просторный класс. За столом курсанты с биноклями в руках. Преподаватель сидит в стороне, у пульта управления. В стене, на том месте, где обычно бывает классная доска, широкий проем, а за ним искусно сделанная панорама местности: речка с берегами, заросшими кустарником, деревеньки среди полей, холмы, лес...

Здесь курсанты обучаются управлять огнем артиллерии с наблюдательного пункта. Сейчас расчеты ведет курсант Тарасов.

В бинокль курсант замечает у подножия холма безоткатные орудия противника.

Быстро рассчитав установки для стрельбы, он подает команду на батарею:

— Стрелять первому взводу по безоткатным орудиям, взрыватель осколочный, заряд второй, прицел 114, основное направление, левее 0-20, уровень 30-03 — первому, один снаряд огонь!

В соответствии с этой командой преподаватель нажимает кнопки пульта управления, и за орудиями противника вздымается пламя артиллерийского разрыва. Перелет! Курсант рассчитывает поправку, подает сигнал — и «снаряд» ложится, не долетев до вражеской батареи. Снова команда — и цель накрыта.

Из отлично оборудованных классов и лабораторий нас ведут в артиллерийский парк. В огромном, похожем на самолетный ангар здании строгими рядами стоят орудия различных калибров.

К вечеру в училище, где вся жизнь идет строго по расписанию, наступают часы отдыха — личное время курсанта. Многолюдно в спортивном зале. В молодых, сильных руках взлетает тяжелая штанга. На ковре тренируются борцы, на ринге раздаются сухие удары боксерских перчаток.

— Спортом у нас занимаются с увлечением,— знакомя нас со штангистом первого разряда Александром Яворским, говорит начальник физической подготовки майор Василий Михайлович Илюшин.— Среди курсантов есть хорошие футболисты, хоккеисты, пловцы, акробаты... Многие из наших воспитанников — чемпионы и призеры крупных спортивных соревнований. Вот, например, Юрий Иванов,—указывает майор на красивого, атлетически сложенного юношу,— чемпион Ленинградского военного округа по классической борьбе.

В коридор долетают звуки хоровой песни: в огромном концертном зале идет репетиция.

При входе в зал подполковник Черников останавливает двух курсантов:

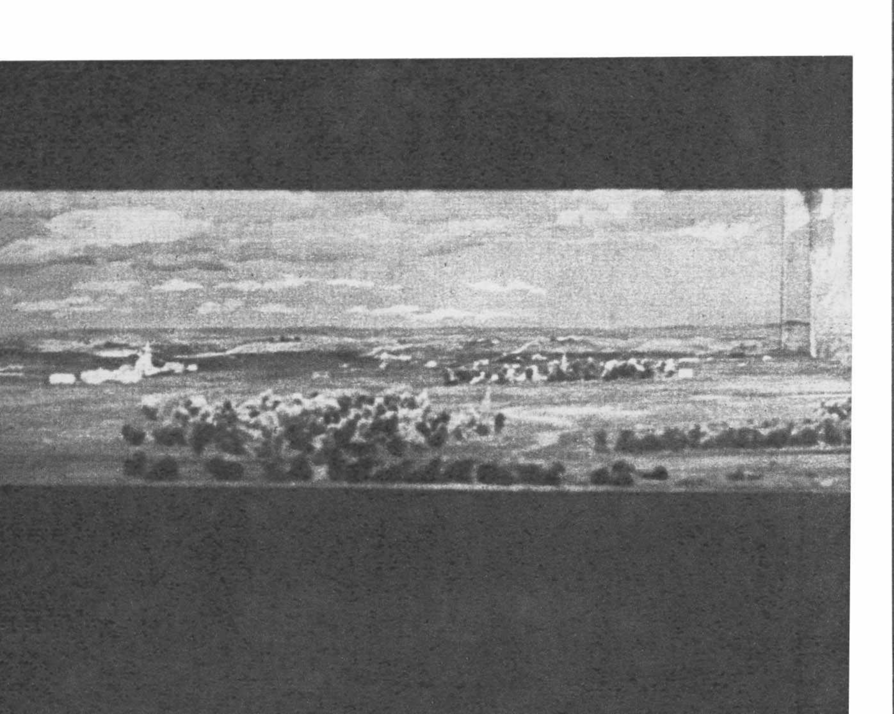
— Вам опять письмо от родителей Марика.

Потом рассказывает нам, как была спасена жизнь этого десятилетнего мальчика.

Марик Тверской заболел белокровием. Для спасения его жизни требовался костный мозг. Когда об этом узнали в училище, сто курсантов предложили сделать им операцию. После тщательных анализов врачи отобрали двух — Василия Заровного и Виктора Федорова. Жизнь Марика была спасена.

Мы покинули Первое ленинградское артиллерийское училище, когда прозвучал сигнал отбоя. В этот день мы познакомились с будущими офицерами советской артиллерии — повелителями громов, смелыми и сердечными, замечательными молодыми людьми.

А. ГОЛИКОВ
Фото Я. Рюмкина.

Подразделение ракетных войск на параде 7 ноября 1960 года.

Фото И. Тункеля.

В ИСПАНИИ

Фото Франческо Нигро.

ИСПАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Казимеж **ДЕМБНИЦКИЙ**,
польский журналист

Сначала это была встреча с землей. Рыжей, заржавевшей, словно на ней сохранились следы крови, голой и пустынной землей. В получасе полета отсюда остались плодородные поля Франции, зеленая долина Гаронны, оживленные дороги, бесчисленные толпы людей. Невидимая сверху граница открыла перед нами скалистую пустыню Кантабрийских гор. На полях старой Кастилии не видно ни людей, ни машин. Мы пролетаем над десятками дорог и шоссе. Они тоже пустынны.

Странная это земля, с мыслями о которой мы жили четверть века назад, земля, где сражались и гибли наши друзья. Встреча с этой землей вызывает волнение уже потому, что это встреча с собственной молодостью.

Самолет снижается. Он описывает широкий круг над Сьерра-Гвадаррамой, над горами с плоскими, срезанными вершинами. Здесь, на подступах к Мадриду, гибли поляки-добровольцы из интербригад, здесь рождались песни, живущие и до сего дня, здесь перед Хемингуэем вырисовывались новые книги, здесь был и Михаил Кольцов, отсюда смотрел на Вислу генерал Вальтер.

Здесь в те годы родился для нас облик Испании. И он всегда в наших сердцах.

Знакомство с Мадридом

Мадрид возникает перед глазами внезапно, сразу после того, как мы пролетели над большой американской базой, где рядами стоят реактивные самолеты, защищающие государство генерала Франко, «демократию и культуру». Эта база находится в пустынной местности, вдали от людей, тщательно замаскированная и различимая только сверху. И вот уже мелькают залитые безжалостным солнцем юга постройки аэродрома.

Внизу, около лесенки, приставленной к самолету, какой-то неутомимый фотограф ловит в объектив каждого выходящего. Зачем это нужно небритому, оборванному субъекту, непрерывно щелкающему затвором камеры?

Таможенный осмотр багажа, проверка паспортов.

Наконец я иду к автобусу. Ко мне бросается фотограф и протягивает еще влажный снимок — только 15 песет! Я спрашиваю его в шутку:

— Вы ведь вдвойне, конечно, зарабатываете: 15 песет от клиента и 15 от полиции?

Фотограф смеется и отвечает, не смущаясь:

— Надо ведь как-то жить, сеньор!

Автобус мчится в город.

Широкий бульвар. Площадь Колумба, снова бульвар и площадь Сибелес, еще улица, слева — Прадо, справа — бюро общества Иберия. Конец нашего пути, получение багажа... Стоп! Багажа нет.

Мой чемодан, оказывается, пропал. Через два часа он нашелся. Все в нем было перевернуто вверх дном.

И вот я иду по широкой улице Алькала, погружающейся в голубоватые сумерки и освещаемой неоновыми рекламами, автомобильными фарами. В густом потоке машин проносятся мотороллеры. На их задних сиденьях по итальянской моде примостились девушки, одетые также по итальянской моде. Лица мужчин с жирно блестящими черными волосами перечеркивает полоска усиков. Преждевременно отцветшие, заплывшие жиром завсегдатаи кафе потягивают вино, говорят тихо и спокойно, без горячей жестикуляции южан.

Перед некоторыми стоят на коленях чистильщики сапог, молодые и старые. А владельцы модных ботинок разговаривают, флиртуют, ловят взглядом проходящих красавиц, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто за 5 песет наводит зеркальный блеск на их обувь.

Пять песет — это много!

В маленьком скромном ресторанчике на улице Ля Салюд завтракают мелкие чиновники, швейцары и бои отелей, шоферы, носильщики.

Мне принесли два тоненьких ломтика говядины, немного жареного картофеля. Рядом за столиком сидел старый, беззубый человек в порыжевшем костюме. Мы разговорились.

— Я работаю в отеле ночным швейцаром. В двенадцать начинаю, в восемь кончаю. Получаю тысячу песет...

Я заказал для него пива и попросил счет. За жалкую порцию жесткой говядины и две кружки пива причиталось 30 песет плюс 3 песеты на чай.

— Так вот, я получаю тысячу песет... Подождите, минутку терпения. Я знаю, что вы пересчитаете это на доллары. Так выйдет шестнадцать долларов. На эти деньги прожить нельзя. У меня жена, старая женщина. Она не работает. Но если бы она и была молодой, то с работой для женщины нелегко. Мой сын зарабатывает пятьсот песет. Это значит, что он может купить метр шерсти раз в месяц. И еще у меня есть дочь. Она учится на портниху. Пока что ничего не зарабатывает. Еще приходится платить за учение.

Мы пьем уже по третьей кружке пива, и старик все говорит без умолку.

— Вы спрашиваете, на что мы, собственно, живем. На разные случайные заработки. В восемь утра кончается мое дежурство. Но я не еду домой. Утром можно подработать. Утром в отель приезжают новые гости. Я открываю дверцы такси, помогаю донести багаж — пять песет. Если машина собственная, можно получить и десять. Но так бывает только первый раз. Во второй раз гость уже знает, что достаточно пяти песет. Вы не имеете понятия, как они экономны, эти богатые люди!

Потом гости выходят в город. Им всегда нужно что-нибудь объяснить, куда-нибудь отвести, что-то для них сделать. Снова пять песет. Иногда они просят обменять им валюту. Это — самое лучшее поручение. Зарабатываешь пятнадцать и даже двадцать песет. Но тут большая конкуренция.

Около полудня наступает «мертвый сезон»: слишком жарко. Тогда я еду домой. Мы с женой закусываем. А после полудня нужно опять возвращаться в город: в это время гости ходят в музей Прадо, в галереи. Я им покажу дорогу, что-нибудь расскажу — пять песет. И так до вечера...

Как бы оправдываясь, старик добавляет:

— Все ведь от нужды, сеньор. Это наш каудильо так устроил. Но долго так не может продолжаться. Пусть бы даже пришли коммунисты. Это было бы лучше.

Старик задумался. Его крысиная мордочка как будто бы разгладилась. Он что-то выдумывает или ищет облик правды, такой, чтобы подошла и ему и собеседнику.

— Я не всегда был таким подонком. Нет! Я был богатым человеком. Чертовски богатым! У моего отца был завод. Я был единственным наследником. Так продолжалось до самой республики, до гражданской войны, когда мы потеряли завод. Теперь я попросту нищий, которого жизнь вынуждает заниматься всякими делишками.

Старик допивает пиво, бьет себя кулаком в грудь и добавляет:

— Поэтому я предпочел бы даже коммунистов!

Он собирается уходить и шепчет мне на прощание совет:

— А если вы хотите увидеть другой Мадрид, поезжайте на площадь Быков, там, сразу же направо от арены, вы попадете в район нищеты. Я это как-то посоветовал одному французскому репортеру, он на этом столько заработал! А мне дал тридцать песет... Я сам потом видел его снимки в газете.

Я протягиваю старику тридцать песет, он кланяется и исчезает.

Разговор у колодца

Жаркий, душный полдень. Несколько парней сидят возле ободранной стены невысокого домика. На повороте колодец. Девушка в черном коротком платье набирает ведро воды. Я фотографирую поворот улицы с колодцем и с этой девушкой в мертвенно-белом солнечном свете.

Девушка оборачивается, ругается, грозит мне кулаком: «Не смейте снимать!» Это ее оскорбляет, и она не слушает моих объяснений. О! Она знает «эти улички» и «эти колодцы» возле площади Быков.

К нам подходят мужчины. Все они тоже против меня.

Как последний аргумент я достаю паспорт. Поляк, из Варшавы. Долгое раздумье. Паспорт переходит из рук в руки. Один из мужчин проверяет даты, визы, место выдачи паспорта и что-то объясняет остальным. Какой-то пожилой человек говорит, что у него нет к коммунистам доверия. Другой, молодой, смеется:

— Франко уже старый, беззубый. Он долго не протянет, и все кончится...

— И что наступит?

Он отвечает вопросом на вопрос:

— Чего нам бояться? Разве может быть хуже?

— А тюрьма?

— Всех не посадят. А это не тюрьма? — Молодой показывает рукой вокруг.

Тогда я спрашиваю про большие современные дома, почти готовые к сдаче, которые видны поблизости.

— Это для чиновников, для состоятельных.

Девушка куда-то пропала. Она появляется через несколько минут:

— Сеньор, зайдите к нам выпить вина.

Наш разговор продолжается в маленькой клетушке, где никогда не бывает солнца. Может, это и хорошо. Кажется, здесь даже солнце испепелило себя.

Девушка рассказывает:

— Брат в Западной Германии. Есть такой договор с ФРГ. По этому договору «излишки» рабочей силы могут из Испании эмигрировать в боннскую республику. Там можно заработать. У брата есть специальность. Хорошая. ФРГ нужны хорошие специалисты. И дешевле собственных, немецких.

Есть ли в Испании безработные? Есть. Выбрасывают с заводов. Особенно много в последнее время. Промышленность сокращается. Да к тому же из деревень приходят люди. Там ведь еще хуже.

Объяснения искренни и горьки, как это белое вино.

Когда вечером я возвращаюсь через площадь Быков, к метро подъезжает большой автобус с туристами. Они толпой входят в ворота арены. В знаменитый музей тореадоров.

Я сомневаюсь, чтобы гид перевел их на другую сторону улицы. В планах осмотра Мадрида это не предусмотрено.

В метро я разворачиваю газету.

«Индустриализация нашей страны требует много квалифицированной рабочей силы...»

«Наша могучая молодая промышленность...»

«20 лет власти каудильо в отличие от кровавого режима коммунистов дали рабочим...»

А на первой странице фотография гитлеровского фельдмаршала Кессельринга в траурной рамке и подпись: «Создатель и организатор великолепной немецкой авиации — скончался!..»

Здесь американская база...

В Алькала-де-Энарес, где в центре небольшой площади высится памятник Сервантесу, я приехал под вечер. Маленький «фиат» мчался со скоростью больше сотни километров в час. Он остановился только раз около американской воздушной базы, той самой, которую я видел с самолета. Эту небольшую прогулку я совершил в обществе одного испанского журналиста, пожилого изысканного господина, и его сына, которого не интересовало ничего, кроме марок автомашин. Зато его отец старался разговаривать со мной только о туризме. Пока мы ехали через кастильскую часть Месеты, я слушал то замечания молодого человека о классах встречавшихся нам автомобилей, то высказывания его папаши о туристских достоинствах Сьерра-Гвадаррамы.

Когда мы проносились мимо голых рыжеватых холмов с причудливо срезанными хребтами, я сказал:

— Там были тяжелые бои...

Они как будто не слышали.

— Там очень хорошо кататься на лыжах зимой, — заметил старший.

— Там прекрасное шоссе для автомобильных гонок, — добавил молодой.

В двадцати с лишним километрах от Мадрида — поселок возле шоссе. Множество маленьких кафе, баров, бистро. Столики под тентами, неон, станции обслуживания, яркие вывески, клумбы цветов.

Мне захотелось пить, и я говорю:

— Может, на минутку остановимся?

— Нельзя. Здесь база, — объясняют мои спутники.

— Здесь? Возле шоссе, в этих кафе?

— Нет, немного дальше. Но вся местность — для американцев. И кафе тоже.

Когда мы подъезжали к городу Алькала, уже спускался вечер. С ближайших лугов и из садов доносился треск цикад. По узким улицам прогуливались вооруженные гвардейцы в черных клеенчатых «пирожках», в зеленых мундирах. В этой маленькой Алькале их так много, что старший мой спутник считает необходимым пояснить:

— В последнее время было много покушений с бомбами. Была убита маленькая девочка...

О покушениях я читал, но они были не в Алькале. И даже не поблизости от нее. Пожилой господин из вежливости не сказал, что франкистская печать приписывает эти покушения коммунистам. Словно опасаясь, что он недостаточно лоялен по отношению к каудильо, мой спутник добавляет:

— Вообще Испания теперь спокойная страна.

И я снова вспомнил о том, как на этой земле четверть века назад сражались и гибли за свободу наши друзья.

ПОРАЖЕНИЕ «ХИТРОГО ДИКА»

А. СЕРБИН

На следующий же день после президентских выборов в США, когда стало окончательно ясно, что «непобедимая команда Никсон — Лодж» потерпела поражение, Дуайт Эйзенхауэр уехал в штат Джорджия играть в гольф. Президент был явно расстроен итогами выборов и спешил развеять горечь.

Республиканцу Эйзенхауэру очень хотелось передать бразды правления из рук в руки республиканцу Никсону. Он даже пожертвовал пятьсот долларов из собственного кармана на проведение его предвыборной кампании. Позже, с приближением дня выборов, семидесятилетний президент отправился в поездку по стране, чтобы поддержать кандидатуру своего коллеги по Белому дому. Поездка обошлась в 75 тысяч долларов — на этот раз казенных. Последнее обстоятельство не прошло мимо внимания демократов, которые не без ехидства поспешили отметить, что деньги налогоплательщиков расходуются в «партийных целях». Теперь уже известно, что усилия Эйзенхауэра и казенные деньги не спасли Никсона и республиканскую партию от провала.

В политических кругах Вашингтона Никсону давно было дано прозвище «трикки Дикки» — «хитрый Дик». Никсон и сам не считал себя простаком, — во всяком случае, он без лишней скромности утверждал, что всегда находится «в нужном месте в нужное время». Но те, кто давал прозвище Никсону, намекали на другое — на беспринципность кандидата республиканцев. В дни предвыборной кампании один американский журнал повторил их слова о том, что у Никсона «нет идей, а есть только методы». Но это утверждение можно принять лишь с поправкой. У Никсона нет и не было СВОИХ идей: он строил политическую карьеру на том, что черпал идеи там же, откуда получал средства на свои предвыборные кампании: из сейфов крупных монополий. В числе тех, кто финансировал Никсона в 1960 году, были Генри Форд, Дуглас Диллон, Меллоны и другие.

Никсона не случайно прозвали «хитрым». Свой путь к Белому дому он маскировал лозунгом «мира и процветания» — именно это обещал Никсон американским избирателям. Но этот лозунг не сыграл для Никсона даже роли фигового листка. Американцы имели полное право не верить, что республиканская партия хочет мира: ее лидеры сорвали совещание в верхах, а ее политика была намеренно направлена на создание напряженности между США и СССР.

В последние месяцы становилось все яснее, что республиканцы не в силах обеспечить и процветания. На США медленно, но верно надвигалась волна нового экономического спада. «В ключевых районах безработица велика, доходы сокращаются, недовольство носится в воздухе», — писал накануне выборов журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт».

Надвигавшийся крах республиканцев был настолько очевиден, что советники Никсона стали давать ему прямо противоположные советы: одни, например, предлагали теснее объединиться в предвыборной кампании с Эйзенхауэром и устроить совместные парады в Нью-Йорке и Чикаго, а другие требовали быть более самостоятельным и «не держаться за фалды Айка».

Мог ли спасти себя и свою партию на этих выборах «хитрый Дик»? Английская газета «Таймс», анализируя предвыборные настроения в США, писала, что американцы были склонны «рассматривать свое недавнее прошлое с сожалением, свое настоящее — с некоторым сомнением и свое будущее — с тревогой». Уставшие от политики республиканцев, они хотели перемен.

Предвыборная платформа демократической партии США не многим отличалась от платформы республиканцев. Но это была все же другая партия, в которой не было Никсона. К тому же в памяти американского народа вставала фигура Франклина Рузвельта, который тоже принадлежал к демократической партии. А это имя связано в истории с добрыми отношениями между США и СССР, с надеждами на мир.

Для демократической партии и Джона Кеннеди, который избран новым президентом США, открыта возможность следовать примеру и политике Франклина Рузвельта. В телеграмме Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, которую он направил Д. Кеннеди в связи с его избранием на пост президента, сказано: «Мы убеждены, что нет таких препятствий, которые нельзя было бы преодолеть на пути к сохранению и упрочению мира. Ради этой цели мы, со своей стороны, готовы продолжить усилия по решению такой актуальной проблемы, как разоружение, решению германской проблемы на основе быстрейшего заключения мирного договора и для достижения соглашения по другим вопросам, решение которых повело бы к разрядке и оздоровлению всей международной обстановки».

Будущее покажет, как использует эти возможности новый президент США.

А Никсон? Что будет делать теперь он, разрекламировавший себя как «мастера разговаривать с Хрущевым» и прожужжавший Америке уши о своей «зрелости» для президентского кресла? «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт» предсказывал, что, если Никсон и Лодж потерпят поражение, они окажутся не у дел. Какая же судьба ждет «хитрого Дика»? После того, как его поражение стало фактом, нью-йоркская газета «Дейли ньюс» посоветовала Никсону заняться частной адвокатской практикой, где, по словам газеты, он может нажить «мешок денег». Может быть, здесь он найдет свое настоящее призвание. Ведь его приверженность к денежным мешкам ни для кого не секрет.

Рисунок Ю. Черепанова.

ТОЛСТОЙ

1910 1960

Корней **ЧУКОВСКИЙ**

Никак невозможно привыкнуть к громадности этого гения. В десятый, в двадцатый раз читаешь его «Войну и мир» или «Анну Каренину», и всякий раз тебе открывается в них какое-нибудь новое качество, которого ты не видел в них прежде, и ты по-новому удивляешься им.

Стало уже критическим штампом сравнивать «Войну и мир» с океаном, но как назовешь его иначе, этот всеобъемлющий, неисчерпаемый, бездонный роман, с таким грандиозным обхватом человеческих подвигов, подлостей, честолюбий, разочарований, безумий, похотей, страданий, восторгов, рождений, смертей, какой никогда еще не был доступен ни одному романисту.

Между тем эта грандиозная книга есть только малая часть тех богатств, которыми Толстой обогатил человечество. И так как все свое искусство и всю свою страстную, огнедышащую, громадную душу, не знающую никакой половинчатости, гениальный мастер отдал без остатка народу, народ уже давно отплатил бы ему благодарной любовью, если бы в эпоху Толстого он, народ, не был во «власти тьмы».

Я хорошо помню то мрачное время, когда черная сотня в хулиганских листках науськивала народ на Толстого. Теперь это кажется незапамятной древностью.

Теперь, после великих Октябрьских дней, когда литературное наследие Толстого впервые стало доступно для всех, самое имя его сделалось народной святыней.

Теперь у нас четыре толстовских музея. И в какой ни придешь,— не протискаться, каждый переполнен народом. Паломничество в Ясную Поляну уже прочно вошло в наши советские нравы и стало всенародным обычаем. Произведения Толстого изданы у нас в СССР в количестве около ста миллионов экземпляров на 82 языках. Когда мы говорим про 90 томов Полного собрания сочинений Толстого, мы не всегда представляем себе, что для осуществления этого издания потребовалась большая фаланга энтузиастов — ученых, комментаторов, редакторов, литературоведов, текстологов, отдавших десятки лет, а порою и всю жизнь любовному изучению Толстого. И нет такого года, когда бы не появились в печати новые и новые труды о Толстом. Но, конечно, все эти книги, статьи, диссертации были бы шатки и зыбки, если бы у них не было надежного компаса: знаменитых ленинских статей о Толстом, которые раз навсегда отделили слабое и ложное в нем от его бессмертных заслуг перед русским народом — и перед всемирным искусством...

Сколько бы ни писали прекрасных, фундаментальных исследований о мировом значении Толстого, о влиянии Толстого на мировую литературу,— эта тема остается неисчерпаемой, да ее и нельзя исчерпать.

Но главная ее суть совершенно ясна каждому простому человеку. Сколько раз бывало, что русский, попав за границу — в Индию, в Италию, в Швецию,— слышал от тамошних жителей, не знающих ни слова по-русски, вместо долгих приветствий одно-единственное имя — «Толстой», и это имя звучало как знак уважения, понимания и дружбы. Если сказано «Толстой», значит: «Я знаю о тебе что-то очень хорошее». Значит: «Ты не можешь быть врагом и предателем». Значит: «К черту войну!» Значит: «Мы — мирные люди». Потому что всему свету известно, что Толстой — это мир на земле, это — проклятие грабительским войнам, это — безоглядное, братское, не знающее никаких ограничений доверие к сердцу и разуму простого народа.

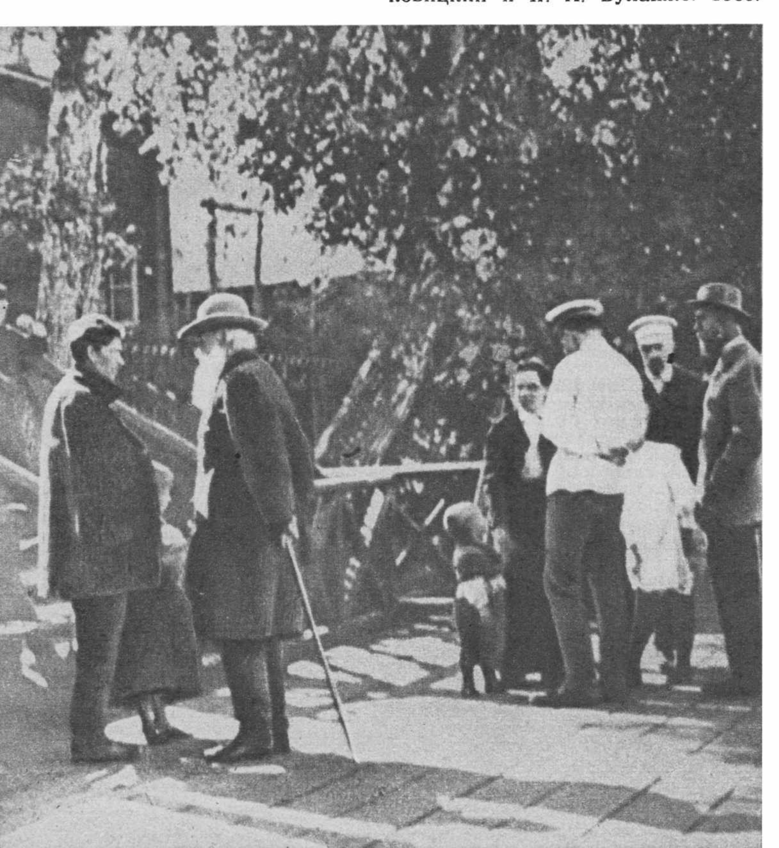
И теперь нам больше чем когда-нибудь стало понятно сказанное Гауптманом лет сорок назад:

«У Льва Толстого был голос гиганта. Если бы он жил в наши дни, он подал бы свой голос непременно — и этот голос был бы услышан людьми лучше всех остальных голосов. И он призывал бы нас к миру».

Живой Толстой

Л. Н. Толстой в Крёкшине. 1909.

На станции Щекино, Тульской губернии. Слева направо: П. И. Лепехин, Л. Н. Толстой, Е. И. Горбунова, В. Ф. Булгаков, д-р Д. П. Маковицкий и П. А. Буланже. 1909.

И. Репин. ЛЕВ ТОЛСТОЙ. 1891.

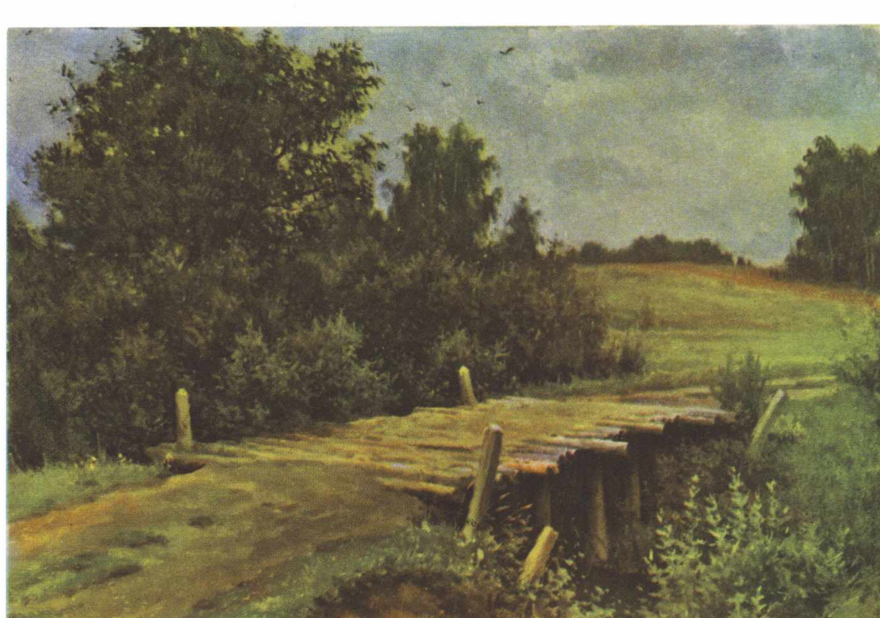
Дубовая роща, посаженная писателем.

Б. Щербаков. ПО ЛЮБИМЫМ ТОЛСТОВСКИМ МЕСТАМ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ. 1960.

Река Воронка.

По дороге на старую пасеку.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕСЬ МИР!

В. ЕРМИЛОВ

Если поставить вопрос о том, в чем заключается главная поэтическая идея, пафос художественного творчества Льва Толстого, то, видимо, самым точным ответом будет следующий: утверждение общения и единения людей и отрицание разобщения и разъединения. Два эпиграфа могли бы быть поставлены к художественному творчеству Толстого: «Vivat die ganze Welt!» — «Да здравствует весь мир!» — слова приветствия, которым так радостно обмениваются друг с другом в «Войне и мире» крестьянин-австриец и молодой русский офицер Николай Ростов в светлое утро, когда, кажется, весь мир сияет счастьем; и другой эпиграф: «Зло есть разобщение людей» — слова одной из статей Толстого. Таковы две стороны единой и постоянной художественной мысли писателя. Впервые она была выражена им со всей полнотой в «Войне и мире».

Злу разобщения Толстой противопоставил свой идеал единения людей. Конечно, идеал художника выражен во всех его произведениях. Если «Война и мир» — поэма единения, то «Анна Каренина» — трагедия разобщения; это и составляет внутреннюю связь двух романов, столь различных по всему их своеобразию, но представляющих две стороны единой художественной мысли писателя. В обоих произведениях выражены обе эти стороны единой поэтической мысли, но пафос первого — прямое утверждение; пафос второго — утверждение посредством отрицания.

Толстой необычайно активен в своем утверждении и отрицании. Все, что он изображает, оценивается им в свете его идеала; это определяет и все фабульно-сюжетные линии и всю композиционную структуру обоих романов. В настойчивости отстаивания главной мысли, в эстетической строгости и цельности подчинения ей всей поэтической конкретности сказывается та особенность Толстого, которую принято было называть проповедничеством.

«Война и мир» была подготовлена всем предшествовавшим развитием творчества писателя. Уже в трилогии начинается звучание толстовского лейтмотива, с ним связана и та диалектика души, которую увидел Чернышевский в ранних произведениях Толстого. Герой трилогии всей своей юной душой тосковал по настоящему, без какой бы то ни было примеси фальши, неискренности, естественному, живому человеческому общению, простой и прямой связи с людьми. Он исключительно остро, всеми сторонами своего чуткого существа ощущает духоту, давящую тяжесть отъединения, эгоцентризма, задыхается в этой духоте. Его самоирония, насмешка над своими ошибками, стыдными психологическими неловкостями, неуклюжестями в общении с людьми является следствием застенчивости — оборотной стороны самолюбия, — желания быть интересным и значительным, невозможности освободиться от постоянного груза своей личности, своей отъединенности, неизбежной, впрочем, в данных условиях общества, как об этом уже начинает догадываться герой «Юности». Эта самоирония была по-своему не менее острой и беспощадной, чем постоянное издевательство героя над самим собой, присущее психологическому анализу Достоевского.

Проблема **личности,** ее отношений с людьми, с обществом выдвигалась эпохой шестидесятых годов с новой, особенной остротой, и этому отвечал особенно тонкий и сложный психологический анализ, явившийся одним из открытий русской литературы в творчестве Толстого и Достоевского. Различия между двумя гениями **человековедения** в этой сфере определялись прежде всего стремлением к связи психологического анализа с художественным исследованием **объективной действительности,** реального мира, стремлением, свойственным Толстому в гораздо большей мере, чем Достоевскому. Характерно, что самый перелом в **душевном** развитии, качественный сдвиг, ознаменовавший переход героя трилогии от детства к отрочеству, заключался в пришедшем к нему чувстве, что, кроме жизни его самого и его близких, существует на свете жизнь множества людей, идущая независимо от него.

Тема разобщения определила гневный пафос «Люцерна». В рассказе передано возмущение Толстого тупым цинизмом равнодушия, непроницаемостью эгоизма, вызвавшими в нем смятение духа, отвращение к буржуазной цивилизации. Он испытал потрясение от зрелища смертной казни в центре тогдашнего буржуазного прогресса — Париже. Под этим впечатлением он заявил, что никогда не пойдет служить никакому правительству. Государство, дворянское и буржуазное, уже тогда предстало в его сознании как машина отчуждения, гильотина для всего человеческого.

Тема разобщения, порожденная эпохой шестидесятых — семидесятых годов, характеризовавшейся катастрофически быстрым ходом начавшегося капиталистического развития страны, явилась коренной темой знаменитых произведений русской литературы. **Современниками** «Войны и мира» были «Преступление и наказание», «Идиот»; современниками «Анны Карениной» — «Подросток», «Братья Карамазовы», «Господа Головлевы»; для последних четырех произведений характерно, что социальное разъединение, трактуемое в каждом из них как разрушение человеческой личности, выявляется в сфере отношений семьи, то есть в такой области, где разобщение представляется особенно противоестественным, невероятным.

В «Войне и мире» и «Преступлении и наказании» в качестве синтетического образа нового, особенно ужасного буржуазного эгоизма, отщепенства, презрения к человеку и ко всем человеческим ценностям, в виде воплощения сверхчеловеческого принципа — **все позволено!** — предстал образ Наполеона. **Наполеоновское** начало трактуется в обоих произведениях как начало сверхиндивидуалистического произвола, своеволия и насилия. Оба произведения изображали наполеоновские **преступление и наказание:** у Достоевского то и другое представало в рамках индивидуальных переживаний личности, соблазнившейся **наполеоновским началом;** у Толстого — и в переживаниях личности и в широком историческом действии. И для Достоевского и для Толстого Наполеон, этот кумир всех честолюбцев, готовых «преступить» любой человеческий закон во имя своего личного успеха, карьеры, являлся наиболее полным воплощением нового, распространенного социального типа, социально-психологического явления. Еще в своем очерке «Севастополь в мае» Толстой писал: «Да спросите по совести прапорщика Петрушова и поручика Антонова и т. д., всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтоб получить лишнюю звездочку или треть жалованья».

Толстой отрицает правомерность применения к Наполеону понятия **гений.** После осмотра роскошного саркофага Наполеона в Париже в 1857 году Толстой сделал запись в дневнике: «Обоготворение злодея, ужасно». В одном из черновиков «Войны и мира» Толстой писал: «Наполеон уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха, что нужно только твердо верить в глупость людскую, что в сравнении с людской глупостью и ничтожеством все будет величием, когда верят в него».

Раскольников говорит Соне: «— Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит!» Настоящий **властелин,** раздумывает герой «Преступления и наказания» о «тех, кому все разрешается, — ставит где-нибудь поперек улицы хор-ро-шую батарею и дует в правого и виноватого, не удостаивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и — не желай, потому, — не твое это дело!»

Представления Достоевского и Толстого о сущности наполеонизма перекликались с пушкинским:

...Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.

Автор «Преступления и наказания» противопоставил **наполеонизму** художественную реальность осуждения, проклятия, силою которого дышит весь роман. Толстой противопоставил бесчеловечности наполеонизма могучую поэтическую реальность **народного** начала, как главного начала истории.

Достоевский проницательно назвал автора «Войны и мира» **идеальным романистом** в том смысле, что в этом произведении Толстой воплотил свой художественный идеал. В таком же смысле мы можем назвать **идеальным романистом** и автора «Идиота». Этот роман зани-

Н. Ге. Л. ТОЛСТОЙ. 1884.

тивному выдвижению в литературе **концепций мира**, каким он должен быть.

Короленко выражал удивление тем, что такой великий художник-мыслитель, как Толстой, «никогда не пытался написать свою «утопию», то есть изобразить в конкретных, видимых формах будущее общество». Да, Толстой не написал своей утопии. Самая форма утопии была чужда ему. Но свою мечту о том, какою должна быть жизнь людей, жизнь общества, к обретению каких моральных, этических качеств и критериев, к каким отношениям друг с другом, к какому счастью люди должны стремиться, свою концепцию мира, каким он должен быть, Толстой выразил в реалистических образах своего эпического повествования.

Исключительные исторические обстоятельства 1812 года, общенародная справедливая Отечественная война против неприятельского нашествия, священный патриотический подвиг русского народа — все это открывало перед Толстым исключительно счастливую для него возможность раскрыть в законах реалистической эстетики, в формах реального бытия поэзию общенародного исторического **действия**, поэзию реального единения людей, являющегося условием для подъема и расцвета личности.

Та же органическая связь с жизнью народа, которая дала Толстому возможность впитать в себя, по-своему претворить проблематику своей современности, позволила ему глубоко проникнуть и в самую душу исторического прошлого своего народа. Толстой — строгий и тщательный художник-историк, с глубочайшим поэтическим чутьем истории, до крайности озабоченный претворением в художественную правду объективной исторической правды изображаемой эпохи.

Сущность переклички «Войны и мира» с современностью Толстого заключалась прежде всего в решении **темы народа** как главного действующего лица истории. В связи с этою темой Толстой решал и другую проблему, необычайно остро выдвинутую эпохой шестидесятых годов, — проблему личности. В литературе тогда выдвигались разные, остро противоположные способы преодоления индивидуализма и эгоизма («разумный эгоизм» Чернышевского; православный социализм Достоевского, намеченный уже в «Записках из подполья») — проблема, непосредственно связанная с ужасавшим буржуазным расщеплением общества; и, конечно, эпоха шестидесятых годов вдохновила Толстого на его раздумье о будущей жизни страны и всего человечества. Общенародное единение в Отечественной войне 1812 года, столь правдиво, конкретно-исторически изображенное в «Войне и мире», и явилось основой для художественного решения в романе великих проблем, для переклички романа не только с современностью автора, но и с живою мыслью последующих поколений. Потому-то «Война и мир» и принадлежит к тому живому наследству Толстого, которое, по словам В. И. Ленина, «берет и над этим наследством работает „российский пролетариат“», отвергая вместе с тем и в толстовском творчестве в целом и в этом романе все то, что, как писал Ленин, «выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему»; Ленин подчеркивал, что в наследстве писателя «есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему».

Идеал единения людей, выдвинутый в «Войне и мире», никак нельзя смешивать с вопросом о единении классов и сословий. Если в начальных стадиях работы над романом у автора и могли еще порою возникать мысли о единении сословий в общенародной войне, то сама поэтическая логика романа решительно отбросила эти мысли. В эпопее с такою резкостью противопоставлены два лагеря тогдашней России — народный и противонародный, — что это даже дало основание критике говорить о противопоставлении в «Войне и мире» двух наций внутри самих русских. Недаром Щедрин, которого не могла не отталкивать от романа фаталистическая, пассеистская философия истории автора да и многое другое, одобрительно сказал, что высший свет граф здорово прохватил!

Но не только **верхи** тогдашнего русского

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1909.

мает в творчестве Достоевского совершенно особое место. Представляя собою глубоко реалистическое сгущение и обострение темы предельного, всестороннего разъединения людей, которое отождествляется автором, как и в других названных нами выше произведениях русской литературы, с образом **самой смерти**, «Идиот» тем отличается от других произведений Достоевского, что художественным центром, поэтически реальным определяющим началом романа является положительный и **идеальный** образ главного героя. Князь Лев Николаевич Мышкин для Достоевского и есть идеал человека, носитель истинного человеческого общения, подлинного единения людей. Все сюжетные линии, положения, коллизии романа определяются этим значением образа главного героя. Образ «Идиота» сливается в сознании автора с образом Христа, столь дорогим художнику. Вместе с тем в представлении писателя герой является и пушкинским «рыцарем бедным» и рыцарем печального образа Дон-Кихотом.

В **идеальном** романе Достоевского прозвучала тема невозможности осуществления идеала на земле, пропитанной кровью, в царстве преступной власти денег над всем. Начало идеальной человечности в образе князя Мышкина трагически-фатально не может слиться, соединиться ни с началом красоты, поруганной и надломленной в образе Настасьи Филипповны («Красота спасет мир!»... — Увы, она не может спасти самое себя в мире!), ни с началом юности, **света** в образе Аглаи. Истинная человечность обречена на одиночество. Более того, она обречена на гибель; обречена на гибель красота; самый свет жизни гаснет на земле.

Главной в романе Достоевского оказывалась мысль о гибели всего прекрасного, и идеал человеческого единения представлялся возможным скорее в метафизической сфере, чем на земле. В «Братьях Карамазовых» в отличие от «Идиота» художник будет рьяно отстаивать мысль о возможности осуществления единения людей здесь, на этой грешной земле, вопреки смердяковщине. Перенесение драмы жизни человечества в метафизическую область у Достоевского характерно именно для «Идиота». Но «зато» в «Братьях Карамазовых» не будет и такой поэтической реальности образов красоты и добра, образов идеала художника, какая отличает «Идиота», этот роман о любимом человеке Достоевского.

Толстой смог представить свой художественный идеал не только в поэтической реальности, но и как земной, торжествующий, достижимый для человечества. Конечно, в этом сыграла решающую роль кровная связь автора «Войны и мира» с миром народной жизни.

Самый факт страстного выдвижения в литературе различных идеалов — художественных проектов человека, жизни людей на земле, проектов, по-разному, в острой художественной полемике и борьбе отвечавших на вопрос: «Что делать?», поставленный в романе Чернышевского, — был характерен для эпохи. Своеобразный русский исторический переплет, соединение ускоренного капиталистического развития с поставленной в повестку исторического дня крестьянской революцией, лежал в основе этого замечательного явления. Эпоха, выдвигавшая на авансцену **народ** и ломавшая старые, патриархальные связи и скрепы, вызывала у писателей потребность выдвижения идеала, так или иначе опирающегося на основы общенародной жизни и противостоящего хаосу социальной атомизации и аморализма.

С этим же была связана и небывалая творческая энергия писателей в отстаивании своего идеала. Возникло — в связи с явно для всех обозначившимся повышением активной роли народа в творчестве истории, а также в связи с происходившим в столь явной, резкой форме социальным переломом — живое ощущение возможности участия в **делании истории**, личной ответственности писателя за судьбу народа и родины. Отсюда и «проповедническая» страсть, характерная для новой литературы. У Пушкина, Лермонтова, Грибоедова не могло быть ни такого острого чувства сопричастности к творчеству истории, ни такого проповеднического пафоса, ни такой потребности непосредственно положительного утверждения идеала. Гоголь уже **обозначил** эти новые черты в развитии русской литературы.

Переломный период шестидесятых годов не мог не вызывать у писателей чувства распутья, догадку о возможности разных исторических путей страны. Все эти факторы не могли не отозваться на своеобразии художественной мысли этого времени, не могли не вести к активному выдвижению в литературе концепций

общества предстают в романе как антинародные и антинациональные, а и дворянство в целом не играет серьезной поэтической роли в изображаемой национально-освободительной эпопее. Те герои романа, которые принадлежат к дворянству и вместе с тем играют в этой эпопее поэтическую роль, выступают перед читателем скорее как исключения из правила на фоне всевозможных Билибиных, Диншиных, Друбецких, Бергов, Несвицких, Жерковых и множества других подобных, не говоря уже о высшем свете с его Курагиными, Шерер, Растопчиными и прочими. Нельзя забывать о том, что князь Андрей Болконский, этот рыцарь без страха и упрека, в итоге своих мучительных идейных поисков приходит, **примыкает** к народу, а не ведет его; сама возможность примкнуть к народу открылась перед ним именно и только вследствие того, что он отказался от прежних своих мечтаний о командной, **наполеоновской** роли по отношению к народу. Нельзя забывать и о том, что, восхищаясь своим князем Андреем, нежно любя его, Толстой вместе с тем подчеркивает в нем, как отрицательные,—черты замкнутости, высокомерной гордости, связанные и с сословной кастовостью,— те черты, которые так затруднили и трагически осложнили всю жизнь князя Андрея.

Обаяние Наташи Ростовой связано с ее близостью к душе народа. Семья Ростовых играет поэтическую роль в ходе эпопеи, но судьба второго главного ее представителя, Николая, в ходе романа складывается так, что **проза** побеждает в ней **поэзию.** Много душевных данных у Николая Ростова для поэтической роли в общенародном подвиге. Но по весьма существенным и значительным для всей идеи произведения причинам, связанным прежде всего с классовой и сословной ограниченностью Николая, он лишается возможности сыграть поэтическую роль, фактически **выключается** из героико-эпического движения романа.

О Пьере Безухове странно было бы говорить как о представителе дворянства. В нем подчеркнута как раз его **бессословность,** внутренняя чуждость дворянскому обществу и дворянскому государству. Пьер так и остается **незаконнорожденным** в своем дворянстве и графстве, при своих поместьях и миллионах.

Образ Кутузова в романе — образ общенародного единства, образ самой народной войны.

Единение людей, утверждаемое «Войной и миром»,— это идея народного и — еще шире — всесветного, мирового единения.

В русском языке слово «мир» имеет три значения: мир — вселенная, мир — социальная связь между людьми (так, сельская община, сходки крестьян для обсуждения своих общих дел издревле назывались в России миром); и мир — согласие, отсутствие войн и всяких ссор и раздоров. Это не является внешним совпадением, которых так много в любом языке. Здесь, в русском языке, органическое слияние в общее целое трех значений одного слова — слияние, имеющее глубокий философский смысл, указывающее на неразрывную связь между этими тремя понятиями. В самом деле, мир в смысле вселенского, мирового духовного единения людей и в смысле их дружественной, созидательной связи не может не означать и отсутствие войн и раздоров. Народ — мудрый языкотворец, он выражает в своем языковом творчестве и своеобразие своего мышления, и свой характер, и свои стремления и мечты. Лев Толстой творил свои могучие художественные образы в духе народного мышления и народных чаяний.

Главное, ведущее значение понятия **мир** в романе поднимается на высоту всеохватывающего идеала мирового единения людей. Прообраз такого единения художник и видит в общенародном, благородном, торжественном историческом действии 1812 года, в процессе которого люди, всем существом включающиеся в это действие, становятся частицами великого единения каждого со **всем** и **всего** с каждым; человеческая личность, освобождаясь от своей отъединенности, от давящего груза **себя,** наполняется мировым содержанием, включает в себя мировое **все;** личность становится свободной, внутренне беспредельно богатой, радостно открытой для счастья живого, естественного, всеобъемлющего человеческого общения. Личность становится тем более своеобразной, индивидуальной, чем глубже она входит в это мировое **все,** включающее в себя и единство с природой, красота которой всегда выступает у Толстого в значении призыва к **единению людей.** Приближение к этому идеалу и может быть достигнуто только **всем миром** вместе. Вот почему слово **мир** в названии «Война и мир» означает и отрицание войны.

Все это подводит нас и к пониманию того, почему автору его произведение представлялось **поэмой.** В процессе работы над романом Толстой определяет его будущий характер: «Поэма, героем которой был бы по праву человек, около которого все группируется, и герой этот — человек» (20 марта 1865 года). Раздумывая над вопросом о том, в чем заключается поэзия романиста, Толстой отвечает на этот вопрос: «в картине нравов, построенных на историческом событии,— Одиссея, Илиада, 1805 год». Выражение: картина нравов, **построенных** на историческом событии,— позволяет предположить, что речь идет и об идеале нравов, человеческих отношений, **какими они должны быть,** уясняемом на материале исторических событий. Если бы Толстой не хотел высказать эту мысль, то он выразился бы иначе; он сказал бы: картина нравов, какими они были во время исторического события. Но ясно, что речь идет у Толстого одновременно и о правдивом изображении нравов, какими они были во время исторических событий, и об идеале нравов, возникающем при изображении исторического события.

Народная война и дала художнику возможность построить на материале этого события «картину нравов» не только такими, какими они были во время этого события, но и такими, какими они должны быть с точки зрения художника.

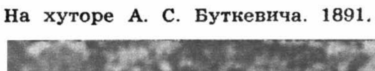
Торжествующий мотив утверждения прекрасного в людях не может не связываться в «Войне и мире» с противоположным мотивом скорби о жестокости войны. Характерен с этой точки зрения следующий эпизод из жизни Толстого. Весной 1885 года Лев Николаевич посетил те места, где он, когда-то молодой артиллерийский офицер, участвовал,— тоже в героической, патриотической Севастопольской эпопее. Он пишет в письме из Крыма: «Проехали по тем местам, казавшимся неприступными, где были неприятельские батареи, и странно, воспоминание войны даже соединяется с чувством бодрости и молодости. Что, если бы это было воспоминание какого-нибудь народного торжества,— общего дела,— ведь могут же такие быть!»

Очень значительно это раздумье. Оно окрашено тем же сочетанием торжества и скорби, которое окрашивает «Войну и мир». В своем романе Толстой тоже мечтает о каком-то **общем деле,** которое было бы столь же великим, как народное, историческое общее дело патриотической военной эпопеи, и вместе с тем явилось бы каким-то народным торжеством **мирного** созидания жизни. Все духовно близкие Толстому герои «Войны и мира» испытывают то же чувство сочетания торжества и скорби, участвуя в войне 1812 года. Художник, конечно, был бы счастлив, если бы имел возможность воплотить свою мечту о торжестве человеческого всесветного единения в образах **мира** — в образах эпического, общенародного, творящего жизнь, героического действия.

Вместе с тем автор «Войны и мира» непрерывно в ходе своего повествования утверждает ту мысль, что в жестоких испытаниях героической Отечественной войны проверялось все главное в людях — их характеры, их способность войти всем существом в общенародное дело, воспринять общее как личное. Однако такая проверка могла бы происходить и в каком-то ином, тоже богатырски трудном, но мирном общем деле; мечта об этом живет во всем поэтическом подтексте «Войны и мира»— мечта о мире. Она делает еще более ясной мысль Толстого о том, что его роман должен быть **поэмой** и что **поэзия** романиста заключается в «картине нравов», построенных **на** историческом событии: Толстой **имел** в виду сочетание реального с идеальным, сущего с должным в очень широком и глубоком смысле.

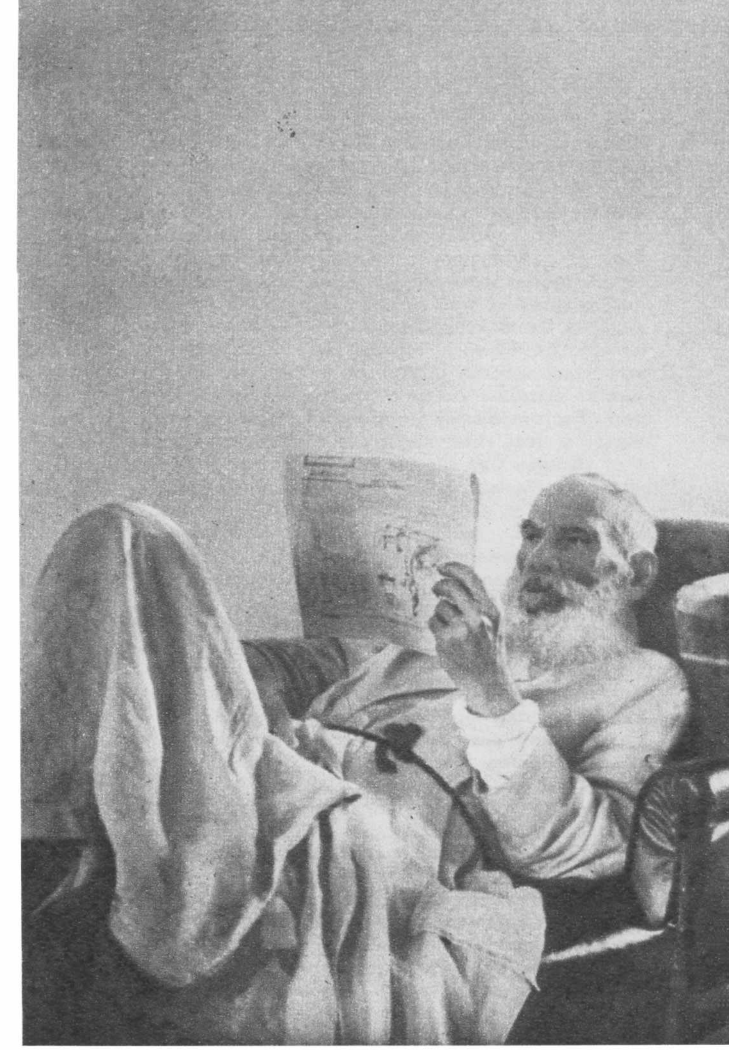
Весь роман в целом, с самого начала и до конца, а не только в специальных философско-исторических главах, представляет собою поистине **философскую поэму,** поэтическое единство которой образовано утверждением идеала художника.

Из книги «Толстой-художник и роман «Война и мир», выходящей в Гослитиздате.

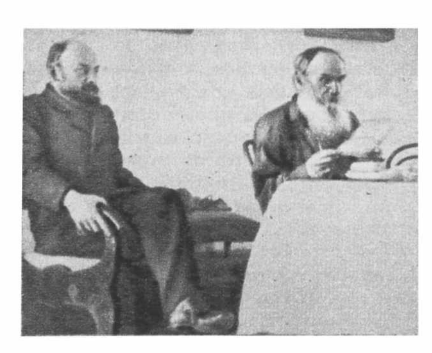

На хуторе А. С. Буткевича. 1891.

Толстой с дочерью Марией Львовной. Ясная Поляна. 1901.

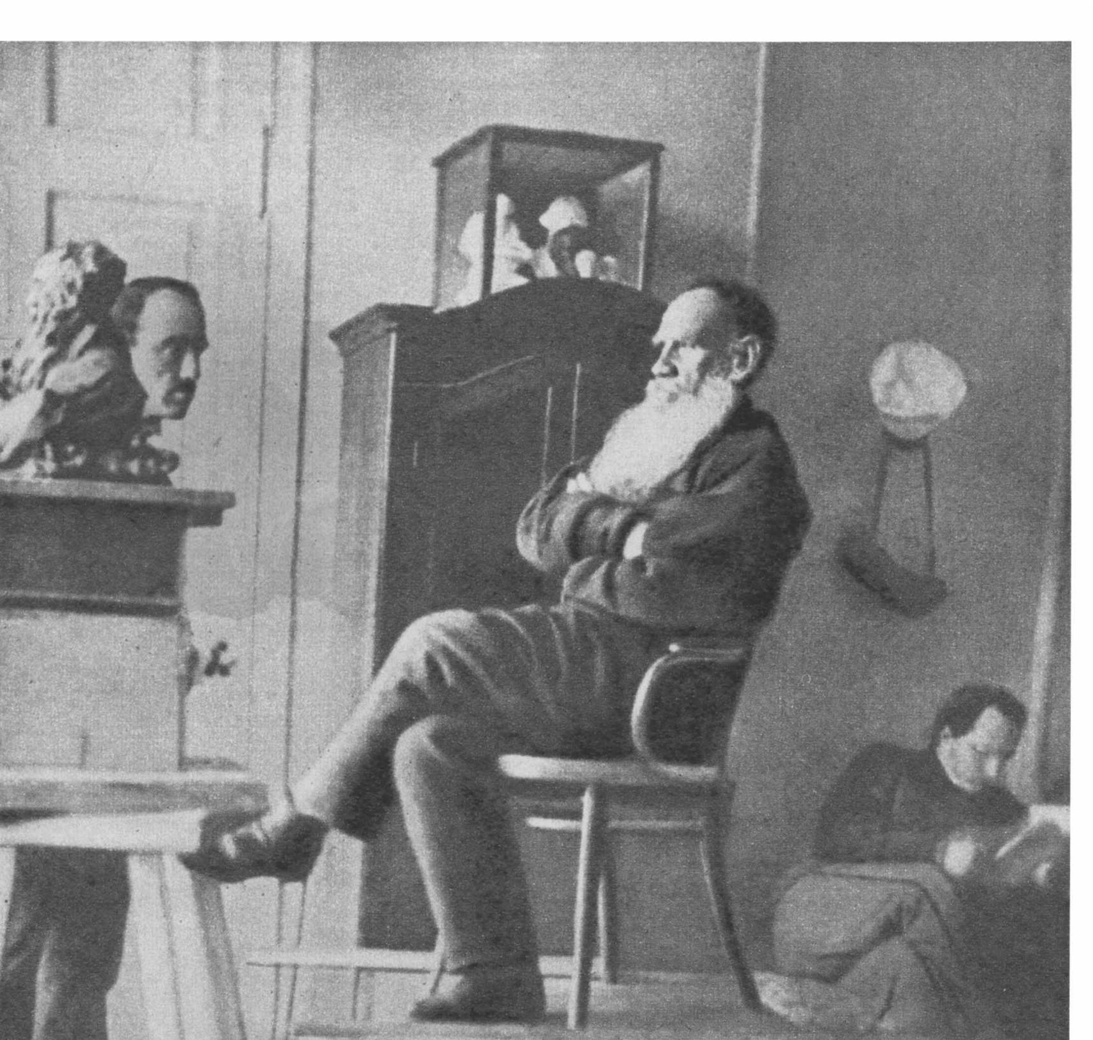
Толстой с женой среди крестьян. Ясная Поляна. 1909. ↑

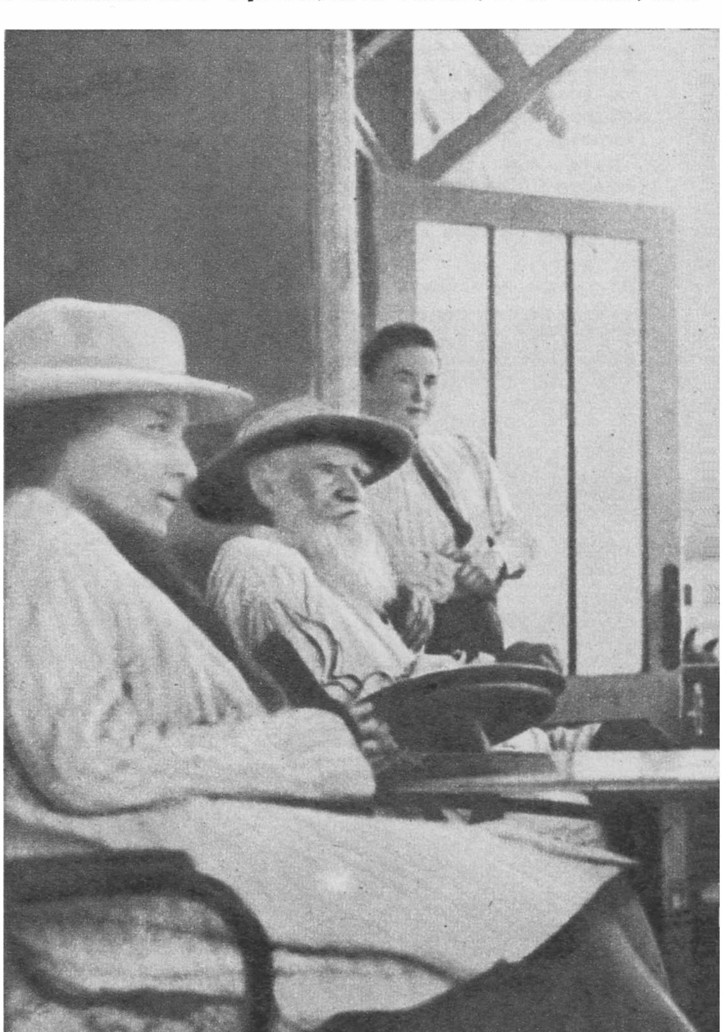
← Толстой с сыном Ильей Львовичем. Ясная Поляна. 1903.

Толстой позирует скульптору П. Трубецкому. Справа в углу И. И. Горбунов-Посадов. Ясная Поляна. 1899. ↓

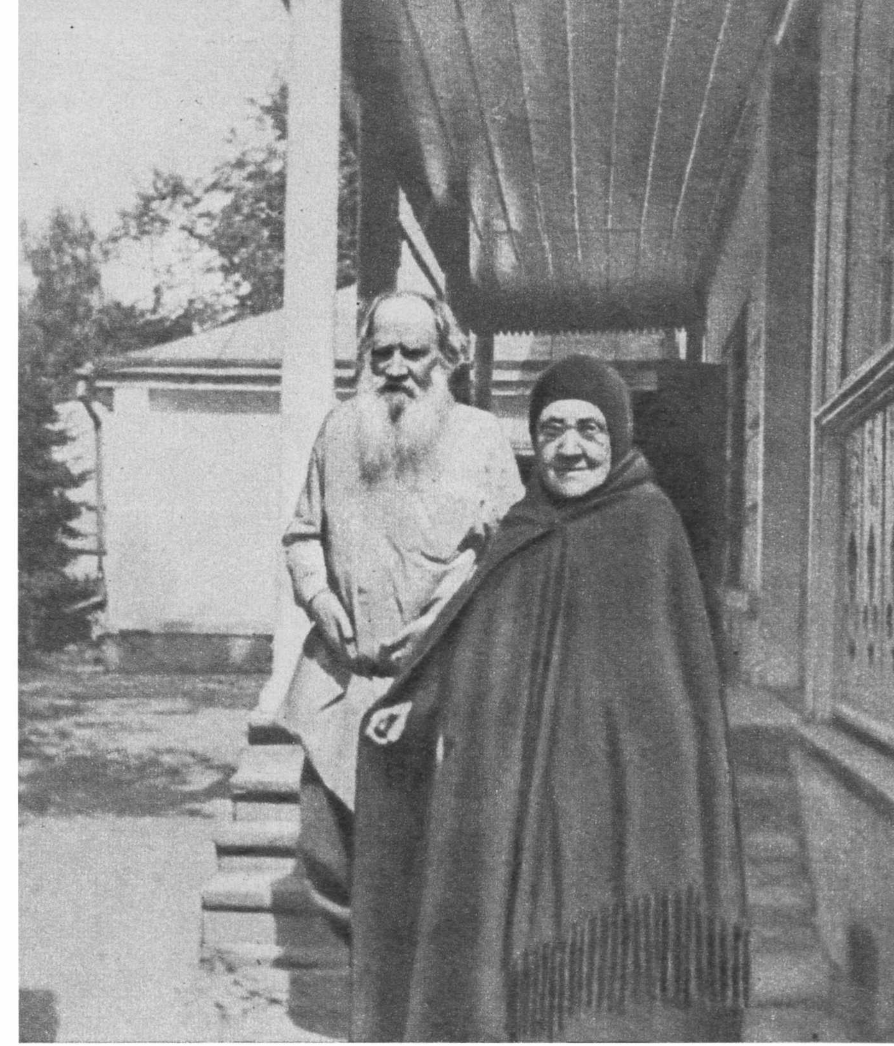
Живой

В Телятинках. А. К. Черткова, Л. Н. Толстой, О. К. Толстая, А. Б

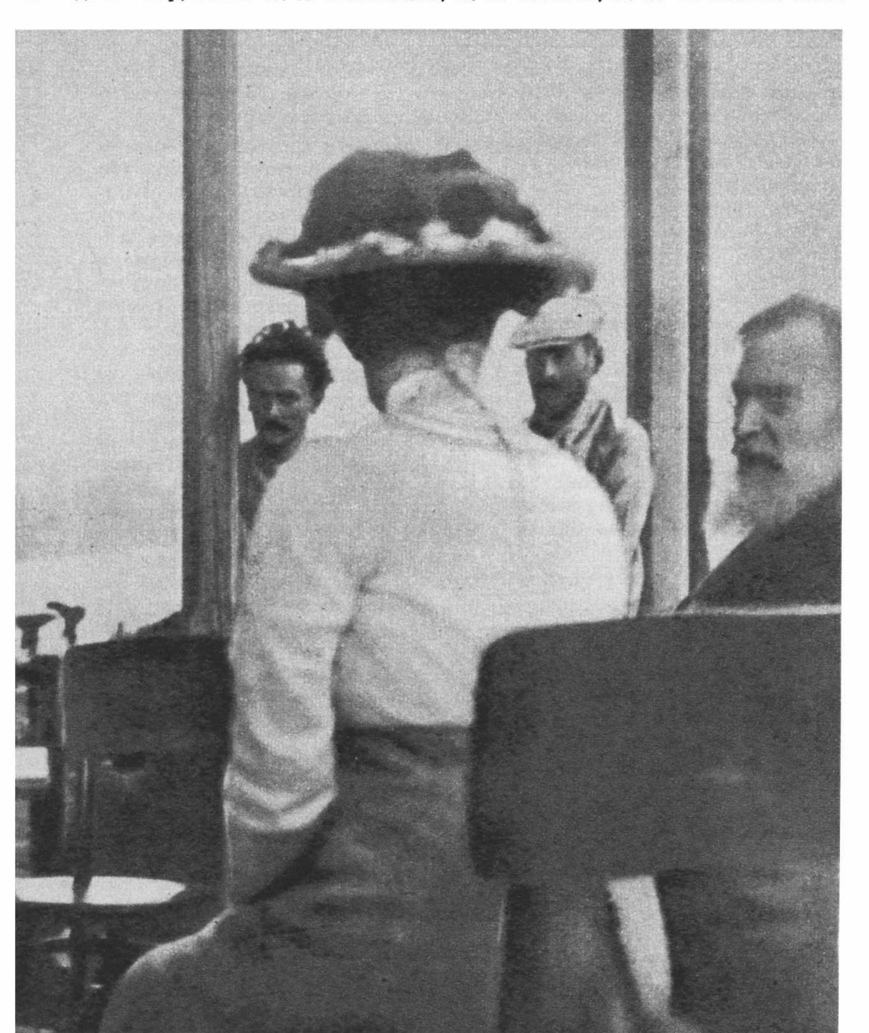

Толстой с сестрой Марией Николаевной. 1908.

Толстой

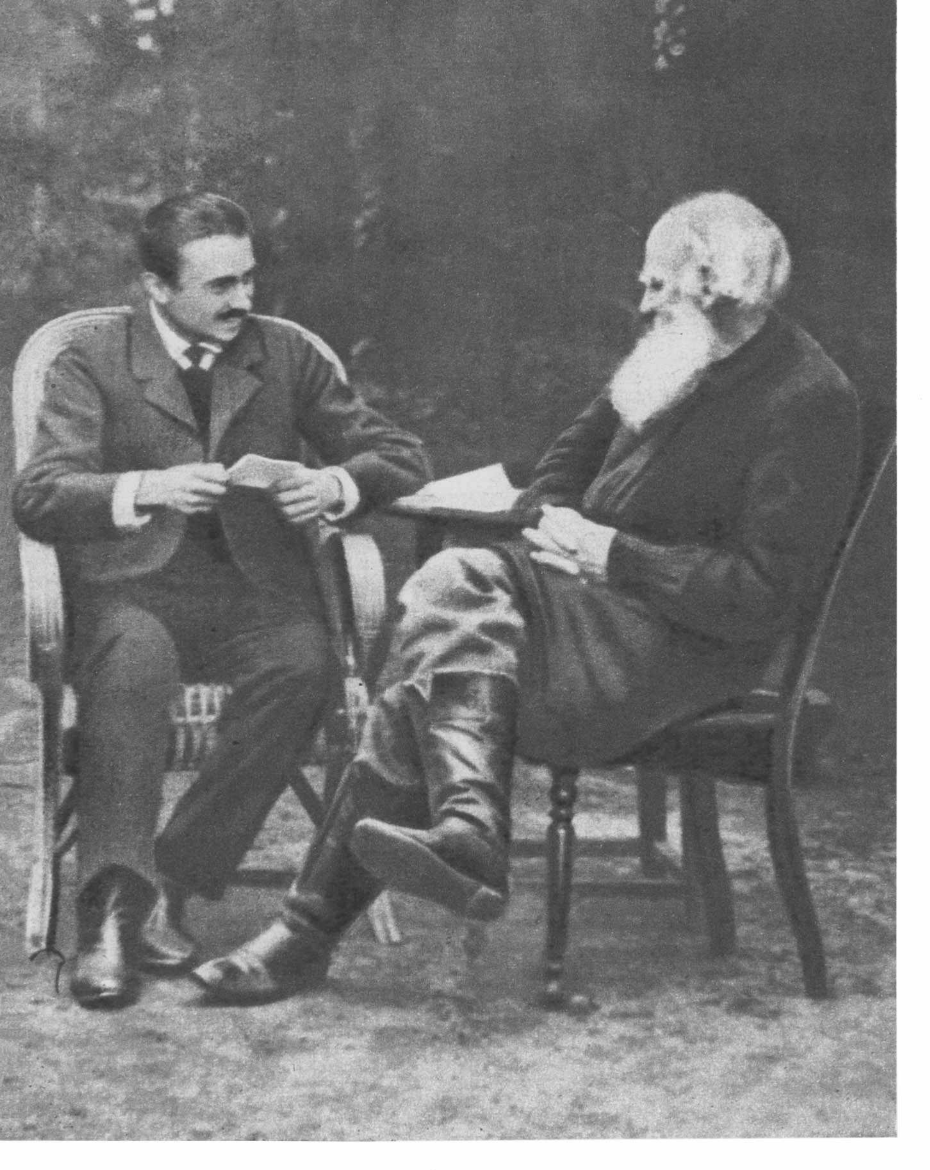
ИЗ АРХИВА В. В. ЧЕРТКОВА

Гольденвейзер, жена И. И. Мечникова, Л. Л. Толстой, И. И. Мечников. 1905.

Толстой со своей невесткой О. К. Толстой. Телятинки. 1900.

Л. Толстой и В. Булгаков. 1910.

Вал. БУЛГАКОВ

Таким я его помню

Когда я поселился в доме Л. Толстого в качестве его секретаря, мне было 23 года, а Льву Николаевичу — 81. Но должен совершенно искренне сказать, что я никогда не чувствовал этой громадной разницы лет. Не следует меня понимать ложно: я благоговел перед гением и мудростью Толстого, но в то же время я чувствовал, что меня, юношу, он, старик, понимает во всем. Мало сказать «понимает», но и сочувствует мне во всем, как равный. И, с другой стороны, строй мыслей, интересы и высказывания Толстого были мне как-то непосредственно близки и понятны, как «свои»: до такой степени молодо и мощно было даже в столь преклонном возрасте сознание Толстого. Это был прямо юноша по силе чувства, по степени восприимчивости ко всем жизненным впечатлениям, по силе разума и творческой способности.

Когда приезжали в Ясную Поляну на один-два дня взрослые сыновья Льва Николаевича, этакие 35-летние и 45-летние бородатые дяди, давно уже отделившиеся от семьи и жившие своими домами по разным городам и губерниям России, они всегда казались мне старше своего отца. Их я побаивался, тогда как Лев Николаевич держался со мной, как и со всяким, на равной ноге.

А творческая продуктивность Толстого! В 1910 году, то есть в последний год своей жизни, осложненной к тому же семейной трагедией, Толстой написал большую книгу «Путь жизни», комедию «От ней все качества» (в которой позднее так хорош был в роли босяка-прохожего знаменитый немецкий актер Моисси), рассказы «Нечаянно», «Ходынка», «Благодарная почва», большую статью «О социализме», десятки писем, из которых многие по объему равнялись статьям.

Интерес и восприимчивость Льва Николаевича ко всему окружающему были удивительные. Он знал все, что пишется в газетах, следил за новостями русской и иностранной литературы, переписывался с писателями, с друзьями и с лицами, ему совершенно неизвестными, принимал множество посетителей, знал всех крестьян в Ясной Поляне и входил во все мелочи их быта, умел каждому сказать что-нибудь нужное и сердечное.

Книжные интересы Толстого поражали разносторонностью. Он интересовался художественной, исторической, социологической, философской и религиозной литературой. Исследования по истории русского языка, по фольклору и этнографии также привлекали его. Заглядывал Лев Николаевич и в книги по естествознанию. Помню, как поражен был я, наткнувшись однажды в библиотеке Толстого на английскую книгу по электричеству, испещренную отметками и критическими замечаниями Толстого на полях.

О прочитанном Толстой судил всегда совершенно самостоятельно. Авторитеты, равно как и предубеждения, не существовали для него. Он мог резко отозваться о Шекспире и Достоевском (например, роман последнего «Братья Карамазовы» он считал нехудожественным) и вознести до небес русского крестьянина-писателя Сергея Терентьевича Семенова, у которого ему особенно нравился богатый и сочный народный язык.

Особо следует отметить любовь Толстого к музыке, не покидавшую его до последних дней. Музыку он любил, по его словам, «больше всех других искусств». В доме частым гостем бывал прекрасный московский пианист А. Б. Гольденвейзер.

Вкус Толстого к музыке был самый строгий. «Он мог не любить чего-нибудь хорошего (например, Вагнера),— говорил о нем А. Б. Гольденвейзер,— но зато все, что он любил, было хорошо».

А любовь Толстого к природе! Как юноша, упивался он в 1910 году красотой весны и говорил:

— Я наслаждаюсь этой весной, как никогда! Точно в первый или в последний раз!..

Увы, так оно и оказалось: та весна была последней в его жизни.

— Пойдемте смотреть, как каштан цветет! — бывало, звал он все общество, находившееся в доме, и все шли за ним в парк смотреть, как каштан цветет.

Идя летом на прогулку, он часто возвращался с букетом цветов и говорил, точно оправдываясь:

— Сорвешь один цветок, за ним — другой, третий, и не заметишь сам, как наберешь целый букет!

До конца жизни Лев Николаевич любил ежедневные верховые прогулки. Они давали ему возможность подальше удаляться от дома, наслаждаться природой, отдыхать от людей, не только чужих и далеких, но... и своих близких, часто в том — последнем — году его жизни жестоко огорчавших его.

Я нередко сопровождал Льва Николаевича в этих верховых прогулках. Ездок он был особенный. Он любил углубляться в дремучие леса (а таких еще много в окрестностях Ясной Поляны), сворачивать на незаметные, неизвестно куда ведущие тропинки, прыгать через канавы и рвы... Его львиная натура сказывалась и тут. В нем точно жила внутренняя потребность: постоянно испытывать жизнь, ставить себе трудные задачи. Я едва поспевал за ним. Случалось нам подолгу плутать и приезжать домой совершенно изнеможенными. Тогда Лев Николаевич просил меня не рассказывать о наших приключениях его жене, иначе ему «досталось» бы от нее, и я свято хранил наши «спортивные» тайны...

Когда приходили к Толстому посетители, он не только отвечал им, но и сам закидывал их вопросами: как они живут, чем занимаются, к чему стремятся, во что веруют, что любят и не любят, как относятся к тому или иному вопросу? Так он пополнял свою неисчерпаемую сокровищницу жизненного опыта, даже находясь в своем мнимом отшельничестве в деревне.

Пополнял он, как художник, и запасы живого, разговорного языка, характерных словечек.

— Он рассказывает,— говорил Толстой об одном посетителе: — «Биография моя затруднительная», «По волнам жизни носило...» А я слушаю и запоминаю эти словечки для своей комедии.

Доказывать, что Толстой хорошо знал людей, значило бы только ломиться в открытые двери. Я уверен, в частности, что Толстой знал меня в те годы гораздо лучше, чем я сам себя. Дети Льва Николаевича говорили мне, что в раннем детстве они никогда не могли солгать отцу. Не могли! Матери могли, а отцу нет. Отец все равно по их глазам и лицам узнавал правду.

Интересное свидетельство о проницательности Льва Николаевича оставил один дипломат, болгарский посланник Ризов, посетивший Толстого. Он рассказывал после, что, сидя перед Толстым, он «чувствовал себя совершенно стеклянным». Уж если дипломат так чувствовал себя в присутствии Толстого, то что́ же могли сказать о себе простые смертные?!

В общении с людьми Толстой всегда был удивительно нов, интересен и разнообразен и в то же время сердечен и деликатен. Просьбы его о том или ином, хотя бы самом пустячном одолжении, равно как и деловые поручения, всегда облекались в самую любезную, дружескую форму. Такими же были и выражения его благодарности за любую, хотя бы малейшую услугу. О чарующей искренности Льва Николаевича я уже и не говорю. Работать с ним было одно удовольствие. Ни малейшего давления необычайного авторитета Толстого я никогда не ощущал.

Душевное состояние Льва Николаевича, конечно, не всегда было ровным и безмятежным. Случалось и ему переживать моменты душевного угнетения, депрессии под влиянием недовольства собой, нездоровья или семейных огорчений. Но со стороны трудно было это заметить. Подобные моменты Лев Николаевич старался переживать в одиночестве, стремясь к тому, чтобы не заражать дурным настроением других людей.

Если бы я захотел назвать ка-

кой-нибудь недостаток Толстого, то я прямо не знал бы, о чем говорить. Может быть, о его несколько скептическом отношении к женщинам? Или о некоторых сохранившихся у него аристократических предрассудках?

Сердился ли Толстой? Я только однажды видел его гневным. Толстой назвал «негодяем» — не в лицо, а заочно — незнакомого ему человека, непрестанно бомбардировавшего его наглыми, требовательными и в то же время бессодержательными письмами. Другого «отрицательного» ничего не припомню в толстовском характере и привычках.

Помню, как я в свое время утверждал, что, собственно говоря, мы имеем право ставить вопрос о «святости» Толстого как человека. Слово «святость» я употреблял, конечно, не в церковном смысле, а в смысле исключительно высокого нравственного тонуса личности и жизни великого писателя. В самом деле, этот в молодости страстный, увлекающийся и гордый человек в старости достиг исключительно высокого морального уровня благодаря неустанному самосовершенствованию, самодисциплине. Сам-то он расценивал себя невысоко, но зато всем, кто сталкивался с ним, было ясно, что перед ними не только великий писатель, мыслитель, но и высокий, чистый духом человек. Бывали минуты, когда все лицо Толстого светилось любовью к миру и людям.

Отчего же, однако, на большинстве фотографий Толстой выглядит хмурым и суровым? Ответ прост: оттого, что он очень не любил сниматься. И, вероятно, во время съемок, когда фотограф суетился вокруг него, Толстой в душе сердился на фотографа. Ведь как они ему надоели! Одного В. Г. Черткова, часто снимавшего его, Толстой терпел, желая отблагодарить своей покорностью за многие дружеские услуги, но и Черткову, бывало, говорил:

— Мы с вами во всем согласны, Владимир Григорьевич, взгляды у нас общие, но одного вашего убеждения я не разделяю, это того, что вы должны снимать меня!

Толстой никогда не был ни педантом, ни сектантом и в этом отношении выгодно отличался от многих из своих последователей. Ответы Льва Николаевича узким «толстовцам» иногда поражали своей неожиданностью. И. А. Бунин рассказывал, как однажды пришел к Толстому один его единомышленник, добивавшийся, чтобы учитель принял участие в организации «Общества трезвости». Толстой (вообще недолюбливавший каких бы то ни было организаций) спросил:

— Да вы что же, хотите собираться вместе, чтобы не пить?

— Да, да! — ответил ученик.

— Но я не вижу в этом никакой надобности! — возразил писатель.— Если вы не хотите пить, то вам для этого совсем не нужно собираться вместе. Ну, а если уж вы хотите непременно собираться, так вам надо пить.

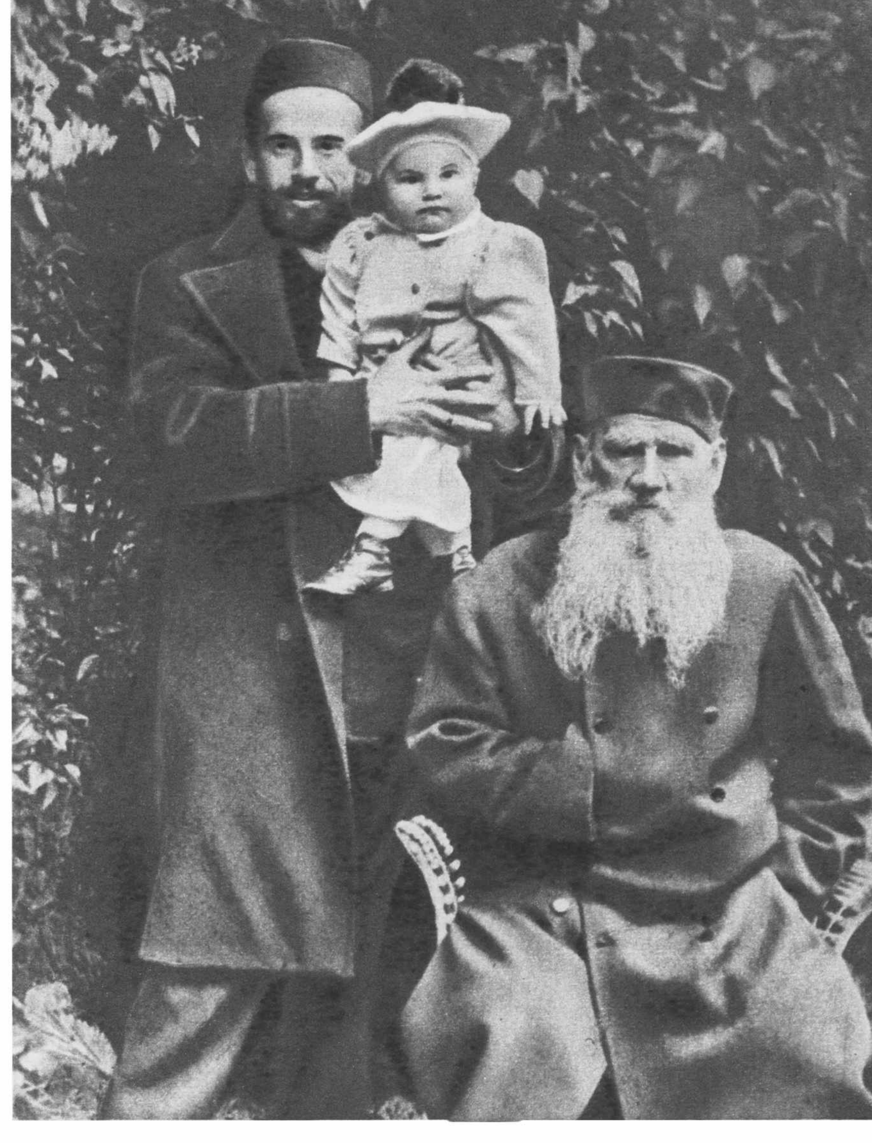
Легко себе представить, как был поражен подобной «непоследовательностью» учителя правоверный, но... вероятно, очень скучный ученик.

Между прочим, после отъезда скучных гостей Толстой нередко предлагал своим домашним осуществить «нумидийскую конницу». Это значило, что по знаку, данному Львом Николаевичем, все вскакивали и начинали бегать вокруг стола, потряхивая в воздухе кистью высоко поднятой правой руки, причем Толстой бежал обыкновенно впереди всех. Так бегали, покуда нудное настроение не рассеивалось.

За какие-нибудь два-три года до смерти Льва Николаевича можно было увидеть в яснополянском доме весело вальсирующим со своей престарелой сестрой-монахиней.

Однажды он решил подшутить над своей женой и над ее приверженностью к строгому этикету. В большом зале-столовой собрались на обед. Длинный стол накрыт белоснежной скатертью и прекрасно сервирован. Горят свечи в бронзовых канделябрах. Два лакея (источник постоянных угрызений совести для демократа Толстого!) готовы разносить кушанья. Лев Николаевич, его взрослые дети, гости налицо. Только старая графиня что-то запоздала, и все ждут ее около своих стульев, не садясь за стол. Минута довольно торжественная... И вот тут седовласый Толстой вдруг говорит:

— А знаете что, давайте подшутим над Софьей Андреевной и спрячемся все под стол!

Лев Николаевич, Лев Львович и его сын Лева. Ясная Поляна. 1899.

— Как под стол?!

— Да так! — говорит Толстой и, чтобы показать пример, лезет под обеденный стол. Тогда и другие за ним. Длинная скатерть скрывает всех.

Графиня входит — в столовой пусто.

— Да где же Лев Николаевич?! Где все остальные?!

Графиня поражена.

И вдруг Лев Николаевич и все остальное общество со смехом вылезают из-под стола.

Из этого, конечно, не следует, что Толстой был таким шутником постоянно. Напротив, ему всегда и во всем было свойственно чувство меры. С молодых лет боялся он всего того, что французы называют ridicule (смешное). Ни в его писаниях, ни в его личном поведении никогда не было и тени слащавой сентиментальности. Он был сдержан в общении не только с чужими, но и с близкими людьми. Даже с ближайшими друзьями он был не на «ты», а на «вы».

Все друзья и почитатели, находившиеся в личном общении с Толстым, обожали его.

Ясная Поляна. 1960.

Два письма А. Куприна

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР в собрании издателя и публициста В. Г. Черткова (1854—1936) недавно обнаружено до сих пор неизвестное письмо А. И. Куприна. Вот его текст:

«Милостивый государь Владимир Григорьевич, один газетный сотрудник, бывший в Ясной Поляне и видевшийся с Вами, говорит мне, что у Вас хранится моя книжка, на некоторых страницах которой остались пометки, сделанные рукой обожаемого Льва Николаевича. Не могу и не сумею высказать, какой любовью, преклонением и нежностью окружена в моей душе светлая память великого. Вы, глубокоуважаемый Владимир Григорьевич, несметный богач сравнительно со мною: у Вас есть письма и портреты покойного, Вы избранник, которого он дарил своей непоколебимой дружбой. У меня же очень мало: портрет с краткой надписью да вечное сожаление о том, что из робости, застенчивости, боязни попасть не вовремя и т. д. я никогда не воспользовался любезным приглашением Толстого побывать у него, а приглашал он меня, уезжая летом из Гаспры на пароходе, где я и был ему представлен д-ром Елпатьевским.

Вы, конечно, поймете, какая огромная была бы для меня радость обладать этой книгой, если она, правда, существует, или даже не обладать — может, это почему-либо невозможно,— а хоть проглядеть ее...

А. Куприн.»

Мы попросили автора книги «Л. Н. Толстой в последний год его жизни» В. Ф. Булгакова прокомментировать письмо Куприна. Валентину Федоровичу сейчас семьдесят четыре года, живет он в Ясной Поляне, где трудится над мемуарами «Как прожита жизнь». Он сообщил следующее:

— Письмо А. И. Куприна В. Г. Чертков получил в 1912 году. Выяснилось, что в яснополянской библиотеке сохранились три тома купринских рассказов без всяких пометок Льва Николаевича. Тогда Куприну, которого Толстой считал самым талантливым из нынешних писателей, была послана моя книга с записью нескольких отзывов о его творчестве, услышанных мною от Л. Н. Толстого. Мне всегда вспоминается любопытная запись, сделанная 24 июня 1910 года.

За обедом употребили выражение: «Этот номер не пройдет». Лев Николаевич сказал:

— Этим испорченным языком удивительно владеет Куприн! Прекрасно знает его и употребляет очень точно. И, вообще, он пишет прекрасным языком. И очень образно.

Вскоре я получил письмо от А. И. Куприна. Он писал из Гатчины 30 декабря 1912 года:

«Многоуважаемый Валентин Федорович, Вашу книгу я получил и очень благодарен за внимание. Книга по-настоящему прекрасная. Ее будут читать и перечитывать еще много лет: в ней беспристрастно и любовно отразились последние дни нашего незабвенного Старика...

Ваш А. Куприн».

Львом Великим и «человеком из породы Вольтеров и Герценов» называл выдающийся художественный критик В. В. Стасов своего долголетнего друга Льва Николаевича Толстого. Стасов одним из первых заговорил о Толстом как о крупнейшем таланте. Еще в 1877 году, оценивая роман «Анна Каренина», он писал, что «граф Лев Толстой поднялся до такой высокой ноты, какой еще никогда не брала русская литература». Стасов с чувством беспредельного восхищения и гордости встречал каждое новое слово Толстого. После выхода в свет «Воскресения» критик сказал, что его автор «не только величайший русский писатель, но и величайший писатель всего нашего XIX века и, еще более того, величайший писатель всей Европы с самых времен Шекспира».

Льву Толстому посвящены самые яркие письма Стасова, опубликованные в прежние годы. На страницах нашей толстовской тетради впервые публикуются высказывания о великом писателе, взятые из стасовских писем к деятелям русской культуры М. М. Антокольскому, Е. М. Бём, И. Я. Гинцбургу, О. И. Оптовцевой, И. П. Ропету (Петрову), Н. П. Собко, Н. Н. Страхову.

Письма В. В. Стасова хранятся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

Н. Черников

В. В. СТАСОВ—Е. М. БЁМ

Публ(ичная) Б(иблиоте)ка
утро. 30 янв(аря) (18)87.

...Моей благодарности нет пределов!!! Я получил от Вашей милости драму[1] Льва Толстого, прочел ее залпом, и почитаю вчерашний день одним из счастливейших и величайших в своей жизни. Для меня Толстой теперь — русский Шекспир, и ни единого вершка ниже! Что за правда, что за глубина, что за сила и величие. Много десятков лет я ничего подобного не читал,— с тех пор, как прочитал в первый раз «Лира», «Отелло», «Гамлета» и все остальное подобное. Да, это наш величайший гений, этот Толстой.

Теперь скажите мне на милость, Лизавета Меркурьевна, сколько времени я имею право продержать этот экземпляр. Такая масса людей просят позволения прочитать его. Да и сам я, после первого опьянения, хотел бы снова прочесть это великое создание. И еще одна просьба: ради бога, передайте мою глубокую благодарность г. Черткову, и если хотите, дайте ему прочесть эти мои строки. Он для меня сделал громадное дело.

Ваш всегда В. Стасов.

Сегодня же пишу письмо самому Льву Толстому.

В. В. Стасов — Н. П. Собко

Понед(ельник), 7 октября (18)87.

Я отправился к Репину, и сколько м-ме Бём ни расхваливала мне картину его «Лев Толстой пашет», но я нашел еще выше и лучше. Каков Лев Толстой тут!! Точно 13-й или 12-й в картине «Бурлаки». Такой же богатырь, как два передовые. А какие две лошаденки с ним пашут — просто прелесть!!!

В. В. Стасов — Н. Н. Страхову

имп. Публ(ичная) Б(иблиоте)ка,
9 сент(ября) (18)94

У меня теперь в руках 50 писем Л. Н. Толстого к покойному Н. Н. Ге (от 1881 до нынешнего 1894 года). Я думаю, что важнее этих писем наш великий Лев ни к кому никогда не писал писем.

На-днях я читал «Patriotisme» того же Льва. Это одного калибра (особливо с X-й главы) с XII-й главой его «Царства божия», т. е. гениально и поразительно до невозможности!! И я ему свои мысли обо всем этом уже прописал. Ведь я считаю, «Царство божие» и «Patriotisme» — первыми книгами всего XIX века, наравне с Герценом!! (Конечно, я говорю не про романы, драмы, повести, поэмы и проч(ее) — это совсем другое царство!)

В. В. Стасов — Н. Н. Страхову

имп. Публ(ичная) Б(иблиоте)ка
31 окт(ября) (18)95.

С удовольствием повидался я нынче с графинюшкой Татьяной и узнал от нее, что не только Лев Великий меня не забывает и не бросает вместе с разорванными конвертами и бандеролями в корзинку на полу, но твердо помнит и иной раз вспоминает с некоей симпатией. Ах, какое для меня счастье и радость!

...А знаете: я ушел из «Сев(ерного) Вестника». Там деспоты и командиры завелись не хуже Каткова, да и такие же консерваторы, только без его ума и дарований! Вообразите: запрещают мне говорить про Черныш(евского) и Писарева как мне надо (по случаю Ге) и даже запрещают приводить цитаты из их печатных сочинений. Каковы!!! Ну, в 72 года мне уже не приходится слушаться каких-то добродушных милых девочек и противных для меня кастратов!! Пойду, сыщу себе где-нибудь уголок и стану продолжать статьи свои о Ге. Ведь тут будет и переписка его со Львом. Это ли еще не нужно, это ли еще не интересно?!

В. В. Стасов — И. П. Ропету

СПБ
Пятница, 26 апреля (18)96.

...Ваше письмецо было мне очень приятно. Вы в этом не можете сомневаться. Но предосадно было, что не состоялся наш прожект насчет Льва Великого. Бог знает, когда Вам доведется в другой какой-нибудь раз увидеть его, а главное поговорить с ним. А разговор с ним — истинное наслаждение, и я с жадностью жду моего времени, когда поеду к нему в Ясную Поляну. Авось это случится в июне или июле. Но что мне странно и удивительно — это, что он ни единого слова, даже на полчетверти единого слова не пишет мне про портрет Герцена, свезенный Вами. А между тем, этот портрет такой великолепный, что, пожалуй, можно было бы и сказать пару слов про его присылку. Ну, да это барин такой занятый с утра до вечера, что, пожалуй, с него можно и не взыскивать! И даже ничуть не быть в претензии. Ведь сколько народа вечно осаждает его, словно крепость какую-нибудь, которую надо непременно взять!

В. В. Стасов — И. Я. Гинцбургу

СПБ
Среда, вечер, 19 июня (18)96.

А надо Вам еще сказать, что единственное, что я еще теперь делаю, то это — читаю Толстого или Герцена, и оба только приводят меня в отчаяние, и даже отчасти мешают делать вновь что-нибудь свое! Такая везде глубина мысли, такая сила кисти, такое мастерство и художественность слова — просто потом отчаяние берет, и невольно каждую минуту себе говоришь (как, наприм(ер), хоть бы сегодня, я читавши в 150-й раз то те, то другие страницы «Войны и мира»): что ты еще суешься, несчастный?! Куда тебе, пигмею ничтожному! Молчи, дрянь, и выкинь к черту все перья свои... И все-таки, все-таки какая-то своя мысль шевелится, и потребность какая-то говорить продуманное и представившееся в голове — сидит в голове, словно гвоздь.

В. В. Стасов — Н. П. Собко

Имп. Публ(ичная) Б(иблиоте)ка.
Суббота, 10 января (18)98.

Я все-таки плавал в «море блаженства» и от «Садко» и от Льва Великого. Да, кстати: вообразите, он мне раз там публично объявил, у себя дома, что я его расшевелил, разгорячил и повысил духом, и что он более не чувствует, что только что был болен и лежал и было в нем 40°. Просто не хотел меня отпускать из Москвы подольше! Вот мы как!

В. В. Стасов — М. М. Антокольскому

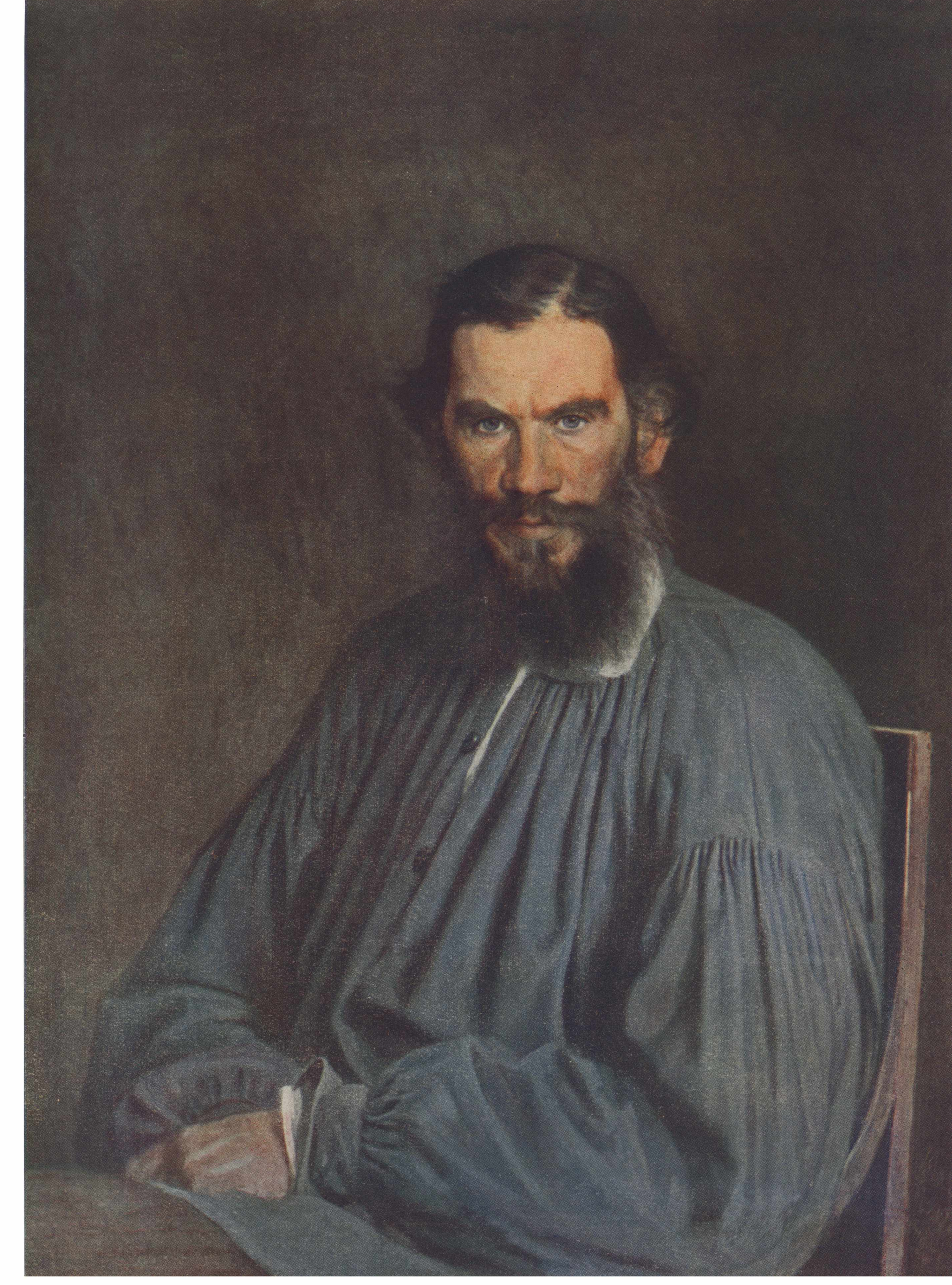
СПБ
24 сентября 1899.

...Я в сотый раз пожалел, что Вы так никогда и не познакомились со Львом Толстым и никогда его не делали. Ну как же это так, Вы и его тоже пропустили, как множество других значительнейших и важнейших Ваших современников. Вы наделали множество портретов людей посредственных или ничтожных, а иногда и просто зловредных и отвратительных,— и в то же время пропустили все, что было между Вашими совре-

---

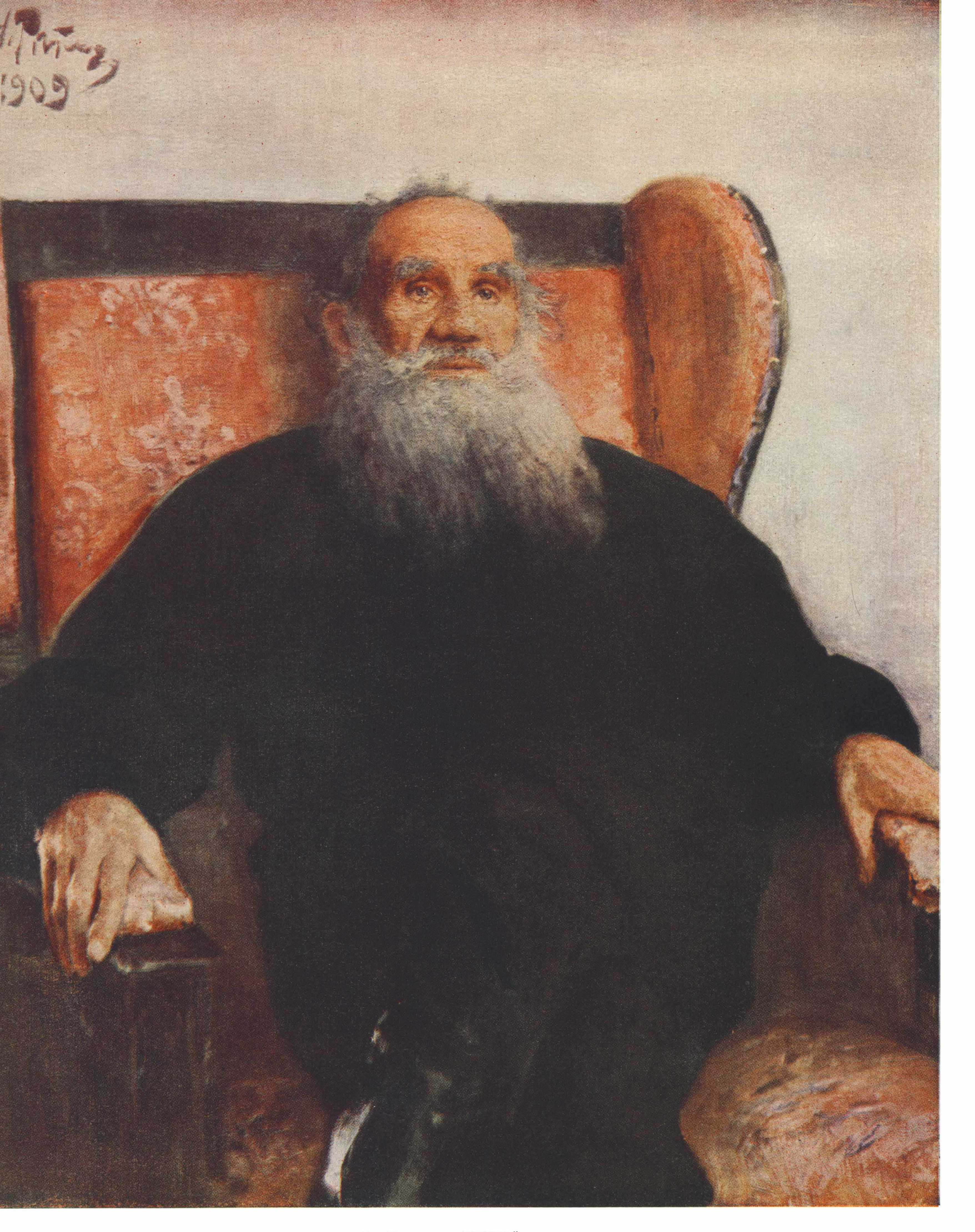
И. Крамской. ЛЕВ ТОЛСТОЙ. 1873.

На центральной вкладке: И. Репин. ТОЛСТОЙ НА ПАШНЕ. 1887.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ.

Портрет работы **И. Е. Репина,** 1909 год.

«Огонек».

менниками важного, значительного, талантливого, знаменитого, вечного! Едва ли не один Серг(ей) Петр(ович) Боткин[2] составляет исключение! Отчего все это так — не умею понять. Но хорошо ли это, достойно ли это Вашего дарования? И особенно, как Вам было не познакомиться со Львом Толстым, который есть краса и цвет не только нашей России, но всего нашего XIX столетия! И что же; какой-то полуграмотный Трубецкой[3], дилетант, за неимением настоящего художника, делает этого гиганта, колосса. Больно, обидно!

В. В. Стасов — О. И. Оптовцевой

СПБ
Имп. Публ(ичная) Б(иблиоте)ка
13 января 1900.

Я не отвечал Вам тотчас же на телеграмму единственно потому, что тотчас же после 2-го января, когда мне исполнилось 76 лет, я уехал в Москву, к Льву Толстому, ради которого и прожил там несколько дней. Я поехал в Москву, потому что меня испугали газетные известия, конца декабря, о его болезни. По счастью оказалось, что в начале января он чувствовал себя уже вполне хорошо, ежедневно выходил со двора, и надолго, на много часов, и много ходил пешком, а именно часов от 2 после завтрака и до 5 и $5^{1}/_{2}$. Это самое любимое время его для того, чтоб на ходу и наедине с самим собою — сочинять то, что в данное время он пишет. Я с ним провел все дни, всякий день обедал в его семействе (по его требованию, а равно и по требованию его жены, графини Софьи Андреевны, премилой и преинтересной особы), и потом оставался у них до 12 и до 1 часа ночи — в бесконечных и оживленнейших разговорах о тысяче материй разных — мы ведь старинные знакомые и приятели, кажется, еще с 1878 года! Не могу рассказать Вам, как мне с ним хорошо, и с каким восторгом я провожу с ним время! Это удивительный человек, и я не могу называть его (про себя и для себя) иначе, как Лев Великий. Я просто обожаю его, невзирая на то, что во многом с ним несогласен, и часто даже с ним мы ожесточенно спорим (это насчет многого «божественного» и «ультраморального»). По счастию, наша разница мнений ничуть не портит наших отношений и даже еще в декабре или ноябре, кончая одно письмо ко мне, он подписался: **«Ваш Лев Толстой, имеющий свои симпатии, из которых одна — В. В. Стасов...»** Слово «симпатии» употреблено тут по тому поводу, что у нас шла тогда речь о наших «симпатиях».

А читали ли Вы, сударыня, а также Виктор Иванович[4], его «Воскресение», и если да, то как Вы довольны? Что касается до меня, то я без ума от этой вещи и считаю ее одним из самых гениальных его созданий (невзирая на некоторые пункты, с которыми я мало согласен; наприм(ер), сам Нехлюдов, по-моему, слабейшая фигура всего романа). Но я должен предварить Вас, что впечатление этой изумительной книги, наверное, гораздо сильнее на меня, чем на многих других, потому что я читал ее не по петербургскому изданию «Нивы», где пропасть выпусков и сокращений, а по лондонскому, где все напечатано целиком. Еще раз повторю: для меня это одна из гениальнейших книг, какие существуют на свете...

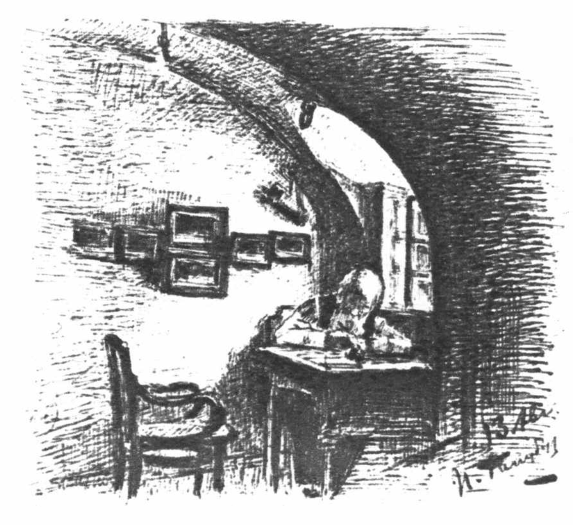
Примечания:

[1] Имеется в виду драма Толстого «Власть тьмы, или Коготок увяз,— всей птичке пропасть» (1886).

[2] Боткин Сергей Петрович (1832—1889), профессор Петербургской медико-хирургической академии, общественный деятель. Его бюст Антокольский вылепил в 1874 году.

[3] Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1867—1938), скульптор, автор работ «Л. Н. Толстой» и «Л. Н. Толстой на лошади», выполненных в 1899 году.

[4] Логинов Виктор Иванович (1870—1931), любитель искусств, профессор Казанского ветеринарного института, председатель Казанского общества пчеловодства. В 1926 году правительство Татарской АССР присвоило В. И. Логинову звание Героя Труда.

В. В. Стасов в Ясной Поляне. 1902.

Л. Н. Толстой. 1891.

Рисунки Ильи Гинцбурга

Близкий друг М. М. Антокольского, И. Е. Репина и В. В. Стасова, академик скульптуры И. Я. Гинцбург (1859—1939) является автором известных статуэток и бюстов Толстого. Скульптор часто гостил в Ясной Поляне. О своих встречах с писателем он рассказал в воспоминаниях, вошедших позже в его книгу «Из прошлого». Гинцбург был отличным рисовальщиком. В воспоминаниях говорится, что он не раз набрасывал портрет Льва Николаевича и «рисовал обстановку его рабочей комнаты, дом и окрестности Ясной Поляны». Публикуемые здесь впервые яснополянские зарисовки И. Я. Гинцбурга сохранились в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

ДЛЯ ВСЕХ И НАВСЕГДА

«...Отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа — для всех и — навсегда!»

М. Горький

Толстой получил за свою жизнь около 50 тысяч писем и телеграмм со всех концов земли русской, из многих стран Европы, Америки, Азии... Почти все они были прочитаны самим Львом Николаевичем.

Заграничная корреспонденция писателя обильна. В рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве хранится много интересных материалов. Среди них неизвестное письмо венгерского писателя Андрея Сабо (1849—1924), с которым он обратился к Толстому в 1899 году:

«Многоуважаемый Граф!

Прежде всего позвольте мне представиться: я, пишущий Вам это письмо, венгерский поэт и редактор Андрей Сабо.

Как видите: знаю с грехом пополам по-русски. Научился русскому языку лет 10 тому назад по тому случаю, что читал тогда на немецком переводе Ваши сочинения.

С тех пор постоянно занимаюсь Вашими произведениями: читаю о них лекции в нашем литературном обществе имени Петефи, перевожу их на венгерский язык и вообще имею их в руках каждый день.

Перевел я Вашу драму «Власть тьмы» и так как нравы между нашим простым народом удивительно как похожи на те, о которых Вы трактуете в Вашем великолепном сочинении: хотелось бы мне Вашу драму представить в одном из наших знатнейших будапештских театров. Прошу же Вас покорно, многоуважаемый Лев Николаевич, будьте так добры: дайте мне на это мое предприятие Ваше согласие...»

В девятисотых годах в России начались студенческие волнения. Царская полиция провела повальные аресты среди студентов. В разгар волнений в Москве 24 февраля 1901 года в «Церковных ведомостях» появилось определение Синода об отлучении Толстого от церкви.

В те дни Союз студентов Свободного университета Брюсселя обратился к Льву Николаевичу со следующим письмом:

«Дорогой Учитель

Профессора и студенты брюссельского Свободного университета, собравшись 26 марта 1901 в Брюссельском (университетском) дворе, шлют Вам свои поздравления по случаю оказанной Вам чести отлучения от церкви, по глупости духовенства. Они надеются, что если пребывание в России станет для Вас нестерпимым, Вы изберете Бельгию местом Вашей ссылки».

1905 год. О кровавом воскресенье 9 января в Петербурге Толстой узнал из газет 11 января.

29 июня Толстой записал в дневнике: «Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же призваны русские в 1905».

...А несколько позже к Толстому обратились из американского города Нью-Албани штата Индиана с другим животрепещущим вопросом:

«Уважаемый Сэр,

Мы, нижеподписавшийся Комитет Скройбнеровской высшей школы, представляющей 3 000 человек цветной расы этого города, отправили сегодня Вам специальный номер журнала «Александерс мэгезин», выходящий в Бостоне, Массачузетсе и издаваемый людьми цветной расы. В номере есть статья «Что сказал бы Толстой» (о нашей расе). Автор статьи делает предположение, что сказали бы Вы, прочитав об указанных в ней случаях жестокого линчевания, почерпнутых в крупном еженедельном журнале «Нью-Йорк индепендент».

Понимая, какое огромное значение в сей стране будут иметь Ваши взгляды и мнение об этом, при широком их распространении, мы, действуя от себя, как студенты, а также от лица всей нашей угнетенной расы, убедительно просим и умоляем Вас высказать народу Соединенных Штатов Америки или через наше посредство, или тем путем, какой избрать Вы пожелаете, Ваш взгляд о рассказанной в журнале несправедливости по отношению к нам. Мы прочтем и отнесемся с особым вниманием ко всему, что напишете Вы, друг угнетенных, поскольку к воплям и мольбам мужчин и женщин, обвиняемых только в том, что они чернокожие, остаются равнодушными».

Из заграничной корреспонденции 1908 года одним из наиболее характерных было неизвестное еще в печати письмо из Англии, к которому приложены на восьми листах списки поздравителей с указанием фамилий и адресов в Лондоне, Бирмингаме, Кенте, Эдинбурге:

«Дорогой Лев Толстой

В дни празднования восьмидесятилетия Вашего рождения Вы получите со всех концов земли свидетельства уважения, восхищения и любви к Вам.

Но мы, в большинстве принадлежащие к незаметным людям, выражаем Вам в этом письме свою благодарность за добрые семена, посеянные среди нас.

...Мы радуемся тому, что Вы живете, что Ваша духовная и литературная деятельность длится неослабно, и мы просим принять от нас почтительные поздравления и уверения в нашем благоговении и любви»

Ник. АЛЕКСЕЕВ

Екатерина ЮНГЕ

Незабываемое

В архиве графа Ф. П. Толстого в Историческом музее (Москва) мы обнаружили неизданные воспоминания его дочери, художницы-пейзажистки Екатерины Федоровны Юнге, написанные ею после посещения Ясной Поляны 28 июля 1885 года. Восторженной почитательнице Толстого удалось запечатлеть высказывания великого писателя по разнообразным вопросам, волновавшим его в то время. Зорким глазом художника-профессионала Юнге уловила и мастерски передала внешний облик Толстого. Рельефно воспроизводит она атмосферу в доме писателя и его семейный быт. Глубокое уважение к Толстому не помешало ей, впрочем, довольно критически отнестись к его «барской затее поиграть в мужички».

Воспоминания Е. Ф. Юнге относятся к тому периоду жизни Толстого, который сравнительно мало освещен. Они написаны вскоре после посещения Ясной Поляны, что во много раз увеличивает их ценность.

Дружеские отношения с Толстым и его семьей художница Е. Ф. Юнге продолжала поддерживать до самой его смерти. Она неоднократно посещала Ясную Поляну и московский дом писателя. Однако день, проведенный в Ясной Поляне в июле 1885 года, остался ей памятным на всю жизнь.

Л. Ланский

Вот Толстой оживленно беседует за чайным столом, у которого собралась его многочисленная семья, родственники, гости, гувернантки, репетиторы детей... Молоденькая учительница, живущая у Кузминских, весело рассказывает о том, как интересна ее профессия.

— Рекомендуйте меня, пожалуйста, в учительницы,— шутливо обращается к ней Толстой.

Учительница спешит заметить ему, что в ее положении есть неприятная сторона: ей совестно жить беззаботно в чужой семье, в то время как ее родные мучаются, нуждаются, страдают...

— А вот это уж нехорошо вы говорите,— возражает ей Толстой.— Зачем это непременно со своими жить, своим делать добро, своим сочувствовать? Это вот, что у вас своего личного, эгоистического нет, это прекрасно. Жить спокойно, давать не своим, а чужим, всем, кому нужно, вот так и надо жить.

— А если свои от этого пострадают?

— А вашим другой кто-нибудь сделает. Если у меня столько детей, что я их прокормить не могу, неужели же они пропадут? Конечно, их другие возьмут и кормить будут, ведь и поросят берут — кормят, а ведь это люди, они полезнее поросят. Вот это-то и есть, вот что меня и возмущает: сейчас все на детей, взятки берут — для детей, воспитывают, то есть портят, по-французски учат, коверкают для себя, для удовлетворения своего тщеславия, своего самолюбия—опять говорят: это для детей. И все на этих несчастных детей сваливают.

Последовали со всяких сторон возражения, на которые граф отвечал теми проповедями любви, равенства, отречения, которые изложены многократно в его сочинениях и поэтому не будут приведены здесь, хотя я должна сознаться, что в живой, устной речи графа они звучат так убедительно и красноречиво, что слушатели обыкновенно перестают возражать, и перестают не потому, собственно, что не находили доводов для возражений, а потому, что его пленительные речи так сладко действуют на душу, что только бы все слушал да слушал...

Заговорили о брачных отношениях. Толстой горячо отстаивает необходимость полного духовного единства между мужем и женой.

— Ведь люди женятся и сходятся не для удовольствия, не для забавы,— говорит он,— а единственно для того, чтоб иметь детей. Кто не имеет детей, тот не женат — это смешно смотреть: бездетные и воображают, что женаты, что чем-то связаны. Кто не имеет детей, тот холостой. Вот почему муж и жена во что бы то ни стало должны быть едины. Ребенок, естественно, за разъяснением всех вопросов идет к родителям.

Толстой прочел присутствующим полученную им недавно статью крестьянина-молоканина Т. М. Бондарева, трактующую о том, что все люди должны одинаково работать около хлеба, и о незаконности жизни чужим трудом — вещь, весьма замечательную по силе языка, по самобытности и непосредственности склада мыслей.

— Но ведь, боже мой, нужна же наука, ведь духовный хлеб также нужен! — замечает по этому поводу кто-то за столом.

— Также нужен, он и будет,— заявляет Толстой.— Вот нужно народу, чтоб я книжки писал, он и скажет: «Пиши, это нам нужно, мы тебе за то есть и платье дадим», — надо только, чтобы это попросили. А то мы, это горсть паразитов, хищников, создали себе фетишей — науку, искусство, эстетику — и поклоняемся им, они нам только и нужны, и мы только обманываем, говоря, что это народу нужно, себя только мы этим тешим, нам только, горсти, это нужно; и во имя этих фетишей мы считаем себя вправе грабить других, и жить в свое удовольствие, и заставлять сотни людей работать для нас. Кому я пользу приносил, когда писал книги для удовольствия офицеров и дам, кому все эти университеты приносят пользу, которые развращают только молодежь, заставляя их думать, что они уж все знают, когда они ничего не знают, эти ученые, которые рассуждают о том, что у такой-то птицы два пера в хвосту, кому это нужно, кроме их самих. Они служат своему фетишу, а в сущности тому, кто им жалованье платит... Вот если б в каждой деревушке была бы публичная библиотека, вот тогда была бы наука та, которая нужна народу.

— Да, но ведь для научной деятельности нужна подготовка. Если вдруг народ захочет, чтоб вы писали книги, а вы не умеете писать?

— А вот,— сказал граф, показывая на рукопись,— вот написал же и без подготовки, и как еще сильно написал.

— Можно сказать: если теперь так, то как бы он написал, если б был образован! — заметил кто-то.

— А может быть, и хуже,— заметил Лев Николаевич.— Я даже думаю, что хуже. Вы говорите, нельзя соединить,— физический труд идет в ущерб умственному. Вот это-то и дурно, что у нас так: или мускулы развиты в ущерб уму, или ум и нервы в ущерб мускулам, вот это бы и не должно быть... Мне кажется, что надо разделить день на четыре упряжки, на четыре упряжки,— повторил он,—четыре часа заниматься тяжелым трудом, четыре часа ремесленным, четыре — умственным и четыре — оставить для общественных всех занятий и развлечений.

— Умственному труду,— сказал кто-то,— нужно всего себя и все свое время посвятить, чтобы что-нибудь путное вышло.

— Ну, желал бы я знать, много ли из моих собратий посвящают четыре часа в день на умственные занятия,— возразил граф.— Четыре часа в день занимаясь умственным трудом, можно много сделать. А физический труд всякому полезен. Кроме того, что приобретешь

Перед нами известная фотография «Толстой и Чехов в Гаспре». Об этой фотографии писали В. Г. Короленко и А. И. Куприн.

В неопубликованном письме от 17 августа 1913 г. к литератору П. А. Сергеенко, приславшему фотографию, Короленко писал:

«...Снимок удивительно характерен: и этот бодрый старик, с таким увлечением донесший свои теории до могилы, и мрачный молодой Чехов... Это действительно не случайный снимок, а точно картина художника, полная глубокого значения» (Отдел рукописей Музея Л. Н. Толстого).

Куприн писал об этой фотографии в 1934 году, находясь в Париже (в советской печати это высказывание не публиковалось):

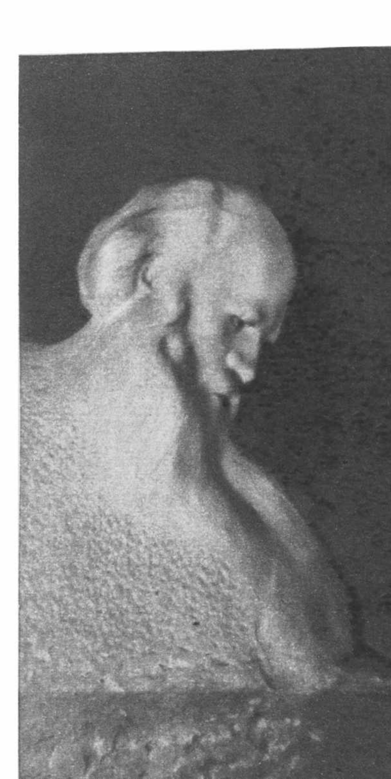
«У меня осталась в моем гатчинском доме фотография, снятая с Толстого и Чехова. Место снимка — Гаспра (имение гр. Паниной). Толстой седой, бородатый, в белом халате, пьет утренний кофей. Чехов сидит рядом, положив ногу на ногу. Толстой так увлекся разговором, что совсем забыл о своем утреннем завтраке. Он сжал в правой руке чайную ложку (конец над большим пальцем), как будто он грозит ею. У Чехова — милая-милая и только чуть-чуть лукавая улыбка (кстати, я никогда не видал улыбки, прелестней чеховской). И Толстой как будто бы говорит Чехову:

— Во-первых, Антон Павлович, надо писать по возможности просто!

А потупленная улыбка — взгляд Чехова как будто отвечает:

— Лев Николаевич, это же труднее всего на свете!»

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

что-нибудь для себя или для других, еще сохраняешь, меньше тратишь, потому что, поработав физическим трудом, не захочешь трюфелями питаться, а щей с кашей попросишь, а как спится хорошо, какую бодрость дает! Физический труд располагает к миру, к благосклонности, к спокойствию, к доброте. А все ваши удовольствия ведут к ссорам, к зависти.

— Неужели, чтобы жить по добру, нужно лишить себя всех удовольствий?

— Вовсе я этого не говорил. Дело вовсе не в том, чтобы убивать плоть или терпеть какие-нибудь лишения, напротив, дело в том, чтоб быть счастливым. А для этого нужно объяснить себе, для чего живешь, какова цель жизни. Когда это твердо поймешь, тогда дела сами покажутся. Тогда то, что теперь кажется вам удовольствием, перестанет казаться им, и совсем другое будет доставлять вам наслаждения и гораздо большие. А пока вам нравится театр и т. д., зачем же лишать себя, надо только, чтоб это стояло на втором плане, а добро на первом...

— Я еще с одним никак не могу помириться,— сказала я,— это что вы, именно вы, такой художник, говорите против науки и искусства.

— Как же можно быть против знаний? Знание только должно быть нужное народу, а не то, что преподаете в ваших школах и университетах, где только затемняют здравый смысл; я против ваших профессоров, которые получают жалованье от правительства, лгут с кафедры, или служат тем, кто им платит, участвуют в общем жульничестве и порабощении народа. Прежде римский гражданин был хранителем римской республики и потому считал себя вправе иметь рабов и есть соловьиные языки; рыцарь, отправляясь гроб господень воевать (до какого парадокса можно дойти!), тоже считал себя вправе пользоваться трудом другого, у нас чиновник, пожалуй, имеет право, потому что считает себя охранителем, а мы какое право имеем? Вот мы и выставляем науку и искусство, мы, дескать, необходимы, мы интеллигенция. Вычеркнуть все эти слова надо. И что это такое искусства, наука? ...Только через науку все познаем, и выходят из университетов люди, знающие, сколько перьев у какой-то птицы, и не знающие того, что только и нужно знать. Человек много приобрел, если понял, что не знает того, что ему прежде казалось известным. Главное — распределить, что знаешь и чего не можешь знать. Единственное спасение знания и искусства — это их в толпу пустить, это популяризация, картину Репина в балагане показывать, а не то, что сидеть между собой и друг для друга открытия делать да еще у народа силы на то высасывать. Если уж писать книжки, так надо для народа писать.

Граф распространился о народных книгах, рассказывал с любовью о своих изданиях для народа, говорил о плане заменить лубочные картинки такими же дешевыми, но рисованными лучшими мастерами, и показывал мне один действительно превосходный рисунок, присланный ему Репиным с этой целью.

На перроне станции Крёкшино. 1909.

— А как вам нравится последняя картина Репина? —спросила я Толстого о картине «Иван Грозный и сын его Иван».

— Она производит такое сильное впечатление,— отвечал Толстой,— что, представьте, даже не замечаешь, как она написана; на технику, на аксессуары совсем не обращаешь внимания, одни лица сосредоточивают все: перед вами плюгавый, паршивый старичонка, дрянной, как все злодеи (напрасно их рисуют чем-то мощным, они все дрянные и слабые), и его даже становится жалко — видишь, до чего он дошел, а рядом с ним другое лицо, где мир и спокойствие смерти. Нельзя таких выражений нарисовать с натуры, никто так не может позировать, умирающий не будет позировать. Это надо из себя написать. А у нас отвыкли от этого. Заслуга Репина, что он возвращает нас к этому.

Есть три степени искусства, — сказал граф, помолчав.— Первая — когда художник изображает верно то, что произвело на него впечатление, вторая — когда несколько таких впечатлений группируют в целое, составляют как бы мозаику, и третья, высшая — когда художник может захотеть и выполнить, выразить все, что захотел, что бы это ни было.

Не могу не привести здесь то впечатление, которое производит Лев Николаевич не тогда, когда увлекаешься его речью, но когда пораздумаешь обо всем наедине с собой. Впечатление это то, что личные вкусы Льва Николаевича противоречат во всем его новой теории и что он постоянно старается отчасти согласовать это, отчасти подавить в себе свои инстинкты. Надо послушать только, когда он забывает проповедь; с какой любовью говорит он о разных книгах и картинах; как интересуется всем; как живо проглядывает в нем эстетическое наслаждение; какой он верный ценитель и знаток живописи; как тонко эстетически развит его вкус; как он любит расспрашивать про разных личностей, про разные характеры, в его вопросах и заключениях видна такая наблюдательность; он слушает с таким вниманием, отмечает характеристические стороны с таким удовольствием, что так и кажется, что он собирает материал, как пчела мед, для нового романа. Стоит только посмотреть на всю его внешность, как сквозь его серую блузу, напущенную резкость и грубость выражений то и дело просвечивает изысканное воспитание и врожденная породистость, чтоб невольно подумать, что с этой вечной борьбой с самим собой он не может быть так счастлив и покоен, как он говорит.

...Утром чайный стол, около которого соединяются обе семьи, Толстых и Кузминских, был накрыт под тенью густых деревьев против дома.

За чаем произошло маленькое приключение: маленький сын Кузминских вдруг с чашкой бросился травить собак на что-то, мать крикнула на него и велела в наказание идти сейчас же переписывать урок. Лев Николаевич пришел в негодование. «Бывало,— говорил он между прочим,— разобьет лакей саксонскую вазу, пошлют его на конюшню и приказывают бить его по известной части тела,— что общего между саксонской вазой и частью тела человека? Ребенок (что может быть естественнее?) увидел собак, побежал к ним с криком «а-ту-ту»,— его заставляют сидеть и урок переписывать; что общего между этим движеньем ребенка закричать «а-ту-ту» и переписыванием урока?» М-me Кузминская сейчас же согласи-

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Этот мраморный бюст Л. Н. Толстого находится в Музее литературы и искусства Академии наук в Ереване.

Интересна история скульптуры. Автор ее — армянский скульптор Акоп Гюрджян. В 1910 г. он вылепил из глины для Толстовского музея бюст Толстого-мыслителя. В 1914 году, уже будучи в Париже, Гюрджян изваял скульптуру из мрамора.

Более сорока лет простояла скульптура в парижском ателье Гюрджяна. В 1955 году в сквере Толстого в Париже был открыт гюрджяновский памятник писателю. На торжестве открытия академик Андре Моруа, автор биографических романов о Шелли, Байроне, биографии Жорж Санд, В. Гюго, рассказал о колоссальном влиянии Толстого на французскую литературу.

В беседе с нашим корреспондентом старший научный сотрудник Государственной картинной галереи Армении Д. М. Дзнуни рассказал о скульптуре Гюрджяна. Находящийся в Ереване бюст — вариант парижского памятника Толстому. Гюрджян мечтал вернуться на родину: он умер в 1948 году в возрасте 67 лет и завещал все свои скульптуры Советскому государству. Ереванская галерея получила 495 произведений Гюрджяна, среди которых скульптуры Максима Горького, С. Рахманинова, Ф. Шаляпина, А. Ширванзаде, много композиций в мраморе, дереве, гипсе. В 1958 году в Ереване состоялась выставка работ талантливого скульптора.

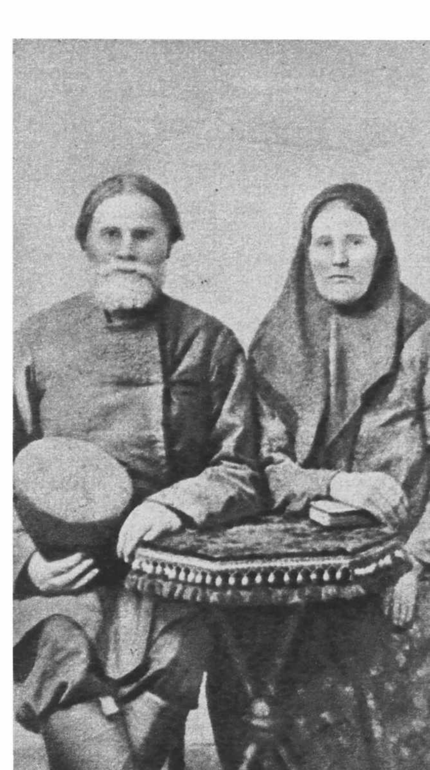

Медаль 1917 года

Коллекция главного инженера «Ленгаза» В. А. Горшкова насчитывает более двух с половиною тысяч орденов и медалей. Среди них сохранилась медаль, выбитая в честь Л. Н. Толстого в 1917 году.

«Грамотные мужики»

В Литературном музее Ясной Поляны экспонируется редкая фотография шестидесятилетней давности, изображающая крестьянина П. О. Зябрева. Его хорошо знал Лев Толстой, который 5 февраля 1884 года писал своей жене: «Петр Осипов очень интересен по вопросу о чтении народном. У него почти всю зиму собираются грамотные мужики, и они читают. Он принес мне свою библиотеку — короб книг — тут и жития, и катехизисы, и Родное слово, и истории, и географии, и Русский Вестник, и Галахова хрестоматия, и романы. Он высказал свое мнение о каждом роде книг. И все это очень заинтересовало меня и заставило многое и вновь подумать о народном чтении».

На снимке: П. О. Зябрев с женой. 1899.

лась, что наказание ее не вытекает из проступка, простила мальчика, но сказала, что она не знает иногда, что и делать, как и быть с этими детьми... Долго слушал Лев Николаевич молча, наконец горячо сказал:

— Эх вы, воспитательницы! Вот вас тут три матери,—я вас спрашиваю: довольны вы своею жизнью, умели вы ее устроить хорошо? Нет! Ну, а как же вы других воспитывать хотите? Как же я научу кого-нибудь сапоги шить, когда сам не умею?

Лев Николаевич еще накануне хотел показать мне одно любимое им место парка, чтоб я нарисовала его, и мы теперь вдвоем с ним пошли к дому собирать живописные принадлежности, которых я не взяла с собой, но которые должны были найтись, так как старшая дочь графа пишет масляными красками. По дороге граф сказал мне:

— Знаете, какое лучшее средство детей воспитать? Воспитывайте себя.

Окончив этюд, я возвращалась с ним и должна была пройти мимо собственных апартаментов графа, которые помещаются внизу. Он окликнул меня из окна, и я по низкому крылечку вошла в его кабинет или мастерскую.

— Как я рада,— воскликнула я,— что застала вас за работой, посмотрю, как это вы сапоги шьете!

Комната была небольшая, с кожаной мебелью, в нише в стене стоял прекрасный мраморный бюст покойного брата графа, в открытую в другую комнату дверь виднелись стены, заставленные снизу доверху полками книг, и край простой железной кровати. У открытого окна с широким подоконником, заложенным инструментами и кусками кож, на низком деревянном табурете, в рубашке и кожаном переднике, сидел граф и тачал. Рубашка была залатана, в одном месте порвана, широкая, мускулистая спина обрисовывалась в ней, опущенная голова с надвинутым над бровями высоким и широким лбом, густая седая борода — все это вместе и напоминало простого мужика и не напоминало, было что-то другое... Так бы я изобразила Иосифа, а может быть, Павла или какого-нибудь средневекового ремесленника-монаха. Впрочем, кроме живописного элемента, было в этой обстановке и нечто смешное, особенно когда графиня, изящная в своем простом, но красивом летнем туалете, пришла спросить о чем-то мужа. Комичною показалась мне одну минуту эта барская затея поиграть в мужички, но только одну минуту. Лев Николаевич и прежде говорил мне, что шьет сапоги вовсе не ради каких-нибудь идей, а так же, как другие садовничают, выпиливают, точат, чтоб дать отдохнуть голове. И теперь он так искренне, так по-детски сосредоточился на работе, так старался хорошо проколоть дырочку и крепче притянуть дратву.

— Хороша это какая-нибудь такая работа, голова так отдыхает и спокойствие, довольство какое-то находит.

Какое-то спокойствие находило и на меня в этой простой комнатке, куда из внешнего мира долетали только шелест листьев и чириканье птиц. Я как-то машинально заметила, что у него что-то не прямо пригнано, он отвечал, что это не будет видно.

— У меня очень ловкие пальцы,— сказала я.

— У меня нет ловкости,— возразил граф,— а вот сила есть!

Он сам отвез меня после обеда на станцию.

Мы уселись вдвоем в маленькую тележку и поехали крупной рысью здоровой деревенской лошади. Вечер был чудный, в полях пахло и гречихой, и сжатым хлебом, и вспаханным черноземом, хорошо было ехать! Мы так заговорились, что ехали шагом и не заметили, как поезд поравнялся с нами. «Ну, теперь держитесь,— сказал Лев Николаевич,— поезд стоит минуту, может, и поспеем». Лошадь пошла карьером, и мы через кочки и мостики подоспели к поезду вовремя. Лев Николаевич успел даже зайти в вагон, поцеловать моих детишек и найти, что младший похож на моего отца.

— Ну, спасибо вам за советы,— сказала я, сжимая его руку с платформы вагона.

— Я вам ничего нового не сказал,— ответил он...

Поезд двинулся и помчал.

Из Нью-Йорка в

В. ВЛАДИМИРОВ

12 (25) ноября 1910 года, через пять дней после смерти Л. Н. Толстого, в московской газете «Русское слово» появилась небольшая заметка под названием «Эдисон и Толстой». В этой заметке рассказывалось, как в Нью-Йорк без денег поехали два русских парня. Не получив работы, они написали письмо Л. Н. Толстому, а через пять недель к конторе, где их приютили, подкатил автомобиль, из него вышел господин и представился: «Я Эдисон и хочу видеть двух молодых людей, приехавших из России». При этом, как сообщает «Русское слово», он показал письмо из нескольких слов: Нью-Йорк, Эдисону. Не откажите помочь моим двум молодым соотечественникам, живущим по такому-то адресу. Лев Толстой.

Пароход «Эстония», шедший из Либавы в Нью-Йорк в октябре 1908 года, сильно потрепало в океане. Двое суток судно лежало в дрейфе: случилась поломка.

На палубе третьего класса сидели двое молодых людей в косоворотках и высоких картузах, которые в то время носили многие рабочие в России. Это были слесари Петр Охрименко и Пантелеймон Лобач.

Позади осталась родина — неласковая, угрюмая, но любимая. Остался позади Екатеринослав, железнодорожные мастерские, 1905 год...

Петр Охрименко и Пантелеймон Лобач принимали участие в забастовочном движении. Они не пропускали ни одного митинга и массовки на Днепре. Екатеринославские мастерские находились под особым наблюдением полиции. В 1906—1907 годах начались массовые аресты.

Охрименко и Лобача не арестовали. Был другой, темный способ расправы с «подозрительными» рабочими: их брали на военную службу и принимали «все меры» к тому, чтобы они не выжили. Это делали самые свирепые фельдфебели.

Охрименко и Лобачу предстояло явиться в «присутствие». Они решили бежать в Америку. Но как получить документы на выезд?

В Екатеринославе агент пароходства покачал головой и сказал:

— Вам здесь паспорта не дадут. Надо кому следует заплатить и прописаться в другом месте, например, в Нижнеднепровске. Там пристав полегче...

Агент все уладил. Пристав оглядел молодых людей сурово.

— Что натворили? Террористы? Революционеры?

— Нет, мы просто едем в Бельгию, хотим учиться.

— На сколько?

— На полгода.

Пристав выругался и велел паспорта выдать.

И вот через семнадцать суток Атлантика пройдена. Над западным горизонтом почти одновременно появляются силуэты: рука и голова статуи Свободы и вышка небоскреба компании швейных машин Зингер.

Там Америка — океан неизвестности, не менее бурный и опасный, чем Атлантика. Как встретит молодых парней в косоворотках «золотая страна»?

Они попали в контору мистера Борисова, на 23-й улице, где нашли временный приют.

Мистер Борисов был не то менялой, не то мелким банкиром и попутно занимался продажей «шифскарт» и какими-то несложными операциями по пересылке денег в Россию. Первый его вопрос был обычным для «страны свободы»:

— Вы революционеры?

— Нет!

— Постараюсь куда-нибудь вас устроить...

В том году в Нью-Йорке выдалась, как говорит П. Охрименко, «почти русская зима». Юноши жили в нетопленной комнатушке позади конторы Борисова. Освещалась она газовым рожком. Утром жильцы покупали булочку за пять центов и грели чай на рожке. Рожок был под потолком, приходилось ставить табуретку и держать чайник на вытянутой руке, пока не закипит. Собственно, это был не чай, а горячая вода с кусочком сахара — в том и состоял весь дневной рацион. Спали на широкой кровати не раздеваясь и накрываясь чем попало. Работы все не было.

И тут, в ночь под Новый год, Пантюша Лобач «спустил флаг». Сидя на кровати и подперев голову, он произнес устало:

— Петя, я все придумал. Выхода нет, откроем газ.

— Что ты, Пантюша! — отвечал Охрименко дрогнувшим голосом.— Ты с ума сошел! Ложись спать. Я что-нибудь придумаю.

— Что ты тут придумаешь? У президента ихнего, что ли, работу просить?

— Нет,— сказал Охрименко,— не у президента.

Лобач заснул. Петя пошел в пустую контору. Там он часто проводил ночи у железной печки. Борисов разрешал жильцам греться возле нее. На конторке лежала кем-то забытая книжка. «Воскресение». Роман. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Петр задумался, вынул из кармана и развернул номер газеты «Русский голос», которая выходила в Нью-Йорке два раза в неделю. Между рядами объявлений о пароходных рейсах, русских банях, ресторанах с блинами и похоронных бюро он снова перечел заметку о том, что знаменитый американский изобретатель Томас Альва Эдисон послал в подарок великому русскому писателю Льву Толстому фонограф для записи голоса Толстого на валик. Газета сообщала, что Толстой, не любящий вообще технических новинок, был, однако, доволен этим подарком и собирается продиктовать на иностранных языках несколько своих текстов. Об Эдисоне говорилось, что он высоко уважает Толстого и любит русских.

Петя пошарил кругом, нашел листок бумаги и, усевшись за конторкой Борисова, аккуратно вывел: «Великий Человек! Лев Николаевич!

...Ввиду того, что я еще молод, захотелось поехать по белу свету, увидеть, как живут люди и что такое свободная страна. И то, что я увидел в Америке за такое короткое время, уже могу судить, какая она «свободная» страна. Здесь полная свобода умирать с голоду...»

Петя поднял голову и прислушался. В Нью-Йорке встречали новый, 1909 год. На улицах пели, играли, трубили в трубы.

«...Я прошу у вас вот что: здесь живет Эдисон, известный ученый-электротехник. У него много мастерских. Я читал, что вы с ним знакомы, прошу вас, напишите ему письмо относительно меня, и он возьмет меня работать, он русских очень любит...»

На конверте было каллиграфически выведено «Россия. Его сиятельству графу Толстому Льву Николаевичу. Имение «Ясная Поляна», Тульской губернии». 2 января 1909 года письмо отправилось из Нью-Йорка в дальний путь.

Прошло четыре долгих месяца. В конце апреля

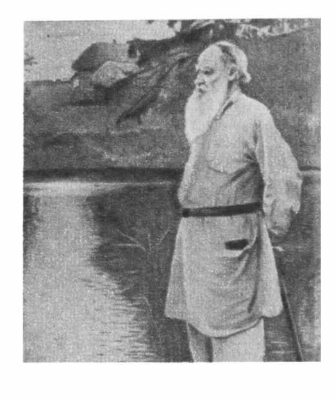
Как создавался портрет

Впервые выдающийся русский художник М. В. Нестеров (1862 — 1942) приехал в Ясную Поляну 20 августа 1906 года. Немногим позже он писал: «В Толстом я нашел того нового, сильного духом человека, которого я инстинктивно ищу».

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР сохранились письма Нестерова, адресованные литератору В. Г. Черткову и доктору Л. В. Средину.

М. В. НЕСТЕРОВ — В. Г. ЧЕРТКОВУ
8 августа 1907 г.

«...мысль о незаконченности портрета с Льва Николаевича продолжает беспокоить меня и я решаюсь обратиться к Вам в этом письме с напоминанием моей большой просьбы; если Вам еще не удалось сделать снимков с Льва Николаевича в позе начатого мною портрета, снять таковые теперь, пока еще не настали короткие холодные дни и передать эти снимки Юл(ии) Ив(ановне) Игумновой *, которую я буду просить особо о высылке портрета в Киев, когда я вернусь туда в сентябре».

Ясную Поляну

1909 года один из служащих предприятия на ходу бросил Охрименко:

— Послушай, Питер, ты что, знаком с Эдисоном?

— Нет.

— Приходил от него человек, спрашивал о тебе, тебя не было. Он ушел и сказал, что пришлет письмо по твоему адресу.

На другой день Охрименко сидел у двери все утро, и не напрасно: почтальон принес толстую пачку писем мистеру Борисову, и среди них был конверт с изображением фонографа. Это была марка Эдисона.

Охрименко прибежал с этим письмом к знакомому латышу, который жил на 67-й улице. Тот прочел и сказал:

— Ну теперь, Питер, твои дела пойдут хорошо. Тебя просят приехать в Орандж, в штате Нью-Джерси, в лабораторию самого Эдисона!

Орандж расположен недалеко от Нью-Йорка. Лаборатории Эдисона помещались в кирпичном здании довольно унылого вида. В то время фирменный гриф знаменитого изобретателя насчитывал семь названий предприятий, в том числе «Национальную компанию фонографов», где Петр Охрименко и получил работу в новом отделении киноаппаратов.

П. Ф. Охрименко в Америке.

Впоследствии Охрименко узнал, что его письмо дошло до Толстого и Лев Николаевич сделал на конверте карандашную пометку: «Черткову, Эдисону: получил письмо от русского в Нью-Йорке. Не знаю, угодил ли вам фонограф — очень бы желал». Это значило, что Лев Николаевич просит своего секретаря В. Г. Черткова написать Эдисону, что и было сделано немедленно:

«9/22 марта 1909 г.
Ясная Поляна, Тульской губернии. Россия.

Дорогой г. Эдисон,

Лев Толстой только что получил очень трогательное письмо от молодого русского эмигранта, который сильно нуждается и умоляет Толстого написать вам о нем. Он слесарь по профессии. Он говорит, что вы очень добры к русским рабочим, и уверен, что вы дадите ему работу, если Толстой напишет вам о нем. Он мечтает об одном: честно трудиться и служить людям. Толстой надеется, что вы не будете на него в претензии за то, что он исполняет просьбу этого неизвестного ему юноши, и, обращаясь к вам, считает, что сделал все, что мог, остальное же представляет на ваше благоусмотрение. Фамилия и адрес вышеуказанного русского следующие: Петр Охрименко. Контора м-ра Борисова. 23-я улица, 219, Нью-Йорк.

Толстой очень рад, что валики, в которые он диктовал при ваших представителях, удались. Как свидетель этих сеансов, я должен сказать, что только ради вас он превозмог слабость и нездоровье.

Он шлет вам сердечный привет и добрые пожелания и извиняется, что по нездоровью не пишет сам лично; кроме того, ему вообще не легко писать по-английски.

Позвольте мне выразить вам еще раз уверение в моем глубоком уважении.
Искренно ваш В. Чертков».

Охрименко видел Эдисона ежедневно. Изобретатель электролампы, фонографа, киноаппарата был уже стар. И, несмотря на это, он по пять-шесть дней не выходил из своей лаборатории.

«Питер» написал Толстому горячее, благодарственное письмо.

В том же году, в ноябре месяце, Охрименко услышал весть, которая его потрясла: Толстой умер!

К тому времени Охрименко оставил работу в лаборатории и стал «древесным доктором», то есть садовником в парке, но служил только летом, а зимой учился в средней школе английскому языку.

22 ноября 1910 года «Русский голос» сообщил:

«Толстовский вечер
будет в пятницу 25 ноября в Ист-Сайд. Пэриш Холл, 9, Вторая авеню.
Лекция, речи, музыка и картины.
Начало в 8 часов вечера».

Охрименко был на том вечере. Его удивило, что зал был переполнен. Тот же «Русский голос» напечатал резолюцию:

«Выброшенные судьбой из родной страны в далекую Америку, мы, русские эмигранты в городе Нью-Йорке, присоединяем свой голос к голосу всей России, оплакивающей смерть родного писателя Л. Н. Толстого».

Петру Охрименко надоела «страна свободы», и в 1911 году он вернулся на родину. (Пантюша Лобач приехал позже, в 1914 году, попал прямо на фронт, и дальнейших сведений о нем нет.)

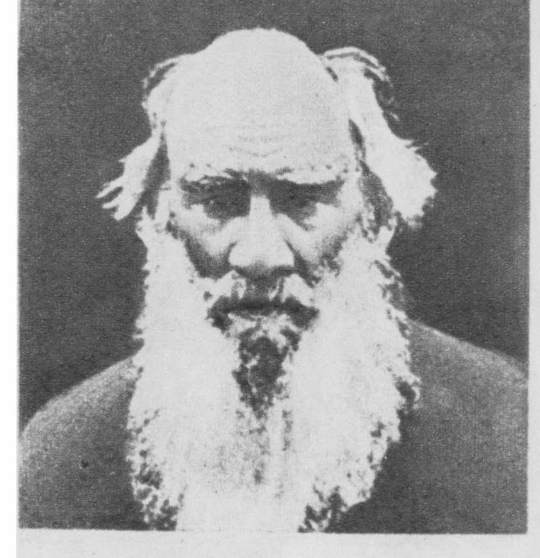
О жизни Петра Федоровича Охрименко можно было бы написать книгу. Но мы ограничимся еще одним эпизодом, связанным не только с именем Л. Н. Толстого, но и с именем В. И. Ленина.

В мае 1917 года П. Ф. Охрименко прибыл в Петроград из Донбасса делегатом на I Всероссийский съезд Советов. В графе «Партийная принадлежность» у него значилось: «Последователь Льва Толстого». Голосовал он по всем вопросам с большевиками, в частности против наступления на фронте, и на всех открытых фракционных собраниях большевиков присутствовал неизменно.

В 1919 году, после многочисленных приключений, едва избежав петлюровцев, деникинцев, всевозможных «атаманов» на Украине, П. Ф. Охрименко приехал в Москву.

6 ноября 1919 года он пришел в редакцию «Правды» с переводом стихотворения Эдуарда Карпентера «Англия, восстань!». Автор стихотворения был другом Уолта Уитмена и писал белые стихи. Охрименко приняла Мария Ильинична Ульянова и направила к Мещерякову, который выслушал его и сдал стихи в набор, в номер от 7 ноября.

Ленин заинтересовался стихотворением Карпентера.

Эта открытка издана в Италии сторонниками мира. Слова Толстого воспроизведены на пяти языках.

Мария Ильинична рассказала ему, что эти стихи принес в редакцию худо одетый человек. Владимир Ильич написал записку, чтобы Охрименко оказали необходимую помощь. Ему выдали килограмм масла, несколько банок консервов, килограмм сахара, две буханки белого хлеба... Это была роскошь, о которой в 1919 году не многие могли мечтать! На вещевом складе он получил пальто, бурки, шапку, белье.

С тех пор бывший слесарь, спасенный некогда от голодной смерти Толстым, стал постоянным сотрудником советских газет и журналов.

Вся жизнь Петра Федоровича проходит в селе Забаровка, на родной Черниговщине. Это энергичный, полный сил человек, с ясной, спокойной речью, с добродушной усмешкой на лице.

Вот он сидит рядом с нами в редакции журнала.

— Что ж еще расскажете, Петр Федорович?

— А вот что! Вспоминаю я записки Бонч-Бруевича, как он с Лениным в восемнадцатом году во дворе Кремля встретился:

«Владимир Ильич вдруг круто повернулся и посмотрел туда, где виднелся Иван Великий, Успенский собор...

— Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви? — спросил он.

— В Успенском соборе прежде всего, а потом, как полагается, во всех церквах...

— Вот тут-то бы и надо поставить ему памятник,— сказал он вдруг.

— Вот этого снести,— показал он на порфироносную фигуру Александра II,— все это преобразить,— и он окинул все, что вокруг памятника,— и сюда Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатство, собственников, роскошь...

И Владимир Ильич стал с увлечением говорить о Толстом...»

М. В. НЕСТЕРОВ — Л. В. СРЕДИНУ
10 августа 1907 г.

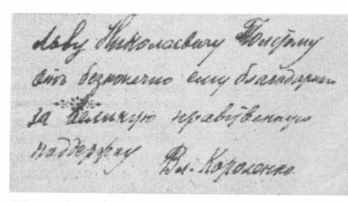
«...я поехал в Ясную Поляну. В этот приезд я не был там новичком и в первый же вечер Лев Николаевич дал свое согласие позировать мне для портрета. На другой день начались сеансы, коих было шесть, и мне, кажется, удалось уловить то благородное старчество Л(ьва) Н(иколаевича), которое так доминирует теперь. В общем, провел я время в Ясной Поляне интересно. Толстой остался все тем же живым, деятельным, неутомимым, как и раньше. Во взгляде его на жизнь трудно уловить, где начинается «непротивление» и где оно переходит в лукавство, в житейскую «осторожность».

М. В. НЕСТЕРОВ — В. Г. ЧЕРТКОВУ
15 октября 1907 г.

«...Сегодня я получил от гр(афини) Софьи Андреевны Толстой Ваш английский адрес и пользуюсь им, чтобы вновь обратиться к Вам с просьбой прислать мне снимки Ваши для портрета Льва Николаевича (конечно, если таковые удались и вообще у Вас имеются). Портрет значительно подвинулся вперед: видевшие его и знающие Льва Николаевича находят его удачным, а потому особенно нежелательно оставлять его незаконченным».

---

* Игумнова Юлия Ивановна (1871—1940) — художница, друг семьи Толстых.

В библиотеке

Толстой был выдающимся книголюбом. Его яснополянская библиотека насчитывает двадцать две тысячи книг и журналов на тридцати пяти языках. В старинных шкафах разместились труды по философии, естествознанию, педагогике, фольклору, художественная, историческая и социально-экономическая литература. Почти все произведения — с пометками великого писателя. Они остались и на «Капитале» Маркса и на страницах сборника «О бойкоте третьей Думы», в котором напечатана статья В. И. Ленина «Против бойкота (из записок с.-д. публициста)». В библиотеке много книг с дарственными надписями русских и иностранных авторов, общественных деятелей и ученых. Теплые слова автографов сохранились на сотнях томов. Тут имена С. Т. Аксакова, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, А. М. Горького, А. С. Серафимовича, А. А. Фета, Д. Голсуорси.

НА СЦЕНЕ...

Велико значение драматургии Толстого в истории театра, велик его вклад в развитие искусства.

Первые постановки пьес Толстого в России и за рубежом неизменно вызывали строгие цензурные запрещения, фарисейские уверения в безнравственном и развращающем их влиянии на зрителя. Не случайно почти десять лет не могла увидеть в России свет рампы «Власть тьмы», долгое время не разрешались к постановке «Плоды просвещения». Во Франции уже одно известие о готовящемся спектакле «Власть тьмы» в театре Андре Антуана вызвало страстную газетную полемику: допустимо ли ставить Толстого? В жарких дебатах принимали участие Дюма-сын, Сарду, Ожье, Золя.

Л. Толстой мечтал о преобразовании театра, об искусстве для народа. «Власть тьмы» была им написана специально для народного театра. Знаменательно, что одна из лучших русских постановок этой пьесы была осуществлена в 90-е годы не в Александринском и не в Малом театре, а в московском народном общедоступном театре «Скоморох», основанном М. В. Лентовским.

После Великой Октябрьской революции начинается большая славная сценическая история произведений Толстого. Уже в двадцатые годы драмы Толстого включаются в репертуар драмкружков, созданных в рабочих, крестьянских, армейских клубах, исполняются коллективами передвижных театров. Осуществляются постановки, вошедшие в золотой фонд советского театрального искусства: инсценировки «Воскресения» и «Анны Карениной» во МХАТе в режиссуре В. И. Немировича-Данченко, «Живой труп» в Киевском русском театре имени Леси Украинки с М. Ф. Романовым в роли Протасова, «Плоды просвещения» во МХАТе в 1951 году, «Власть тьмы» в Малом театре в 1956-м и другие.

За годы Советской власти пьесы и инсценировки романов Толстого переведены на десятки языков народов Советского Союза, 320 раз включались они в репертуарные планы театров. «Живой труп» только за последнее десятилетие был поставлен тридцатью шестью театрами страны.

Работа над образами Толстого стала громадным событием в жизни многих выдающихся артистов. В своих воспоминаниях Игорь Владимирович Ильинский рассказывает, что считал счастьем для себя «во плоти» толстовских героев прикоснуться к живой душе его творений.

«Анна Каренина» — МХАТ. Анна—А. К. Тарасова, Каренин—Н. П. Хмелев.

...НА ЭКРАНЕ

В архивах, фонотеках Америки, Франции и других стран, не говоря уже о Советском Союзе, хранятся сотни тысяч метров кинопленки, на которых отсняты фильмы по произведениям Толстого.

Имена многих выдающихся мастеров мирового кино стоят в титрах лент-экранизаций: Грета Гарбо и Джон Гильберт, Ральф Ричардсон и Вивьен Ли, Долорес Дель Рио, Мадлена Рош, Одри Хэпберн...

Но не всегда имя и талант артиста определяли качество фильма. На Западе ставились картины по мотивам произведений Толстого. На первый план выносилась захватывающая интрига, смаковались «экзотические» детали русского быта: тройки с бубенцами, цыганские песни самовары, валенки, бочки с черной икрой на праздниках... Искажался идейный смысл. В картине «Воскресение» Эдмона Керью крестьяне танцуют танго. В. И. Немирович-Данченко с возмущением писал по поводу этого фильма: «Катюша Маслова в кокошнике! Толстой, вбивающий гвозди после каждой части «Воскресения», причем гвозди, изображающие... пороки и страсти человеческие!»

Из фильмов последних лет заслуживает внимания «Война и мир» режиссера Кинга Видора и «Воскресение» Ральфа Хансена... О воплощении на экране толстовских образов мечтают многие выдающиеся деятели современного кино.

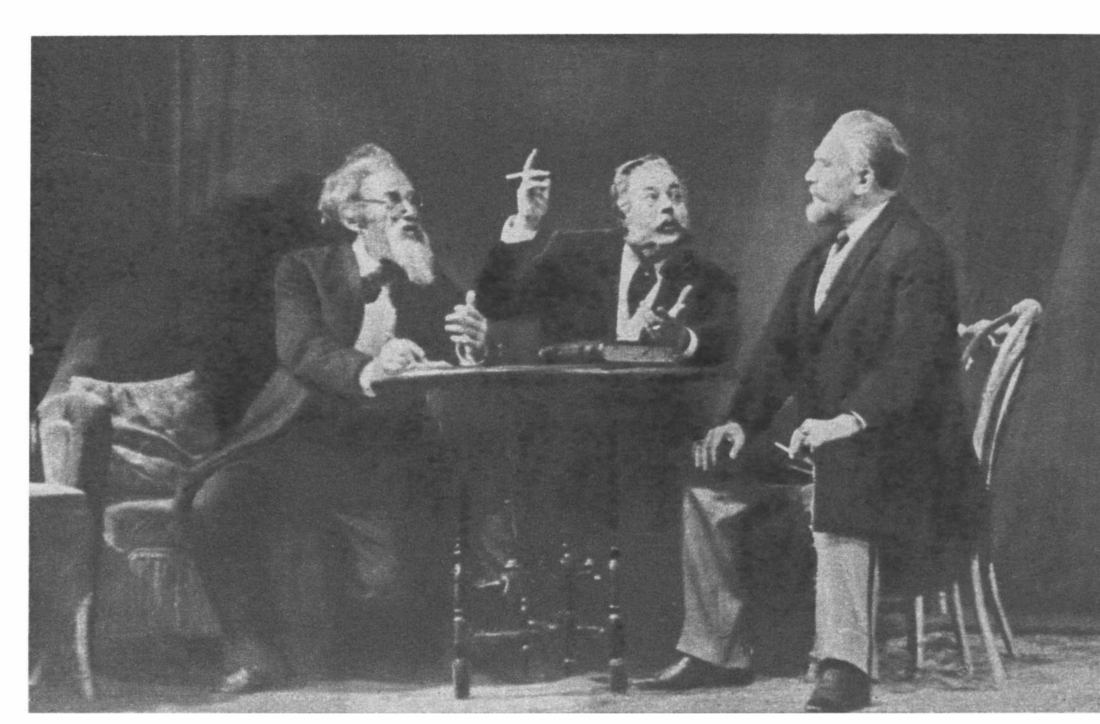

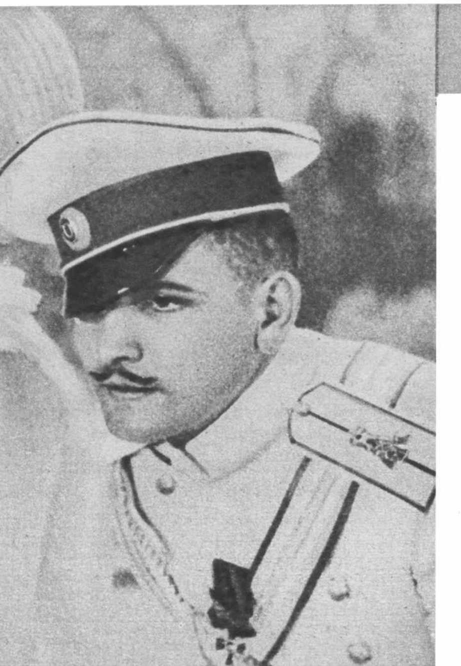
«Воскресение» — МХАТ. От автора — В. И. Качалов.

«Живой труп» — Киевский театр имени Леси Украинки. Протасов — М. Ф. Романов.

«Плоды просвещения» — МХАТ. Кругосветлов — В. О. Топорков, Звездинцев — В. Я. Станицын, Сахатов — А. И. Чабан.

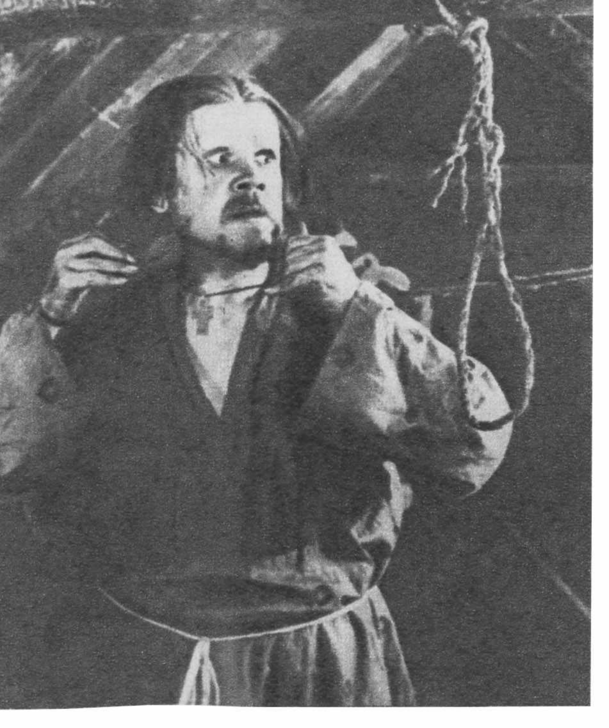
СЛЕВА НАПРАВО:

Мириам Бри — Катюша Маслова и Хорст Бухгольц — Нехлюдов во франко - итало - немецком фильме «Воскресение».

Грета Гарбо — Анна в фильме «Анна Каренина». Режиссер Кларенс Броун. 1927 год.

Одри Хэпберн — Наташа Ростова в итало-американском фильме «Война и мир».

Среди старых кинолент, снятых по произведениям Толстого, есть поистине выдающиеся. Это «Поликушка» режиссеров А. Санина и Ю. Желябужского (1919 год) с И. Москвиным в заглавной роли.

Крик Поликея, когда он обнаруживает пропажу денег, казалось, разрывал немоту экрана. Зарубежная критика писала: «Как все, что идет из России, и этот фильм обращается непосредственно к душе человека. Эта потрясающая картина «Поликушка» станет решающим этапом в развитии нашего кино...»

На традиционном конкурсе в Америке «Поликушка» был включен в число десяти лучших фильмов, вышедших в течение года на экраны мира.

На снимке: И. Москвин — Поликей.

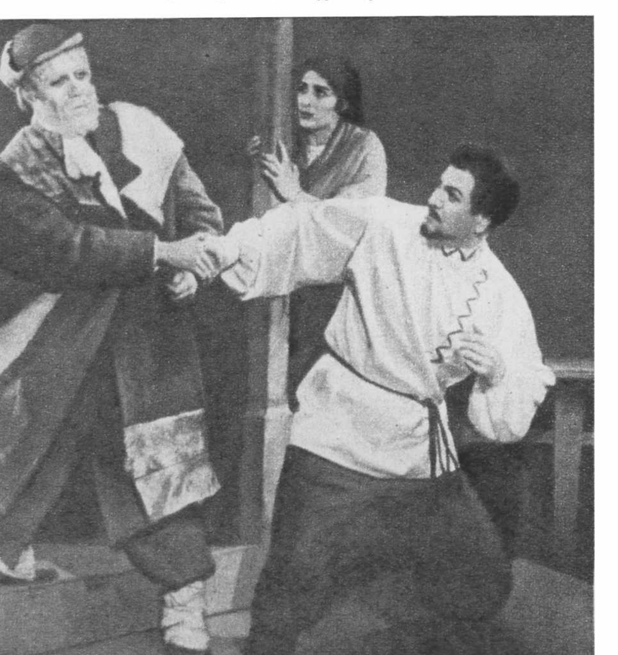

На киностудии «Мосфильм» идут съемки двух фильмов по произведениям Л. Толстого: «Воскресение» и «Казаки».

На снимке: Тамара Семина — Катюша Маслова, «Воскресение».

Большая сценическая история у пьес Толстого в Болгарии. Сейчас редко найдется здесь театральный коллектив, в репертуаре которого не было бы Толстого. Недавно Народный театр — Стара Загора показал спектакль «Власть тьмы».

Аким — Г. Димитров,
Анисья — С. Саева,
Никита — В. Радомиров.

Неизвестное письмо Л. Н. Толстого

В то время, когда этот номер готовился к печати, редакция журнала «Огонек» получила от Эдисоновского музея в городе Орандж фотокопию письма Л. Н. Толстого Эдисону 1 марта 1908 года. Письмо было написано на английском языке, по просьбе писателя, и подписано Львом Николаевичем.

«Ясная Поляна, Тула, Россия.

Дорогой мистер Эдисон,

мой друг Чертков по моему поручению уже писал Вам и благодарил за фонограф, который Вы мне любезно предоставили. Но по недоразумению письмо не было предварительно дано мне и я не подписал его, как намеревался ранее. Не желая оказаться невежливым, я посылаю Вам эти строки, чтобы повторить свою благодарность за Ваше дружеское отношение. Я пользуюсь Вашим фонографом для ответов на письма и чем больше овладеваю им, тем больше убеждаюсь в его полезности.

Надеюсь, что Вы оправились от болезни, которой, как я слышал, Вы страдали.

Ваш искренне
Лев Толстой.

1908, 1 марта».

am using your phonograph for answering letters & gradually getting more accustomed to its manipulation I find it more & more helpful.
Hoping you have recovered from the illness you have, I hear, been suffering from
I am yours very sincerely
Leo Tolstoy.

1908. 1 March.

Этим письмом переписка по поводу фонографа Эдисона не ограничивается. Существует интересная публикация, напечатанная в «Литературном наследстве» за 1939 год: письма Черткова Эдисону и его сотрудникам и ответы американцев на эти письма. Фирма Эдисона была заинтересована в том, чтобы голос Толстого запечатлеть на валике. 24 и 25 декабря 1908 года в присутствии представителей Эдисона Лев Николаевич диктовал на валик тщательно подготовленный текст на трех языках: русском, французском и английском. Валики затем отправили в Америку.

Толстой пользовался аппаратом Эдисона также для ответов на многочисленные письма и диктовал мелкие статьи. На валике было записано начало знаменитого выступления писателя «Не могу молчать!».

Лев Николаевич — скульптор

Страницы воспоминаний, дневников и записных книжек, собранных Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР, воскрешают события давно прошедших лет. В малоизвестных рукописных воспоминаниях Александры Николаевны Рамазановой, дочери скульптора Н. А. Рамазанова (1818—1867), рассказывается, как в 1866 году Л. Н. Толстой пробовал заниматься скульптурной лепкой.

«Часто к отцу в мастерскую приезжали знакомые смотреть его работу. Он приглашал их к завтраку. Так однажды появился у нас Лев Николаевич Толстой. Он просил отца взять его в ученики, хотел проверить — есть ли у него талант к скульптуре. Посещал он мастерскую аккуратно и работал старательно. Я не помню, сколько продолжались занятия, только в этот период Лев Николаевич был нашим частым компаньоном за завтраком. Он много беседовал с отцом, мама слушала, и мы сидели смирно и тоже слушали. Как-то мама, знавшая, что Лев Николаевич лепит голову Антиноя, спросила его:

— Лев Николаевич! Ну, как же ваш Антиной?

— Плохо, Любовь Максимовна! Он у меня с флюсом!»

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Старая, выцветшая фотография. По заснеженному полю мимо чахлых деревьев движется одинокая фигура. Толстой в пути... Куда он идет и зачем? Вокруг снежное безмолвие, полная неизвестность...

Пятьдесят лет назад ненастным октябрьским днем Толстой тайно ушел из Ясной Поляны.

Но Толстой слишком поздно вышел в трудный путь-дорогу и упал на первом же сугробе, у глухого полустанка.

И вот телеграфист отбивает первые телеграммы: полицейское управление запрашивает своих агентов, куда направляется писатель Толстой, где он остановился, кто его сопровождает. Встревоженными стаями летят телеграммы друзей, родственников...

Больше десяти дней бушевал телеграфный шквал над тихой, до той поры никому не ведомой станцией. Почти круглые сутки аппараты передавали сообщения многочисленных корреспондентов газет, медицинские бюллетени, распоряжения железнодорожного начальства, жандармские донесения.

Астаповские телеграммы и сейчас нельзя читать без волнения.

Вот одно из последних сообщений о Толстом:

«Уже поздно поутру Толстой спросил: через два дня я смогу продолжать путь? Доктор сказал, необходимо недели три. Больной огорчился, покачал головой, заметил: мне так нужно ехать скорее далеко...»

Словно черные вороны, кружатся вокруг астаповского дома попы, монахи, игумены. Во что бы то ни стало они хотят добиться примирения Толстого с церковью.

Зорко стерегут Толстого жандармы. Они обстоятельно информируют свое начальство обо всем, что происходит на станции. Не забыта ни одна подробность. Страшен был Толстой царю. Страшен живой, страшен мертвый. Недаром в ожидании «беспорядков» стягивались к Астапову жандармские силы.

Вот первые сообщения корреспондентов:

«Тихая станция зажила необычной жизнью. Телеграфисты перегружены работой...»

«Приходящие уходящие поезда давали еле слышные свистки, чтобы не беспокоить больного...»

«Вокруг дома больного царит тишина, никого нет. Стоит темная дождливая осенняя ночь, неприятно печально гармонирует она тоскливым вопросам душе собравшихся: «останется жить гордое солнце России»...»

Напряжение нарастает, оно прорывается в телеграммах журналистов и врачей, священников и полицейских.

Спешат примирить Толстого с церковью попы.

«С самого первого момента вашего разрыва с церковью я непрестанно молился и молюсь, чтобы господь возвратил вас к церкви. Быть может, он скоро позовет вас на суд свой, и я вас больного теперь умоляю, примиритесь с церковью и православным русским народом»,— увещевает Толстого митрополит Антоний.

Священный синод специально командировал в Астапово игумена Варсонофия, но к больному его не допустили.

7 ноября наступает ухудшение. Телеграфная лента обрывается, как человеческий голос.

«Припадок сердечной слабости, плохо».

«Разбужена созвана вся семья».

«Будьте готовы».

«Почти безнадежно».

«Спит, почти нет пульса».

«Положение крайне опасное. Туман, ветрено, дежурят жандармы; жутко».

А потом над миром взрывается одно слово: скончался. И летит это слово по телеграфным проводам во все концы.

«6 часов 5 минут Россия потеряла величайшего сына, мир потерял величайшего гражданина».

А рядом со скорбными сообщениями деловито-озабоченно телеграфирует жандармское управление:

«Астапово. Ротм. Савицкому.

Усильте линию Астапово Валово».

«Ваше распоряжение командируется пятнадцать унтер-офицеров. Кроме того, возьмите из Ельца».

Скупые телеграфные строчки раскрывают действительно всенародную любовь к великому человеку.

«Прибывших поездов масса пассажиров ходили смертному одру».

«Толпа вокруг дома громадная».

П. КРАСНОВ,
В. ШЕВЕЛЕВ

И. Репин. Л. ТОЛСТОЙ НА ОТДЫХЕ В ЛЕСУ. 1891.

Е. Лансере. Хаджи Мурат с нукерами. «Хаджи Мурат».

ИЛЛЮСТРАЦИИ СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Л. Н. ТОЛСТОГО

А. Кокорин. Братья Козельцовы подъезжают к Севастополю. «Севастополь в августе 1855 года».

← **А. Пластов.** Молодой ямщик Серега и Федор. «Три смерти».

→ **А. Николаев.** Наташа у окна. «Война и мир».

Пьер на батарее Раевского. Иллюстрация Д. Шмаринова к «Войне и миру».

В ГАЛЕРЕЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Из живописных и скульптурных портретов Толстого, картин, изображающих Толстого, из многочисленных иллюстраций к произведениям великого писателя можно создать замечательную художественную галерею. Она заняла бы десятки залов. В ней нашел бы свое место и скромный рисунок неизвестного художника, изображающий молодого Толстого. Этот рисунок — первое дошедшее до нас изображение писателя — сохранен университетским другом Толстого Д. А. Дьяковым. Интересен и последний прижизненный портрет Толстого, сделанный В. Н. Мешковым. Между казанским рисунком неизвестного художника и мешковским портретом — сотни произведений, выполненных в масле, акварели, рисунке.

И, конечно, выбрать самое интересное в этой галерее очень не просто. Потому что портреты Толстого писали, рисовали, лепили лучшие художники — современники писателя; иллюстрировали произведения Толстого лучшие мастера у нас и за рубежом.

И. Репин, И. Крамской, Н. Ге, М. Нестеров донесли до нас облик писателя. Им посчастливилось писать Толстого с натуры; им принадлежит почетное место в его обширной галерее.

После первых рисунков к «Войне и миру», сделанных М. Башиловым почти сто лет назад, появились тысячи иллюстраций, раскрывающих необычайно пластичные образы толстовских произведений. Особенно много поработали здесь советские мастера книжной графики: А. Ванециан, С. Герасимов, А. Кокорин, Ю. Коровин, М. Клячко, Е. Лансере, А. Моравов, А. Николаев, А. Пластов, Н. Самокиш, В. Серов.

Наш журнал несколькими годами раньше публиковал блестящую серию иллюстраций Д. Шмаринова к «Войне и миру». Сейчас трудно представить образы романа отдельно от этих графических листов советского художника.

Нас волнует сегодня все, что связано с именем Толстого, и прежде всего Ясная Поляна, ее окрестности: дубовая роща, посаженная писателем, его любимые места для купания на реке Воронке, Гусева поляна — место старой пасеки Толстого... Художник Б. Щербаков этим летом побывал в яснополянских местах; часть выполненных там пейзажей публикуется в номере.

Прошло пятьдесят лет с того дня, когда Толстого не стало. Каждое новое поколение художников будет еще и еще раз обращаться к толстовским страницам, чтобы создать образы большой правды и человечности.

В. ВОРОНОВ

Рассказ

Анатолий **КУЗНЕЦОВ**

Среди дел

Рисунок Ю. РЕБРОВА.

Разбирали дело о нанесении побоев с ранением. В совхоз приехали и заседали в конторе начальник районной милиции, прокурор.

Дело было выяснено, свидетели опрошены и отпущены. Пострадавший находился в больнице, а виновник со вчерашнего дня содержался в районной тюрьме.

Начальствующие лица, включая заведующего совхозным отделением Савина, остались втроем в его голом кабинете с продавленным диваном. Украшением кабинета служил пук побуревших и сухих кукурузных стеблей, а рядом стояло знамя. На столе блестела зеленая пепельница с водой, из которой веером торчали мокрые окурки.

Пора было ехать, но августовское солнце так щедро жгло, воздух был так горяч и расслаблял тело, что никто не отваживался подняться первым.

Говорили о разных хищениях, нарушениях, скрывая сладкую полдневную одурь и нежелание садиться на раскаленный, как сковорода, фиолетовый милицейский мотоцикл, стоявший на улице под окнами.

На этом мотоцикле они приехали из района, изжарившись и запылившись до последней степени, причем за рулем сидел Крабов, начальник милиции, в коляске — Савин, а прокурор Попелюшко пристроился на втором седле, за спиной у начальника милиции. Километров за десять до совхоза заднее седло под прокурором выстрелило и сломалось. Тогда пришлось пересадить прокурора в коляску, а на его место сел тощий Савин, и так с грехом пополам дотащились.

Дело в том, что прокурор Попелюшко был необыкновенный человек. Он весил сто тридцать килограммов. У него были большие пухлые розовые руки в рыжих волосках и веснушках, тумбоподобные ноги, огромная жирная голова — вдвое больше, чем у тщедушного Савина,— необъятные живот и грудь — словом, как сказал Крабов, бранясь за сломанное седло, нерачительная природа ухлопала здесь столько материала, что хватило бы с избытком на двоих, а то и троих смертных, и налицо растрата и перерасход.

И вышитая сентиментальными цветочками прокурорская рубаха была объемом с мешок для хранения одежды, и штаны его были такой необъятной ширины, что из них удалось бы скроить до полдюжины современных узких «дудочек». На ногах не следовавший моде Попелюшко носил растоптанные легкие тапочки, на голове — соломенную шляпу и имел очки, которые уменьшали его глаза и сами казались очень маленькими на его широком розовом лице.

При всем том этот гигант был болен, мучился одышкой, голос у него был тонкий и мягкий; он страдал от духоты более других и непрестанно утирался голубым носовым платком размером с полотенце.

Начальник районной милиции Крабов был из совсем другой категории людей и являлся разительным контрастом коллеге. Если нерачительная природа вылепила Попелюшко из горы мягкого, пухлого теста, то на Крабова такого теста уже не осталось, и пошли в ход щепки, комья, камни — все, что удалось наскрести неудобного, жесткого, но крепкого. Он весь ушел в жилу и, казалось, состоял из одних бугров, сухожилий, каменных мускулов. Черты лица его были резки и некрасивы. Вдобавок он испортил себя не идущей ему прической с коротким мальчишеским чубчиком, которая делала его похожим не то на беспризорника, не то на битого боксера.

— Придется подвязать седло проволокой, — размышлял он вслух ленивым басом.— А вы, прокурор, поедете в коляске, и помолимся богу, чтоб выдержала.

— Проволоки я вам принесу сейчас, — сказал Савин, не делая, впрочем, никакого движения. — А то можно в кузницу, хлопцы приклепают, если не ушли в поле.

— Ладно уж, доедем...

— Говорят, у вас на центральной усадьбе,— тоненько, задыхаясь, сказал прокурор, — украли пять мешков пшеницы?

— Говорят...

— Кто украл? — поинтересовался Крабов.

— Грузчики.

— Народец!

— Да, а Ряховскому что дали?

— Какому Ряховскому?

— Да что весной, за убийство.

— А!.. Тому, помнится, двадцать.

— Не высшую?

— Нет. Нашли смягчающие.

— В такую жару только купаться... — вздохнул начальник милиции.

Савин задумчиво посмотрел в окно.

— Это, вообще, можно, — сказал он. — Пруд есть. Не очень пруд, но ничего. Может, пойдем?

— Правда? — оживились гости.

Все трое поднялись, причем Крабов сразу же снял гимнастерку, вышли и направились гуськом к пруду. Впереди шагал добродушный, невзрачный Савин, за ним выступал, как журавль, начальник милиции в белой майке, с гимнастеркой под мышкой, а прокурор, тяжело сопя, загребая тапочками пыль, сразу отстал, и на него из-под лопухов закурлыкали и зашипели гуси.

Село будто вымерло; с поля лился заманчиво пахнущий сеном, раскаленный воздух, вдоль пустынной улицы виднелись кое-где под плетнями куры, лежавшие в пыли и открывшие пересохшие клювы, да какая-то древняя-древняя старушка, вся в черном, отрешенно сидела в тени крыльца, опираясь на суковатую палку. Она проводила прохожих тусклым, безучастным взглядом.

— Прудов у нас, правду говоря, три, — говорил Савин. — В двух уток разводим, а третий, нижний, пока пустует. Думаем на будущий год заселить.

— А!..

— Жрут только много утки. Не напасешься...

— Это что же такое? — вдруг, насторожившись, спросил Крабов и остановился.

Откуда-то издали, из-за куп деревьев, донесся все нарастающий панический крик, какие-то глухие удары, выкрики, скрежет и сплошное «ала-ла-ла-ла...»

— Где? — удивленно спросил Савин.

— Вот кричат!

— Да утки же, говорю; верно, кормят на верхнем пруду. Мы уж привыкли, не слышим.

— Так много?

— Двадцать восемь тысяч.

— Фью!..

Они вышли на склон и теперь своими глазами увидели огромную огороженную площадь, усеянную, словно пухом из разорванной подушки, белыми живыми точками. Неизвестно, где кончалась земля и начиналась вода, потому что утки сплошной массой покрывали и берег и пруд, двигались какими-то концентрическими кругами, а в одном месте, где виднелись фигурки работниц, сыпавших что-то из ведер, творилось нечто подобное кипящему котлу. Кусты под изгородью зашуршали, и вышел хромой человек, неся в обеих руках за лапы, как охотник, с дюжину мертвых уток.

— Что он, зачем он? — подозрительно спросил прокурор.

— Дохнут, окаянные.

— То есть как?

— Да кто их знает. Столько тысяч — которую затопчут, или от жары, а то что-нибудь сглотнула. Ведь тут их, почитай, целый город народу, кто-нибудь да и помрет.

— Сторожей много держите? — деловито спросил милиционер.

— Нет. Вот этот один, хромой.

— На такое хозяйство? — удивился Крабов.— А не мало?

— Нет, ничего. Собственно, и ему делать нечего, разве дохлых собирать.

— Скажите, пожалуйста, и не воруют? — недоверчиво покачал головой прокурор, глядя на жиденькую изгородь, которую перешагнул бы и теленок.

— Изгородь слаба, — согласился Савин. — Воровать не воруют, а сами иногда сквозь щели уходят. На нижний пруд, там их трудно взять.

— Списываете или как?

— Зачем? Подожду, пока побольше соберется, тогда мальчишки гонят лодкой. Иной раз живут на воле недели по две, такие жирные становятся, лучше, чем на наших харчах.

— Помилуйте, но я не совсем понимаю, ведь так каждый может прийти и забрать? — воскликнул прокурор.

— А кому там они нужны!

— Вы ее сперва поймайте попробуйте, — заметил Крабов.

— Но ночью, скажем, спящую, уж я не знаю, но все-таки...

На склоне к нижнему пруду негусто росли вишневые деревья, усеянные уже чернеющими ягодами. Дорога шла прямо сквозь вишни; среди них паслись две стреноженные лошади, третья распуталась и бродила, волоча за собой веревку.

Крабов огляделся и остался недоволен.

— А сад у вас совсем скверно охраняется.

— Это не сад, это так, вишни, — беззаботно сказал Савин. — Общественные.

— Как общественные?

— Да они нерентабельны. Как в войну немец вырубил, так уж на этом месте не восстанавливали. На том берегу лучше земля, там новый сад, и дед есть на коне, с палкой. А это так, кое-что, дикое.

Прошли мимо десятка деревьев, косясь на ягоды, наконец прокурор не удержался, нерешительно сорвал одну.

— А ничего! — сообщил он и торопливо сорвал еще две. — Ничего вишня! Крабов, попробуйте.

Начальник милиции, словно нехотя, попробовал.

— Ого! — букнул он. — У спекулянтов такая идет по рублю стакан, а вы говорите, нерентабельно.

— По нашим масштабам, коли учесть сбор, доставку, — улыбнулся заведующий, понимая, что гостям хочется вишен и вместе с тем они как будто не решаются. — Да тут можно поискать, вон то дерево неплохое...

— Крабов, идите сюда! — воскликнул Попелюшко, тяжело продираясь сквозь ветки. — Нет, положительно ничего вишня. Удивительно, до чего хороша!

Начальник милиции положил на траву гимнастерку и пошел за ним, оба стали рвать и есть, не так чтобы жадно, но довольно споро. Заведующий, улыбаясь, сорвал одну-другую вишню, морщась, пососал.

— Хороша вишня! — сообщил прокурор с полным ртом, проворно, обеими руками собирая ягоды. — Ах, хороша вишня, м-м!.. А вот, а вот!.. Нет, вы идите сюда!

За листвой уже виднелась только его желтая соломенная шляпа и шуршали, трещали ветки.

Крабов лакомился молча и обдуманно. Он подтянулся на руках, как ловкий гимнаст, взлетел на ветку, сел в развилку верхом и принялся огребать самые спелые ягоды с верхушки, точь-в-точь как заправский сорванец-подросток, забравшийся в чужой сад и мечтающий поскорее набить рот, пазуху, карманы, пока сторож спит.

— Ах, что за вишня, какая вишня! — доносился голос прокурора. — Послушайте, Савин!

— Да?

— Я говорю: чем хороша у вас жизнь, так это вот этим. М-м, вот сочна! У вас природа, здоровье, воздух, за него тысячи отдать. Крабов, да где же вы, идите, ну идите же скорее сюда!

Начальник милиции тяжело, с треском спустился на землю, отряхнул руки и галифе.

— Сидишь, как проклятый, мечешься, как пес... — вдруг зло сказал он.

— Что вы говорите? — переспросил Савин.

— Да ничего... Я говорю: наряды, вызовы, воры, драки, взятки, прописки... Света не видишь! Тьфу!

— Тут тоже хватает, — равнодушно возразил заведующий. — Да и закрутишься, не замечаешь природы этой.

— Ах, хороша вишня! — твердил прокурор. — Ах, м-м, хороша!..

— Илья, подкормку что не возил? — вдруг закричал заведующий и исчез за кустами.

Было слышно, как он остановил телегу, принялся ругаться, требуя поворачивать, захватить какого-то Мотьку, что он знать не знает, почему они, мудрецы, полдня кобылу в лесу ищут, а подкормка до сих пор не привезена. Телега заскрипела и поехала обратно. Савин, красный, сердитый, вернулся, походил вокруг и предложил:

— А может, если хотите, малины?..

— Где малина у вас? — с интересом спросил прокурор.

— У меня в огороде растет немного, детей нет, одни насекомые ее едят.

— Что ж раньше не сказал! — обиделся Крабов, вытирая руки гимнастеркой. — Вишь, сначала кислятиной накормил, Плюшкин!

Заведующий улыбнулся, разведя руками.

Все трое опять гуськом пошли по берегу, но быстрее, чем прежде, и теперь впереди шел прокурор, спрашивая: «Куда? Сюда? Сюда?» За ним четко вышагивал Крабов, а заведующий плелся последним.

Они пролезли через дыру в заборе и очутились в дальнем конце огорода Савина. За яблонями виднелась соломенная крыша его избы. Вдоль изгороди сплошным кустарником росла малина, роскошная, густая, но кое-где пополам с крапивой.

— Ах, да хороша малина! — воскликнул прокурор, забираясь в самую гущу кустов и набирая на шляпу паутины, сухих листьев. — Крабов, Крабов, нет, это — чудо, это не малина, это — чудо. Я помню детство.. Вот так мы... М-м...

— А вот у меня... это было в войну... шли мы уже по Эстонии... — начал было рассказывать Крабов.

Но по листве хлестко ударил и зашуршал дождь. Неведомо откуда, когда и как на небе оказались седые, низкие тучи, солнце еще не скрывалось, а дождь уже хлынул, залопотал, заиграл, и — недаром парило! — раскатились, один нагоняя другой, разряды грома.

Савин и Крабов бросились под густой вяз, листва которого зашумела, как водопад. Но Попелюшко только глубже нахлобучил шляпу. Он не мог уйти; поправляя мокрые, сползающие очки, он все рвал, отправляя в рот, сочные, ни с чем не сравнимые ягоды. Савин и Крабов кричали ему, звали под дерево, а он только отмахивался и раздвигал все новые кусты.

Под вязом бегали муравьи, было сухо и уютно, как в шалаше.

— Вы славно живете! Как при коммунизме, — сказал Крабов. — Общественные вишни, уток не воруют, и малину никто не ест.

— Ну, этого добра у нас хватает, — уклончиво отвечал Савин. — Хорош дождичек, на картошку...

— Да, для картошки хорошо... для всего хорошо. Мотоцикл я собирался мыть, а вот теперь и не надо.

— Пьянствуют у нас, вот где бич, — вдруг сказал Савин. — Культура низка. Бьюсь-бьюсь!.. Невыходы на работу, драки, понимаете, вроде вчерашней, счеты всякие личные. Ох, кажется, долго еще с этим жить!..

— М-да...

Они постояли молча, наблюдая за прокурором. Сквозь листву просочилась и капнула первая капля.

— А! — махнул рукой начальник милиции и полез под дождь в мокрые кусты. — У, вот она где, свежа!

Чтобы не оставаться одному, заведующий, поеживаясь, тоже вышел, сорвал две-три ягодки, потом разохотился, стал выбирать.

— Да, может, в дом пойдем? — сказал он, с улыбкой глядя на желтую спину прокурора.

— Пойдем, пойдем! Сейчас...

Дождь, что называется, пришпарил. Тут уже не выдержал и прокурор. Теряя тапочки, он тяжело побежал по картошке, а за ним начальник с заведующим.

Они ввалились в сени, хохочущие, толкаясь, как мальчишки; выяснилось, что прокурор бежал с сорванной веткой, которую общипал на ходу.

— Ну и малина, вот это малина!

Разулись и помыли ноги и сапоги под струйками, бежавшими с крыши на крыльцо.

— Пропала шляпа, теперь тебе жена всыплет! — сказал Крабов злорадно.

— А мы ее высушим, — жалобно сказал Попелюшко. — Вот бумаги попихаем и высушим.

Савин принес ворох газет, стал делать из них ком, но что-то обнаружил и вчитался.

— Что?

— Тьфу ты! — хмыкнул Савин. — Тут меня, оказывается, кроют, а я не читал... За какое это? Позавчерашняя...

Начальник милиции расхохотался, раскатисто, с кашлем, захлебываясь от смеха:

— Его кроют... ах, ах... а он не читал! Ах, мать честная, его кроют, а он... не читал!

Савин смущенно изучал заметку, моргая глазами.

— И все неправильно, — с обидой заключил он. — Пишут!

Гости вошли в избу. Сперва была совсем голая — только грубый стол да скамейки — маленькая комнатка, и, полагая, что это пустая боковушка, гости прошли дальше, но там была узкая промежуточная комнатка поменьше, без стульев, заваленная мешками, какими-то приборами и пучками овса, пшеницы, трав. Они толкнулись еще дальше, но войти не смогли, ибо дальше была только клетушка, вся заполненная двуспальной кроватью; ею изба кончалась, поэтому им, несколько сконфуженным, пришлось вернуться в первую комнату, принятую за пустую боковушку, но которая была, оказывается, главной и парадной комнатой в доме, а также столовой, судя по валявшимся на столе коркам и обглоданным костям.

Пол давно не подметался, на подоконниках валялись дохлые мухи, и вообще во всем виднелось то унылое запустение, какое способны разводить, кажется, только одни немолодые мужчины без жен.

— Хотите мяса поесть? — спросил хозяин, открывая печь.

В печи оказался примус, на нем большой чугун с каким-то варевом. Гости отказались.

— А то давайте, — радушно предлагал Савин, извлекая из чугуна чуть не целый бараний бок. — Жена гостит второй месяц у родных, а я, как умею, готовлю себе пропитание: мясо водой залил, соли туда — и ничего...

— А у вас, я погляжу, рабочие лучше начальства живут, — покачал головой Крабов. — Теснота...

— Рабочие есть и зарабатывают поболе мо-

его, а кроме того, мы строим, там, по-над балочкой, целая улица, полдома и нам достанется, неохота возиться уж тут, устраиваться. Жену отправил отдыхать, а мне одному просторно.

— Моя жена вечно в городе сидит,— вздохнул Попелюшко.— У тебя детей нет, твоей просто, махнула себе, а ты барана сварил в горшке, обглодал — порядок.

— А у вас много детей?

— Восемь.

— У-у!..— промычал Савин.

— Старшие двое в лагере, скоро вернутся.

— Однако силен,— сказал Крабов.— У меня двое, и то... Но жена у меня, хлопцы, славная, ах, какая у меня жена! А вот у него ведьма.

— Ну, допустим! — обиделся прокурор; ему захотелось тоже похвастать женой, и он сказал: — Она у меня красивая! Захотела сбросить десять кило — и сбросила, не то что я.

— С такой оравой и тридцать кило сбросишь,— заметил Крабов.

— Детей бы на лето в деревню вывозить,— мечтательно сказал Попелюшко.— Пусть бы они на вишни лазили.

Савин, улыбаясь, встал и открыл окошко. В комнату влетел свежий воздух с дождевой пылью, вкусный, как вода из колодца. На дворе быстро темнело, только полыхали молнии. Савин пощелкал выключателем.

— Вот же мудрецы! Как гроза, выключают свет.

— Может, в этом есть какой-то смысл?

— Какой там смысл! Невежество.

— Однако,— встревожился прокурор,— как же мы теперь поедем?

Дождь продолжался затяжной, и было ясно, что сумерки, пришедшие с ним, уже не разойдутся, а дороги развезет и затопит.

— Ночуйте у меня,— предложил Савин.

— У меня завтра суд,— сказал прокурор.— Серьезное дело, мне надо, хоть расшибись.

— А мне к девяти на службу.

— Да всем надо,— сказал Савин.— Меня вон в сельхозотдел вызывают зачем-то.

— Греть будут?

— Наверное...

— Нет, но как же мы поедем?

— Да вы спите у меня,— беззаботно сказал заведующий.— В два часа ночи придет машина за мной, я вас разбужу, и вместе поедем. Учитывая дорогу, к девяти доберемся, а застрянем, скопом вытащим, видите, даже двойная выгода.

И видя, что гости заколебались, добавил:

— О мотоцикле не беспокойтесь, хлопцы починят, а потом подошлите милиционера.

Крабову очень не хотелось ехать на мотоцикле ночью, в грязь, по незнакомым дорогам, и он сообразил, что, как начнут биться в колдобинах, коляска под прокурором сломается.

— Идет,— сказал он.— Где у тебя сапоги высушить?

Они развесили мокрую одежду на печке, Попелюшко и Крабов легли вдвоем на хозяйскую кровать; и хотя кровать была двуспальная, им было тесно. Савин накинул дождевик и куда-то ушел.

Некоторое время лежали молча. Но каждый затаился, боясь потревожить соседа, и знал, что сосед также не спит, а думает о чем-то. И так они думали, думали.

Вдруг сквозь шорох дождя донесся отчаянный тысячеголосый гам, выкрики, скрежет. И опять Крабов нервно вздрогнул, но вспомнил, что это крик утиного народа, что их, наверное, кормят на верхнем пруду. Вспомнил хромого сторожа и подумал, что охрана никуда не годится, но раз заведующий так уверен — значит, так можно, и взводы сторожей, так же как и милиция, здесь не надобны, и это почему-то его оскорбляло.

— Ну тебя к черту, давай валетом! — сказал Крабов и, забрав подушку, перекатился к другой спинке.— Габариты у тебя!

Попелюшко глубоко вздохнул.

— Жена, наверное, с ума сходит...— задумчиво сказал он.

— Моя приучёна,— сказал Крабов.— Семнадцатый год, бедняга, со мной мается, привыкла... Ты знаешь, ведь она у меня эстонка,— зачем-то добавил он.

Затихший было печальный утиный крик возобновился с новой силой. Молния вспыхивала, но уже без грома: гроза удалялась. Тикали не замеченные прежде ходики. Вдвоем в постели было жарко.

Помолчав немного, они заснули, и время от времени прокурор чувствовал, как острые коленки начальника милиции препротивно бьют его в мягкий, нежный живот. «И чего бы сучить!» — возмущался он во сне и обижался до слез. Сквозь сон же он слышал, как приходил Савин, подтягивал гирю на часах, поправлял одеяло и о чем-то говорил с Крабовым. И так повторялось много-много раз: Савин приходил, уходил, а у прокурора не было сил проснуться и узнать, в чем дело.

Наконец он почувствовал прохладу и невыразимо сладостную долгожданную свободу. Приоткрыв глаз, он не обнаружил на кровати соседа. Содрав с Попелюшко одеяло и завернувшись в него, Крабов спал на полу. Прокурор с наслаждением захватил всю кровать руками и ногами и по-настоящему вкусно заснул.

— Ну, вставайте, транспорт пришел,— сказал Савин.

— А ты сам где спал? — кряхтя и морщась, спросил Крабов.

— Я не спал, замотался совсем. Тысячу уток погрузили.

— Дня тебе нету.

— День-то я в основном с вами ухлопал,— добродушно сказал Савин.— Тут же звонят с комбината: давай тысячу.

— Завтра бы отвез,— зевнул Крабов.

— Ага, еще другие захватят! Тут ее не то вырастить, тут ее сдать — вот проблема! Комбинат мал, не перерабатывает. А они у меня в сутки едва не машину комбикорма жрут.

Сонные, недовольные друг другом, гости оделись, вышли, поеживаясь, на крыльцо и остановились, пораженные: непогоды и следа не осталось. Небо было фиолетово-черное, без единого облака, всюду, куда ни глянь, мерцали яркие звезды, одна поближе, другая подальше, а великолепный Млечный Путь с его неведомыми мирами уж совсем в невообразимой дали.

И было свежо, бодро, дышалось легко, как в юности. Из тьмы показался огненный глаз, он исчез за деревьями, блуждал, сопровождаемый лаем собак, выскочил совсем рядом и с урчанием остановился перед крыльцом. И было приятно, что это он к ним приехал, что это он их повезет в ночь.

— Зоотехник здесь? — спросил Савин.

— Тут я...— отозвался молоденький женский голос из кабины.

— А сена я полкопешки бросил,— говорил шофер.— Через Полетаевку поедем или через Клины?

— Давай лучше через Клины, да не очень гони: мы поспим немного.

Гости приблизились, но с недоумением остановились перед транспортом. Это был обшарпанный, видавший виды совхозный грузовик. В кузове скамеек не имелось. Собственно, согласно правилам ОРУДа, так не разрешалось ехать, и начальнику милиции, уж конечно, это было известно. Но кузов был доверху забит пахучим свежескошенным сеном, трое мужчин

провалились и потонули в нем, Крабов и Попелюшко ползали на коленях, не понимая, как же пристроиться: сидеть ли по-турецки, лежать ли на боку, либо на животе,— а грузовик тронулся, и они повалились друг на друга.

— Очень славно, очень мило, — сказал прокурор, отыскивая очки. — Признаться, я лет сто не ездил на сене.

— Ну, — сказал Савин. — До начальства высоко, до города далеко, я спать буду. И вам советую.

Он выгреб яму, подбил под голову, уткнулся в сено и сдержал слово: как лег, так сразу и уснул и не просыпался более, хотя грузовик прыгал, вскидывал задком и качался, как в море лодка.

Грузное тело прокурора все пришло в движение, оно тряслось и колыхалось так, что на ухабах забивало дух. Несмотря на это, он чувствовал в себе какой-то необычайный подъем, почти детский восторг. Крабов лег на спину, заложил руки за голову, воображая, что ему покойно, и его острые колени мотались туда-сюда в такт раскачиваниям машины. А прокурор крутился, проваливался, сползал, наконец уцепился за борт, встал на колени и выглянул из-за кабины.

В лицо ему резко ударил ледяной встречный ветерок. Он увидел два длинных луча, бегущих перед радиатором, освещающих колею и лужицы воды. Но дорога в целом уже была суха, неправдоподобно белеса, с темными каемками травы, а по обеим сторонам стояла спелая рожь, которая вся вспыхивала, просвечивалась, когда фары направлялись на нее, и даже васильки были отчетливо видны, почему-то светло-голубые в искусственном свете. Впереди что-то ярко заблестело, как два изумруда, и не успел прокурор сообразить, что это были чьи-то глаза, длинная тень зверька шмыгнула в рожь. А вокруг была густая, жуткая, фантасмагорическая тьма, казалось, ощутимая рукой, и грузовичок, как ножом, резал ее.

Коленям стало больно, прокурор выпустил борт, упал на спину, выпятив живот. Сено шуршало и покалывало сквозь рубашку. Он практично подумал, что, наверно, приедут в город непоздно, так что он успеет забежать домой, позавтракать и даже вымыться в ванне до суда.

— Послушай, а вон та звездочка, кажется, движется? — сказал Крабов, всматриваясь в небо.

— Где?

— Во-он та, сперва троечка, а она левее.

Прокурор долго смотрел на звезду.

— Нет, показалось тебе.

— Ничего мы не знаем, — сказал Крабов,— и звезд мы не знаем.

Прокурор лежал, озабоченно прислушиваясь, как в нем перемешиваются печенка с селезенкой. Не то какая-то боль, не то какая-то обида беспокоила его, то ли просто было неудобно лежать.

— Нет, я не понимаю другого, — сказал он. — Я не понимаю, почему на мою долю выпало судить, наказывать...

Он обрадовался, что Крабов не расслышал его слов и ничего не ответил, он не мог найти слов, чтобы выразить то сложное, мучительное чувство, которое навалилось на него и не отпускало. Прошедший день был так прост и естествен, сено в машине было так пахуче, небо так бездонно. Жизнь была так полна, богата, хороша, что было неясно, почему приходится в ней кого-то судить, сажать под арест, отправлять в больницу; и прокурору показалось в эту минуту, что он — нет, не лишний, не то слово, а странное явление в ней. Именно странное, положительно странное.

Эта мысль ни разу за всю его долгую практику не приходила ему в голову, а пришла сейчас, после той невыносимой жары августовского дня, общественных вишен (ах, хороши были вишни!), грозы, малины (малина была хороша!), в этой фантастической ночной поездке.

— Мы санитары, прокурор,— вдруг жестко сказал Крабов; оказывается, он расслышал.— Вот и все относительно нас. Придет час, станем не нужны, никто нас не вспомнит, кому до нас дело! Ну, и на здоровье.

Он по примеру заведующего стал зарываться в сено.

— Да, да, конечно, — сказал Попелюшко. — Скажи мне: ты искренне веришь, что придет час?

— Верю, — буркнул Крабов. — А ты лучше спи, ехать нам еще порядком.

Прокурор, не перенося больше тряски, опять уцепился за борт, выглянул из-за кабины и увидел все то же: два луча, режущие тьму, светлую дорогу между двумя стенками ржи, белесые васильки.

Впрочем, ему почудилось, что впереди, там, где во тьме угадывался горизонт, небо чуть серело. Это могли быть огни города, мог быть и рассвет. Подумав, прокурор сообразил, что до города с его благоустроенной квартирой еще порядком, что туда они приедут засветло, что посветлевшее небо, пожалуй, означало рассвет, первые признаки дня. И это было так.

ЧЕЛОВЕК, ОРУЖИЕ, ПОДВИГ

Олесь Гончар вошел в литературу весомо и прочно трилогией «Знаменосцы».

Теперь, спустя тринадцать лет, он в романе «Человек и оружие» снова вернулся к изображению Великой Отечественной войны. Но не завершающий период исторической битвы Советской Армии с фашизмом привлек на этот раз внимание писателя, а самое начало войны — ее первый день, первое военное лето.

В основе романа лежат судьбы студентов Харьковского университета, которых военная буря застала в разгар зачетной сессии. Преимущественно их глазами увидены, их интеллектом оценены многие события и на фронте и в тылу.

Для нас 22 июня 1941 года запомнилось именно так... Сверкающее, залитое солнцем утро, зовущая голубизна высокого-высокого неба, буйная зелень деревьев и трав, неуемный гомон птиц, и от всего этого столько счастья на сердце, столько радости в жизни, что, кажется, отпусти тебе два и даже три земных срока, и то будет мало. И вдруг война...

Изображение первых дней войны построено в романе на контрастах: советская действительность, в которой властвует человеческий разум, созидание и творчество, и действительность фашистская, с тупым господством стихии дикарства, разрушающей все разумное и высокое. Вот, например, какие чувства возникают в душе героев при виде Днепрогэса, на который фашисты сбрасывали бомбы:

«Все, что так вдохновенно строилось, возводилось миллионами трудовых рук, разве же оно строилось для бомб? — думает Богдан.— На целые столетия мирной жизни было рассчитано это сооружение!»

Контрастные картины, рассуждения героев о призвании человека, о звериной сущности фашизма передают драматизм времени, трагедию не только нашего народа, но и всего человечества, трагедию разума.

Философская концепция романа, изобличающего фашизм, злободневна и сегодня: и в наши дни самыми опасными врагами всех честных людей остаются новоявленные фашисты, помышляющие о превращении Земли во всепланетарный морг.

Но идея романа «Человек и оружие» не столько в нравственном обличении фашизма, сколько в изображении тех сил, которые способны его обуздать.

Герои нового романа О. Гончара только начинают свой ратный путь. Он пролегает не по чужой земле, как в «Знаменосцах», а по своей. И даже не на запад, а на восток идут войска, оставляя врагу колхозные нивы, сады, заводы... О, как невыносимо тяжел этот путь!..

Но, несмотря на различие обстоятельств, положительные герои романа «Человек и оружие» по сути своей очень близки героям «Знаменосцев». Это предшественники знаменосцев. Они тоже видят победу, пусть ошибаются в сроках — ошибались тогда все мы. Главное, они верят в победу! Богдан Колосовский, пройдя войну, наверняка станет вровень с майором Воронцовым или подполковником Самиевым. Не по званию или должности — суть не в этом, а по душевным качествам человека, солдата.

Богдан Колосовский — центральный персонаж романа, и удача произведения в целом во многом связана с достоинствами этого образа. Писатель показывает Колосовского в мирной жизни, среди друзей, наедине со своими заветными мыслями, в бою — многогранно и объемно.

Богдан Колосовский — образ своеобычный. Это в немалой степени определяется биографией героя: он сын командира Красной Армии, подвергшегося в 1937 году репрессии, насколько можно судить, несправедливо. Посвящая нас в судьбу Богдана, автор поднимает проблему доверия к человеку. Особенно примечательна здесь сцена в райкоме партии, в комиссии по отбору добровольцев на фронт. И по тому, что батальонный комиссар Лещенко сердцем и умом понимает благородный порыв Богдана, и по тому, что еще раньше многие студенты факультета не отвернулись от Колосовского, можно судить, что автор дал верное решение проблемы, отразив гуманистический дух нашего общества.

Сцена в райкоме, пожалуй, самая эмоциональная и напряженная в произведении. Она свидетельствует о возросших возможностях Гончара-художника, но она же и обнажает отдельные его слабости в романе «Человек и оружие». Рядом со сценой в райкоме выглядят схематичными некоторые авторские ходы, их эмоциональная мотивировка. Мне представляется, например, что образ Спартака Павлущенко мог быть глубже и содержательнее, особенно там, где Павлущенко расстается со своей «архибдительностью».

С характером Богдана Колосовского писатель связывает и другой важный вопрос: об идейных истоках поведения наших людей, готовности их к подвигу. Вдумчивый, правдивый Лещенко наставляет Спартака:

«— Вы, видимо, полагаете, что патриотизм, это священное чувство, доступно только избранным, только тем, к кому наша жизнь была повернута все время своей солнечной, своей самой щедрой стороной. Быть патриотом, когда жизнь тебя только по головке гладила,— это, я вам скажу, не велика штука. Нет. ты побудь вот в положении хотя бы того же Богдана Колосовского, когда сердце кровоточит, и с таким, кровью облитым сердцем, сумей стать выше всех бед и обид! Это, по-моему, как раз она и есть, подлинная, священная любовь к своей Отчизне».

Образ комиссара Лещенко в литературе об Отечественной войне в известной мере новаторский. Новое в нем — стремление прямо взглянуть на действия людей, которые под благовидным предлогом осуществляли несправедливые репрессии, и не согласиться с ними. Лещенко оказывает партийное доверие, а значит, берет под защиту человека, на котором лежит пятно сына «врага народа». Следует отметить, что эти качества в характере комиссара писатель дает скорее как потенциальные, у Лещенко тут больше интуиции, нежели осознанного понимания. Но это надо отнести как раз не к недостаткам образа, а к достоинствам его; здесь соответствие времени, а не модернизация, не привнесение в образ того, что в жизни было понято значительно позже.

Изображение отрицательных образов сделано слабее. Здесь чаще проступает язык логики, иногда обычной информации, а не художественный рисунок. Исключение должно быть сделано только для образа командира полка, которого автор по дивизионному коду именует просто «девятым». Именно «девятый» человек не только без доброго сердца, без глубоких чувств да и без надлежащего ума, но и без фамилии, механический гражданин в мундире военачальника. «Девятый» заставляет студенческий батальон атаковать противника, когда атака абсолютно невозможна, и, конечно же, ничего, кроме серьезных потерь, она не приносит. Командиры, подобные «девятым», явились одной из причин неудач Советской Армии на первом этапе войны.

«Девятому» в романе отведено немного места, образ его написан скупо, но весьма выразительно. Он построен на действии, на контрастном несоответствии должного и сущего. Здесь подтверждается бесспорная в искусстве истина, что для художника драматизм — лучшее средство выявления характера. И там, где автор следует этому правилу, ему сопутствует успех.

Несколько слов о пейзажах романа. Они написаны красочно и звучно. От них веет просторами украинских степей, пахнет травами, спелыми яблоками, в них слышится шелест колосьев созревшей пшеницы. Пейзажи романа то радуют, то тревожат, то до боли сжимают сердце, как и все повествование о тяжелом и трудном сорок первом годе...

И. КОЗЛОВ

Олесь Гончар. Человек и оружие. Изд-во «Молодая гвардия». 1960. 341 стр.

Дочь солнца

...Теплый калифорнийский ветер приятно ласкал лицо. Машина мчалась по пустынным окраинам Лос-Анжелоса. По сторонам возвышались высокие пальмы, превращая улицу в экзотическую аллею. Повсюду низкие аккуратные особнячки, отгороженные друг от друга маленькими заборами.

За рулем сидел смуглый черноволосый человек с печальными глазами. Моизес Виванко, композитор, муж и импрессарио перуанской певицы Имы Сумак, рассказывал нам историю своей семьи:

— Это было в 1942 году. Я, еще совсем молодой композитор, путешествовал, собирая народные мелодии. В маленьком городке Кахамарке, расположенном на севере Перу, меня пригласили послушать школьный хор. Среди детей выделялась своим редким по красоте и диапазону голосом (4 октавы) тринадцатилетняя Има Сумак, дочь индианки и испанца, предки которого переселились в Латинскую Америку несколько поколений назад. В Кахамарке была только школа-пятилетка, и родители вынуждены были послать в конце концов свою одаренную дочь в столицу Перу — Лиму, чтобы дать ей возможность продолжить учебу.

В Лиме мне удалось разыскать Иму. Мы репетировали в свободное от уроков время в течение целого года, и в июне 1943 года состоялся дебют Имы Сумак на перуанском телевидении. Не только голос девочки пришелся по душе любителям музыки, но и ее репертуар. В то время как среди знати в большой моде был американский джаз, Има пела народные песни.

На организацию дальнейших выступлений нужны были деньги, но за народное искусство хозяева телевидения не хотели платить — они предлагали нам большую сумму за исполнение «модной» музыки. Мы отказались.

Тогда пришлось нам отправиться путешествовать в другие страны. У простых людей мы везде имели успех. Народная песня объединяет слушающих. Этого-то и боялись больше всего официальные власти.

Когда после многолетних скитаний по странам Латинской Америки в 1953 году Има вернулась в Лиму, ее приветствовали на улицах жители столицы.

В 1954 году мы переехали в США. Видимо, наше увлечение фольклором пришлось не по душе молодчикам из ФБР, и вскоре я оказался в тюрьме Эллис Айленд, куда вместе со мной в то время были заключены многие ни в чем не повинные прогрессивные американцы. Меня вскоре выпустили, но имена Сумак и Виванко прочно попали в черные списки неблагонадежных.

В 1957 году, после того, как мы приняли участие в организации фестиваля латиноамериканской песни в Лиме, наши отношения с госдепартаментом США особенно обострились. К нам придирались по любому поводу. Когда Има впервые исполнила «Гимн солнцу», я был вызван в Вашингтон. Несколько часов подряд чиновники госдепартамента пытались вынудить у меня признание в том, что сочиненная мной песня — «коммунистическое послание».

За последние восемь лет правительство США не разрешило Име дать ни одного публичного концерта, и тем не менее пластинку с песнями дочери солнца, как перуанцы называют мою жену, вы найдете в любой американской семье, особенно в южных штатах...

...Машина сделала крутой разворот и остановилась перед одноэтажным домом.

— Приехали,— сказал Виванко, захлопывая дверцу. — Это наш дом. Проходите...

Хозяин провел нас в комнату, обставленную низкой мебелью. Стульями служили широкие кожаные подушки, лежащие прямо на полу. На стене висела фотография: Има и Моизес с группой артистов Большого театра. США. 1959 год. С подоконника широкого окна на нас приветливо поглядывали матрешки.

В комнату вошла худенькая красивая женщина в пестром перуанском халате. На лице ее светилась приветливая улыбка.

— Я давно мечтала побывать в вашей стране, — начала разговор Има Сумак.— Очень рада, что моя мечта сбудется. Мне говорили, у вас ценят и любят народную музыку.

— Расскажите, пожалуйста, что вы любите петь?

— В предгорьях Анд жили племена инков и качуа — коренное население Латинской Америки. Все свои обряды они сопровождали пением. Моизес — знаток этих мелодий. Многие из них легли в основу его произведений.

Има говорила короткими фразами, изредка спрашивая мужа по-испански нужное английское слово.

— Мелодии инков,— закончил за жену ответ Виванко,— очень просты — в большинстве они состоят из пяти нот, не более. В своих песнях инки подражали шумам природы, зверям, воображаемым духам. Голос Имы — благодатный инструмент для их исполнения. Но, конечно, ее репертуар включает также народные песни всех стран, где говорят по-испански, и произведения классической музыки.

В комнату вошел загорелый десятилетний мальчуган.

— Мой сын Чарли,— познакомила нас Сумак.— Когда мы поедем в Москву, он обязательно будет с нами. Я мечтаю, чтобы он поступил в советскую школу.

После угощения — перуанского блюда (что-то вроде пельменей с мясом и очень острой приправой),— изготовленного самой хозяйкой, мы прослушали несколько новых произведений Виванко в исполнении Имы.

Из динамиков, установленных в камине, в комнату лился голос, проникающий в самое сердце. Лицо певицы слегка побледнело. Наклонившись вперед, она пристально смотрела в камин. Исполнялась песня «В лесах Амазонки». В ней рассказывалось о людях, которые, лишившись работы, вынуждены искать приют в джунглях великой реки. Нам казалось порой, что мы слышим шелест листьев, шепот волн и даже крики людей.

Сейчас Има Сумак и Моизес Виванко вместе с сыном в Советском Союзе. В Москве мы встретились, и Виванко рассказал, что налоговое управление США неожиданно потребовало от него выплаты огромного налога, который якобы не был выплачен ранее за дом и участок. Это равносильно конфискации дома, так как нужной суммы у Виванко нет.

Гастроли Имы Сумак продлятся три месяца. После концертов в Ленинграде она будет петь в Москве, Таллине, Риге, Вильнюсе, Минске, Киеве, Баку, Ереване и Тбилиси.

Из Советского Союза Сумак и Виванко отправятся к себе на родину, в Перу.

Вадим БИРЮКОВ

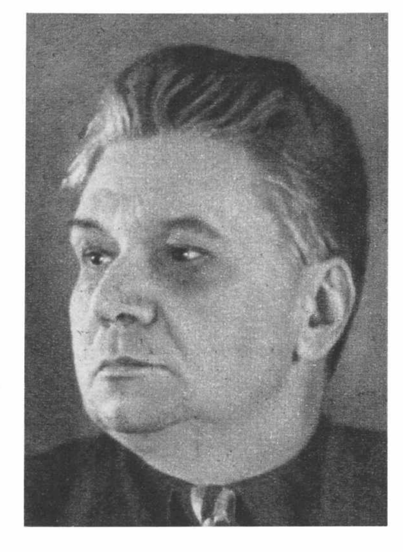

С веком наравне

Свое шестидесятилетие Николай Федорович Погодин может и должен рассматривать как середину своего жизненного пути. Впереди еще много творческих открытий и радостей, много героев новых пьес, новых тем, новых премьер, много, к нашей общей радости!

Есть все основания говорить о б о л ь ш о й ж и з н и не в возрастном, а в творческом смысле этих слов. Крупнейший и популярнейший советский драматург, один из зачинателей советской драматургии, Николай Погодин действительно прошел к своему шестидесятилетию большую, счастливую, яркую жизнь.

Если собрать героев его пьес, которых видели десятки миллионов людей в нашей стране и за ее рубежами, потребуется без всякого преувеличения огромный зал. Галерея героев Погодина поистине необычайна персонажами, характерами, красками, конфликтами, подвигами и ошибками, радостями и горестями, смехом и слезами — одним словом, всем тем, что является жизнью и что так талантливо и любовно отображает Погодин в своих пьесах вот уже несколько десятков лет.

Драматургия — труднейший жанр литературы. Погодин — мастер этого жанра. Но дело не только в его мастерстве, давно завоевавшем признание. Это высокое мастерство всегда неразрывно связано с современностью, и погодинское творчество глубоко партийно от начала до конца. Он пишет о днях нашей жизни, он утверждает в своих пьесах великие идеи нашего века, идеи коммунизма. Видение Погодина-художника прицельно и проницательно. Вот почему его пьесы — это картины всех этапов нашей жизни, с их борьбой, трудностями и величайшими свершениями. Вот почему так жизненны и достоверны образы героев его пьес.

В центре знаменитой трилогии Николая Погодина — замечательный образ В. И. Ленина. Пьесы «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая» — это классика советской драматургии.

Во всех погодинских пьесах мы всегда угадываем, чувствуем и любим еще одного героя — автора этих пьес, неутомимого, умного, пристально всматривающегося в жизнь, связанного с думами и чаяниями народа.

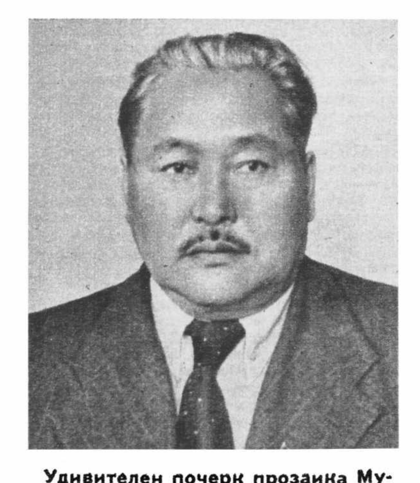
Вот почему таким общим одобрением было встречено присуждение Николаю Погодину — первому из советских драматургов — высокого звания лауреата Ленинской премии.

Как хорошо, что в день своего шестидесятилетия Николай Федорович все так же пристально и зорко всматривается в жизнь, что так же молоды и озорны его глаза, что он, как и прежде, готов творить во имя коммунизма.

Пожелаем ему здоровья, бодрости, новых творческих успехов!

Лев ШЕЙНИН

Писатель большой судьбы

Жизнь одаренных художников слова, как правило, складывается так, что она непременно насыщена значительными историческими событиями, радостью и горем народным, что она всегда полна неизгладимых впечатлений и наблюдений над действительностью уже с самого раннего возраста.

К таким художникам, которых как бы сама эпоха наделила интереснейшей биографией, относится и Сабит Муканов. Шестидесятилетие со дня рождения и сорокалетие его творческой деятельности в эти дни широко отмечает общественность Казахской республики.

Был у бая прилежный батрак, который не имел ни собственного очага, ни животины. Но это волновало его меньше, чем желание иметь сына — наследника своего. Четырнадцатым ребенком забеременела его жена, которая до того разрешалась дочерьми. Но вот четырнадцатому ребенку суждено было родиться сыном, имя которому Сабит.

Сам Муканов юношеские годы провел батраком у богачей. Вместе с табунами и караванами он много странствовал по степям Центрального Казахстана.

Когда совершилась Великая Октябрьская революция, Сабит только-только научился читать и писать. Но уже через год-два он пишет первые стихи: «Плач батрака», «Думы», «Смерть жумаша»,— в которых воспевает новый строй, новую жизнь.

С. Муканов обновил обветшалые формы и традиции литературы, создал много свежих образов, ввел в систему казахского стихосложения интересные, подчас неожиданные обороты речи, нисколько не нарушая при этом внутренние законы родного языка.

Трудно представить себе казахскую прозу крупной формы без творчества Сабита Муканова. Собственно, она и началась с его романов «Заблудившиеся» и «Загадочное знамя» (позднее — «Ботагоз»).

Удивителен почерк прозаика Муканова, так много видавшего и так много знающего! В его произведениях вы увидите целую галерею портретов с самыми различными характерами и судьбами, склонностями и страстями. Вы видите прекрасный пейзаж Казахстана — золотые нивы Прииртышья, шуршащие камыши Сыр-Дарьи, своеобразную стихию Аральского моря. Вы слышите раскаты грома, стук дождя, запах трав...

Один из зачинателей казахской советской литературы, крупнейший поэт, прозаик, драматург и литературовед — Сабит Муканов. Лучшие его произведения переведены на многие языки народов мира. Он депутат Верховного Совета Казахской ССР, член ЦК Коммунистической партии Казахстана, действительный член Академии наук республики.

Свой 60-летний юбилей Сабит Муканович Муканов встречает в расцвете творческих сил и творческого горения.

Такен АЛИМКУЛОВ

М. МЕРЖАНОВ

Итак, торпедовцы

Под занавес

Последний матч в Лужниках прошел в морозный вечер на зеленобуром поле, которое четким прямоугольником глядело из сугробов московского снега.

Но это был финальный матч на Кубок СССР, и пламя его страстей согревало не только игроков, сумевших держать температуру кипения все сто двадцать минут, но и зрителей, благодарных за столь красивый подарок под занавес футбольного сезона.

Дуэль двух первоклассных команд — московских торпедовцев и тбилисских динамовцев — прошла на том высоком спортивном уровне, который выгодно отличал ее от примелькавшихся нам обычных состязаний.

В этой дуэли было все: и неистовое желание победить, и «огонь» борьбы, и сольные выступления Михаила Месхи и Валентина Иванова, наконец, в нем был драматический сюжет. Трижды в матче динамовцы проигрывали Кубок и трижды уходили от поражения. И все же за двадцать секунд до финального свистка южане пропустили мяч, который уже не успели отквитать.

Итак, «Торпедо» выиграло Кубок и сделало желанный «дубль».

Вот почему статью об итогах сезона мне захотелось начать именно с этого значительного матча, который, как мне кажется, очень ярко показал потенцию нашего футбола.

В новых условиях

В турнирной таблице Всесоюзного чемпионата футболисты «Торпедо» стоят на самой высокой ступени, ступени победителей. Динамовцы же занимают лишь восьмое место. Конечно, в розыгрыше Кубка бывает разное. Но в данном случае эти два первоклассных клуба разделены не по их подлинному мастерству, а в результате несовершенной формулы розыгрыша.

Получилось так, что динамовцы Тбилиси да и некоторые другие хорошие команды не смогли принять участие в непосредственной борьбе за золотые медали, так как они в предварительных играх летом не вошли в тройку сильнейших коллективов в своих подгруппах. Конечно, это до некоторой степени снизило интерес к футбольным матчам, и мы видели, как иногда пустые трибуны «голосовали» против такого регламента игр.

Но были и положительные стороны новой системы розыгрыша. Чемпионат, в котором приняли участие 22 команды, а не 12, как в прошлые годы, призвал к жизни новые клубы, часть из которых зарекомендовала себя с самой хорошей стороны. Сейчас, когда турнирная таблица заполнена и под ней подведена итоговая черта, все увидели, что в числе 12 сильнейших команд, которые обычно выступали от имени советского футбола, появились новые: «Спартак» из Еревана, «Адмиралтеец» из Ленинграда, «Беларусь» из Минска, «Даугава» из Риги, клубы, пришедшие из класса «Б».

И, глядя на игру этих команд, можно было видеть, как они старались создавать современный футбол. Во всяком случае, игроки этих клубов хорошо освоили грамматику футбольного боя, смело, уверенно, а иногда и с задором вступали в спор в самых ответственных состязаниях.

Здесь хочется сказать несколько слов о молодых игроках, которые пришли на арену большого футбола вместе с десятью командами, получившими право выступать в высшей группе. Это физически крепкие спортсмены, знающие законы современной тактики, умеющие хорошо обращаться с мячом. Они составляют основу всех команд и, несомненно, несколько изменили облик нашего футбола.

Теперь уже все увидели, что одной силы, одного напора слишком мало для достижения победы.

Молодежь с успехом противопоставила этому футбольному анахронизму вполне современную техничную игру с оригинальным тактическим мышлением.

Лучше всего это видно в московской команде «Торпедо», которая приняла знамя советского футбола от экс-чемпионов страны ЦСКА, «Спартака» и «Динамо».

Флагман советского футбола

На наших глазах крепчало мастерство торпедовцев. Мы с волнением наблюдали, как этот молодой коллектив, руководимый опытным наставником Виктором Александровичем Масловым, открывал перед нами новые стороны технического и тактического футбола, совершенствовал их и неодолимо двигался вперед.

Сначала мы просто радовались мастерству молодых людей, счаст-

Чемпионы СССР и обладатели Кубка СССР — московские торпедовцы.

ливо соединенных в одной команде, а потом стали примечать особую красоту их игры, разумность, рациональность. Никаких дешевых эффектов, банальных приемов, неопределенных движений. Краткий выразительный язык их техники придавал игре тонкость и содержательность. Действия торпедовцев всегда были обстоятельны, ясны, понятны, перемещения обоснованны. Они одолевали прочную оборону чужих ворот на таких скоростях, словно знали законы футбольного «сопротивления материалов».

Футболисты находятся в постоянном цейтноте. Им не дано раздумывать над ходами, они должны их знать в совершенстве и исполнять немедленно. Так и делают торпедовцы. Они показали, что способны сделать игроки, объединенные одной футбольной мыслью, одним планом и умением играть дружно.

Их основным спортивным оружием была техника, с помощью которой они, свободно импровизируя на поле, выполняли основной тактический план. Для них физическая подготовка — основа спорта — стала элементарной задачей, а техника и тактика — главенствующей.

Интересно, что торпедовцы, так блестяще сыгравшие дома и за границей, в тактике не совершили никаких особых изменений.

Бесконечные поиски новых форм атаки и особенно обороны, в которых погрязли многие клубные команды Европы, естественно, могли смутить торпедовцев: не так-то легко найти истину в этом разброде тактических новшеств!

Может быть, именно поэтому они не сожгли на костре систему «трех защитников», как это сделали многие тренеры в паническом страхе перед лицом неудач. Больше того, футболисты автозавода показали нам высшую форму этой системы и добились поразительной синхронности действий. Не потому ли они пропустили меньше всех мячей в свои ворота? (Для сравнения сообщу, что две команды, которые особенно откровенно играли по системе «четырех защитников» — ЦСКА и «Локомотив», — пропустили в свои ворота в два раза больше мячей.)

Очень интересно В. А. Маслов направил усилия левого инсайда Б. Батанова в атаке и обороне. Этот работоспособный форвард, оттянутый в линию полузащиты, вместе с Н. Маношиным и В. Ворониным создал прочный заслон на дальних подступах к своим воротам и одновременно стал основным зачинателем атак. Эта тройка часто вмешивалась в сферу действий своих форвардов, создавая численное превосходство то на одном, то на другом участке поля.

В трудные же минуты эта тройка отступала к своей штрафной площадке и вмешивалась в сферу действий своих защитников. Эта своеобразная «футбольная диффузия» является едва ли не основой торпедовской тактики. Не она ли принесла такой редкий успех команде?

Игра футболистов автозавода избавляет меня от тягостной необходимости продолжать спор с апологетами оборонительной концепции, которые все еще стоят на своих старых позициях. Пусть смотрят на игру «Торпедо» и учатся!

Успех футболистов автозавода нельзя считать случайным. «Торпедо» — это старый клуб, имеющий свои традиции, жил и рос в среде лучших советских команд. Он боролся с ними и учился у них.

Поэтому внимательный зритель мог бы заметить в заводской команде черты лучших наших футбольных клубов.

Разве синхронность действий игроков оборонительной линии «Торпедо» не напоминает знаменитую динамовскую защиту во главе с К. Крижевским? Разве легкая, техничная игра Н. Маношина и В. Воронина не заставляет вас вспомнить лучшую когда-то линию спартаковской полузащиты — И. Нетто и А. Парамонова?

Разве, наконец, комбинированные, стремительные штурмы торпедовских форвардов не напоминают атаки армейцев, которых когда-то вели Г. Федотов и В. Бобров? Все взято на футбольный учет. Из поколения в поколение передавалось мастерство, собиралось как народное добро и передавалось законным наследникам — молодым футболистам.

«Торпедо» — продукт советской школы футбола, всегда живой, всегда идущей вперед.

* * *

Сезон закончен. Я коснулся только одной его стороны — новых путей, которые ищут и счастливо находят наши футбольные клубы. Но это, конечно, связано с нашим успешным выступлением в Марселе и Париже, где сборная команда Советского Союза выиграла Кубок Европы. Корень успеха один.

Будущий сезон имеет определенную целенаправленность. Наша сборная должна будет провести четыре отборочных матча на первенство мира с Турцией и Норвегией. Это две «футбольные станции», которые нужно миновать, чтобы поехать в Чили.

Нашей сборной, в значительной мере омоложенной, предстоит весной 1962 года серьезный экзамен на самом высоком футбольном уровне.

Финальный матч на Кубок СССР. Четвертый, решающий мяч в ворота тбилисцев! ←
Фото А. Бочинина.

Вслед за Римом — Лейпциг

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

Последняя шахматная неделя в Лейпциге прошла, как известно, в стремительном наступлении команды СССР. Шестерка наших гроссмейстеров блестяще провела финишный рывок. Лидер аргентинской команды гроссмейстер Найдорф, по его словам, готовился всю ночь к партии с Талем. Еще за час до игры Найдорф сидел в «Астории», не выпуская карманных шахмат из рук. «Самое главное — не дать Талю возможности атаковать»,— правильно заметил Найдорф перед партией, но атака Таля все же состоялась, и аргентинский гроссмейстер сдался уже на 26-м ходу.

«Страшный человек этот Таль: атакует сильнее Алехина!» — воскликнул Найдорф. Все же партия ему очень понравилась, и он передал ее со своими комментариями по телеграфу в Буэнос-Айрес.

Летом этого года сборная СССР играла с ФРГ в Гамбурге. «Встреча на Эльбе» тогда закончилась убедительной победой советских шахматистов. В Лейпциге результат был примерно тот же, и если бы не одна неточность, допущенная Талем в партии с Унцикером, то счет мог быть «сухим». Но 3,5 : 0,5 тоже неплохо.

В матче с Чехословакией отличились наши два экса.

В. Смыслов сильнейшей атакой разгромил 16-летнего В. Горта. «Очень симпатичный, с обаятельной улыбкой парень,— сказал Смыслов,— но делать нечего — нужны «очки».

Л. Пахман при откладывании партии с М. Ботвинником был полон надежд на почетную ничью. Но ночной анализ убедил Пахмана, что его дело безнадежно, и он утром сдался без игры.

В это утро «отличился» Боби Фишер, который считал, что отложенная партия с Найдорфом у него в кармане. Однако аргентинский гроссмейстер, видимо, не собирался сдаваться. Он явился на доигрывание, а скоро молодой американец допустил ошибку и «смазал» выигранную позицию. От расстройства и злобы Боби вдруг смешал фигуры и встал. Опытный, видавший виды Найдорф даже сразу не понял, в чем дело.

— Вы что, сдаетесь? — спросил он.

— Ничья,— пробормотал Боби.

«Странный способ соглашаться на ничью. Ничего подобного я не видел»,— сказал доктор Эйве, узнав об этом инциденте.

После девятого тура сборная команда СССР оторвалась от команды США на 4 очка, и тут уже сам Боби Фишер, единственный скептик олимпиады, начал верить в очередную победу команды СССР.

К концу олимпиады все устали. Так, например, доктор Эйве, несмотря на то, что всю жизнь придерживался образцового спортивного режима и в свои 60 лет выглядит прекрасно, все же не выдержал турнирного напряжения и проиграл три партии подряд.

Л. Сабо, лидер венгерских шахматистов, очень подвел свою команду: в шести партиях он набрал всего пол-очка. Устал от частых выступлений и чехословацкий гроссмейстер Л. Пахман, но он в этом не признавался, объясняя свои поражения тем, что старается усовершенствовать свой стиль. «Хочется играть интересно, активно, одним словом, «по Талю»,— говорил Пахман. Но не каждый раз у него получалось так хорошо, как у Таля.

Перед последним туром никто не сомневался в победе команды СССР, а нашим гроссмейстерам было очень приятно, что они завоевали мировое первенство в день 43-й годовщины Великого Октября. Со всех концов СССР летели в Лейпциг поздравления с праздником и победой. Как же не отметить и того и другого! Даже такой антиалкоголик, как М. Ботвинник, не смог отказаться от стакана хорошего вина в этот праздничный вечер.

Имея в «кармане» 5,5 очка разрыва, наша команда последний тур провела как своеобразный круг почета. Но, к сожалению, «под занавес» на этом круге споткнулся М. Таль. Его проигрыш молодому английскому мастеру Пенроузу был последней сенсацией олимпиады. Видимо, даже Таль не смог избежать последствий усталости. И хотя его проигрыш уже не имел значения, чемпион мира все же расстроился. И зря! Вся наша шестерка показала в Лейпциге высокие индивидуальные результаты. Не смогло «темное пятнышко» — проигрыш Пенроузу — повлиять и на результат Таля, который обогнал всех, в том числе и С. Глигорича, находившегося в превосходной спортивной форме.

Кстати сказать, у Таля были некоторые «оправдания» для проигрыша: давно известно, что шахматистам «опасно» играть в шахматы в свой день рождения. Теперь Таль показал, что даже накануне дня рождения лучше воздержаться от игры. (Таль проиграл партию 8-го, а 9 ноября ему исполнилось 24 года.)

После этой неудачи чемпиону мира плохо спалось. Его мучили мысли: что скажут в Москве, в Риге, как он объяснит свой проигрыш сыну, которому... уже целый месяц? Усталого от трехнедельной борьбы, истерзанного корреспондентами, охотниками за автографами, я застал Таля, к своему большому удивлению, за завтраком в половине восьмого утра.

— Что так рано, Миша?

— Есть дела.

Читатель никак не угадает, куда в этот ранний час спешил Миша Таль. Чемпион мира торопился на... блицтурнир, начало которого было назначено на восемь часов утра. Александр Алехин был известен своей страстной любовью к шахматам, но такого фанатика, как Михаил Таль, еще не знал шахматный мир...

— Вас, может быть, интересует результат блицтурнира? Победили М. Таль и В. Корчной...

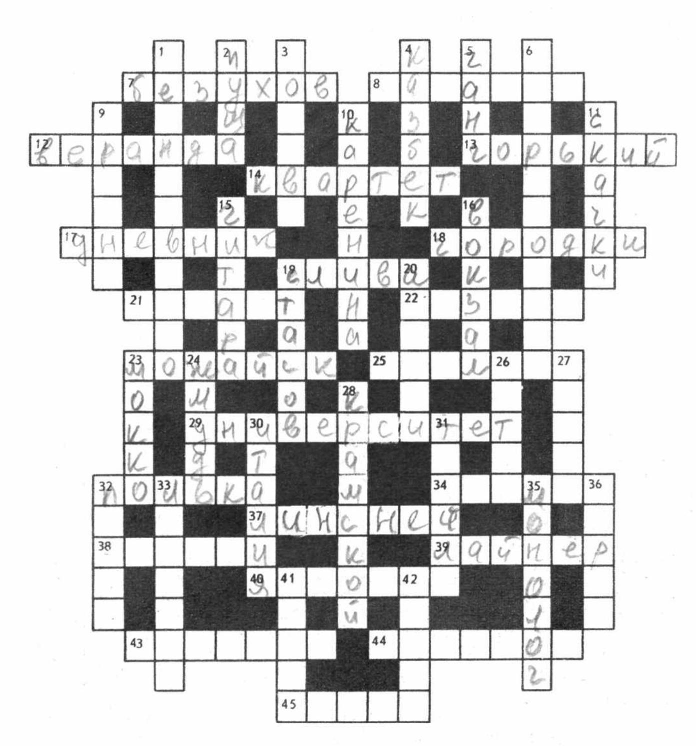
Самое хорошее впечатление произвела игра Ботвинника. Ни в одной партии экс-чемпион не допустил заметной ошибки, ни в одной встрече не попал в цейтнот. Эксперты считают, что Ботвинник приобрел свою спортивную форму: обстоятельство, которое, естественно, значительно повышает интерес к предстоящему матч-реваншу с Талем.

Лишь немногим партнерам Кереса удалось спастись от его стремительных и изящных атак. Трудно было нашим соперникам найти подходящего противника для чемпиона СССР Корчного, играющего на четвертой доске, а что касается наших «запасных» — Смыслова и Петросяна,— то они вообще вносили страх и смятение во «вражеские» лагеря. Петросян добился лучшего индивидуального результата среди всех участников олимпиады. В. Смыслов отстал от него на пол-очка. Как и следовало ожидать, команды США и Югославии оказались «серебряной» и «бронзовой» командами.

Победители всегда бывают довольны организацией соревнований. Но на сей раз следует еще раз отметить совершенно объективно превосходную организацию олимпиады. Это отметил и Л. Шнайдер, организатор XIII олимпиады в Мюнхене, и известный шахматный организатор А. Надлер из Швейцарии, и многие другие. Интерес к XIV олимпиаде был колоссальным — на соревнованиях побывало сто тысяч зрителей.

Итак, большой шахматный праздник закончился. Так же, как Рим, Лейпциг принес новую крупную и убедительную победу советскому спорту.

Лейпциг.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Действующее лицо романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 8. Артист Московского Художественного театра. 12. Павильон, беседка в парке. 13. Порт на Волге. 14. Музыкальный ансамбль. 17. Записи, ведущиеся ежедневно. 18. Подвижная игра. 19. Фруктовое дерево. 21. Опера А. Спендиарова. 22. Электроизоляционный материал. 23. Город, вблизи которого произошло Бородинское сражение. 25. Песня на слова А. В. Кольцова. 29. Учебное заведение. 32. Танец. 34. Народный поэт Чехословакии. 37. Немецкий просветитель XVIII века. 38. Повесть Л. Н. Толстого. 39. Многоместный пассажирский самолет. 40. Растение-медонос. 43. Декабрист, участник Отечественной войны 1812 года. 44. Русский полководец. 45. Корабельная снасть.

По вертикали:

1. Итальянский композитор. 2. Лесной массив, заповедник. 3. Морская щука. 4. Вершина Кавказа. 5. Река в Индии. 6. Журнал, в котором впервые печатались «Севастопольские рассказы». 9. Статуя, служащая колонной. 10. Героиня романа Л. Н. Толстого. 11. Вид конного спорта. 15. Струнный инструмент. 16. Станционное здание. 19. Русский критик. 20. Озеро в Челябинской области. 23. Сорт кофе. 24. Древнее литовское племя. 26. Опора моста. 27. Черноморский курорт. 28. Автор известного портрета Л. Н. Толстого. 30. Государство в Европе. 31. Хребет в Тибетском нагорье. 32. Сельскохозяйственные работы. 33. Советский ученый, исследователь Курской магнитной аномалии. 35. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 36. Пушной зверек. 41. Способ транспортировки древесины. 42. Обрыв, отвесный склон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

3. Хмельницкий. 8. Вокалист. 9. Ангелина. 10. Стенография. 11. «Киев». 12. Щорс. 14. «Кобзарь». 19. Спортсмен. 21. Ренессанс. 23. «Думка». 24. Карась. 26. Обилие. 28. Классон. 31. Мисхор. 33. «Перець». 34. Днепр. 36. Корнейчук.

По вертикали:

1. Смальта. 2. Микешин. 4. Лысенко. 5. Центавр. 6. Костенко. 7. Сноровка. 11. Классик. 13. «Счастье». 15. Бандура. 16. Абрикос. 17. Осень. 18. Зерно. 20. Руда. 22. Сари. 25. Роса. 27. Леер. 29. Лидер. 30. Обруч. 32. Рубка. 33. Пурка. 35. Елец.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

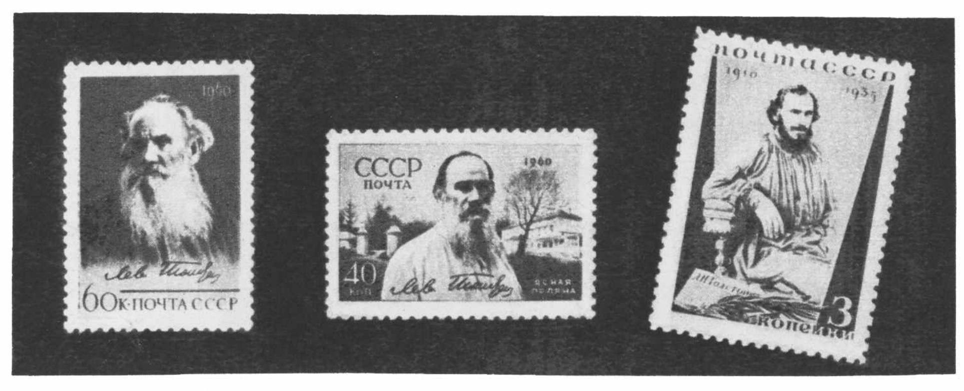
Оформление И. Долгополова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10709. Подписано к печати 16/XI 1960 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6.85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. № 1839 Заказ 3083.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Памятные марки

Первые марки, посвященные Л. Н. Толстому, были выпущены четверть века назад, к 25-летию со дня смерти писателя. Одна из них воспроизводит фотографию, сделанную в 1868 году; вторая — портрет, написанный И. Е. Репиным. Автор этой серии — художник В. В. Завьялов. Следующая марка с изображением Л. Н. Толстого вышла в 1953 году, к 125-летию со дня его рождения. На ней — репродукция с картины Н. Н. Ге.

Пятидесятилетие со дня смерти писателя Министерство связи СССР отметило выпуском серии из трех марок, выполненных по рисункам художника Х. А. Ушенина. На них впервые воспроизведено факсимиле писателя.

М. МИЛЬКИН

Необычное кресло

Когда человек садится в это кресло, то совершенно непроизвольно пытается отодвинуть в сторону брошенные на сиденье рукавицы. Однако они не поддаются. Рукавицы деревянные и составляют одно целое с необычным креслом. Спинка кресла вместе с передними ножками образуют дугу. Подлокотники кресла — два топора, вонзенные в чурбаки. Дуга, сиденье, точеные задние ножки, топоры украшены резным орнаментом. На дуге есть и металлическое кольцо — знаменитая зга.

На одной из рукавиц выгравирована фамилия русского умельца, сделавшего кресло: Шутов. По дуге славянской вязью вырезаны две пословицы: «Тише едешь — дальше будешь», «Поспешишь — людей насмешишь». Кресло изготовлено в середине XIX века. Хранится оно в семье свердловчанина Я. И. Баркова.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Свердловск.

Фото Г. ЗЕЛЬМА.

Группа советских журналистов-автолюбителей совершила путешествие по дорогам Польши и Чехословакии. Некоторые их впечатления мы публикуем.

1. Как не сфотографировать оленя, «прискакавшего» в Польшу с берегов Волги!

2. В варшавском парке стоит памятник Шопену. Лучшие пианисты считают за честь выступить здесь.

3. В руке у юноши магическая книжечка — автостоп. При виде ее любой шофер в Польше нажимает на тормоз. Турист вместо денег дает водителю страничку-квитанцию. Каждый шофер надеется получить главный приз — малолитражный автомобиль, приобретенный на взносы владельцев автостопа.

4. Оригинальная клумба разбита в столице чехословацких обувщиков Готвальдове. Туфля-великан украшает двор комбината «Свит».

5. В подземном царстве, в пещере Мацоха (Чехословакия), лодки плыли мимо города каменных химер, таинственных крепостей, пагод...

6. Силач высоко поднял пивную бочку. «Наше пивечко любят все!» — сказал нам пражский грузчик.

7. Редкий случай в жизни фотокорреспондента. Он не берет, а дает интервью двум чехословацким автотуристам, покидающим нашу родину.

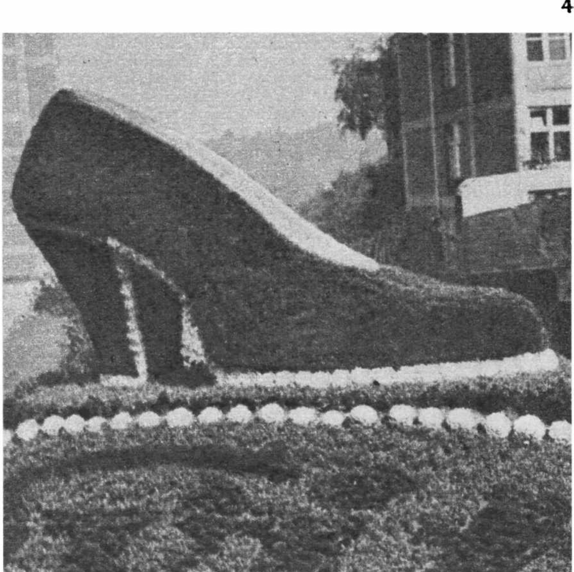

1

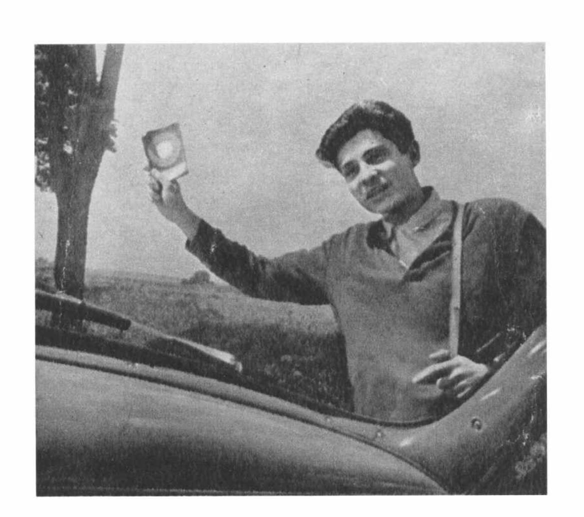
Встречи н

4

3

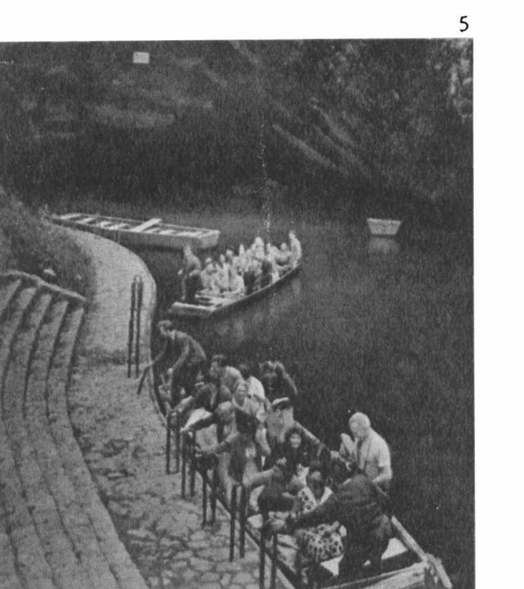
а дорогах

Фото Г. Зельма.

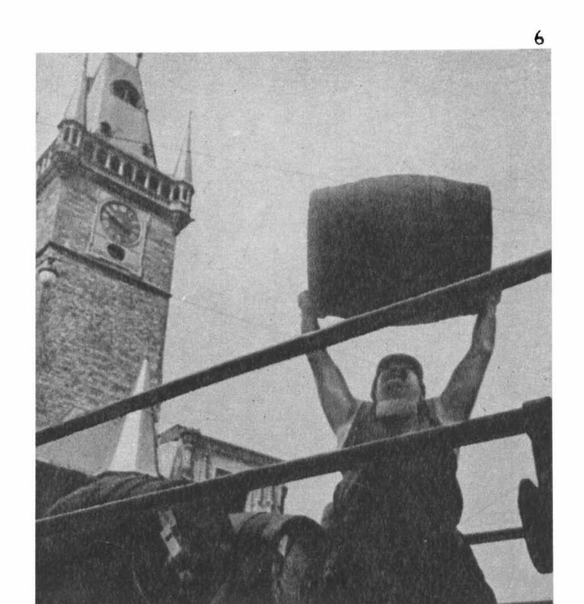
7

5

6

Цена номера 3 руб.